

AVTONOM.ORG

АВТОНОМ

№ 39/2021

**ФЕМИНИЗМ
МЕЖДУ СЕКЦИЯМИ**

**КОММУНАРСКИЙ
ОПЫТ**

**РОЖАВСКИЕ
ДОБРОВОЛЬЦЫ**

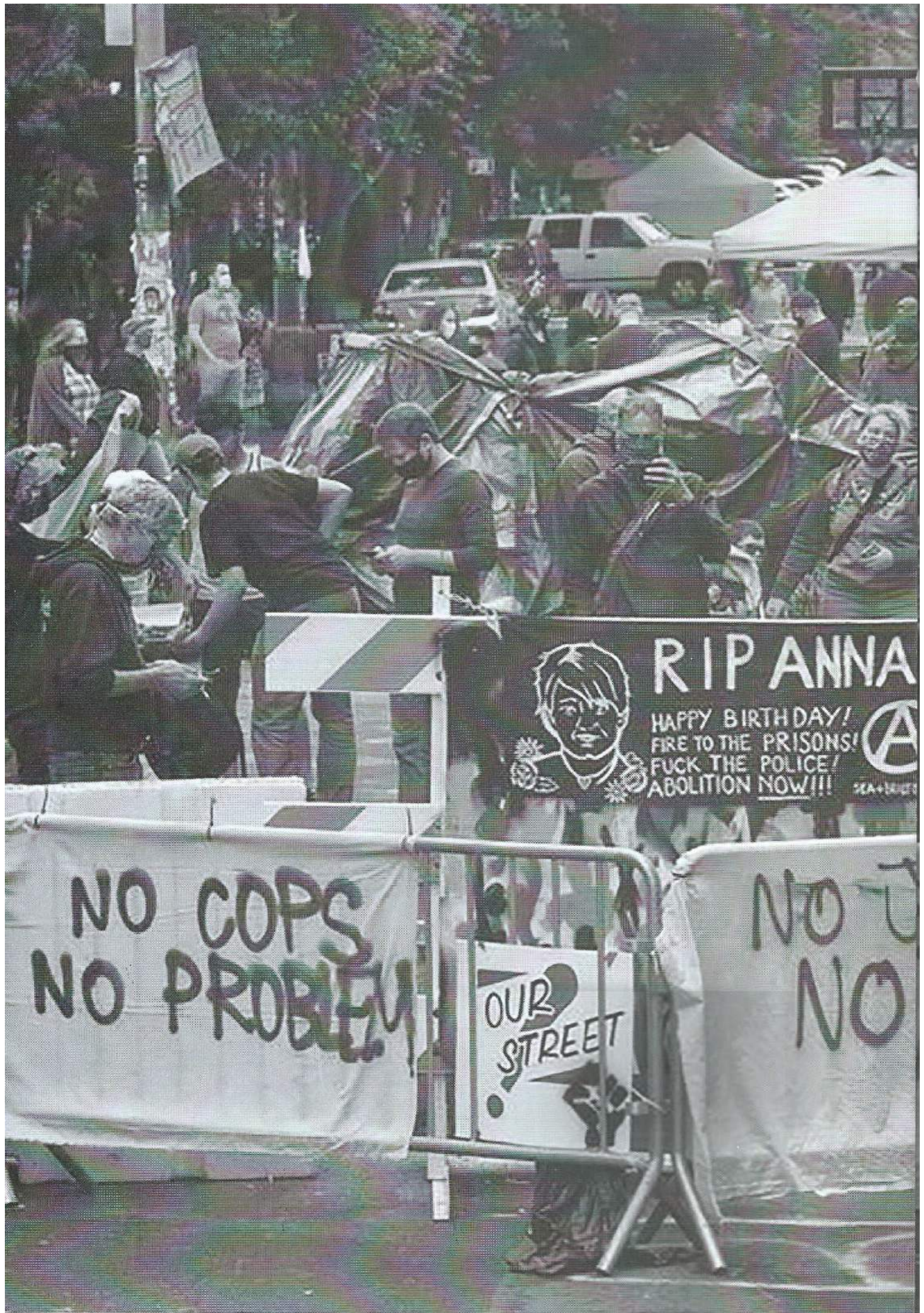
**ПОБЕГ
ИЗ «НЕТ»**

**В ГОСТИ
К САПАТИСТАМ**

**ЖИЗНЬ
СОКРАТА**

**АПОЛОГИЯ
БОЛОТНОЙ**

RIP ANNA

HAPPY BIRTHDAY!
FIRE TO THE PRISONS!
FUCK THE POLICE!
ABOLITION NOW!!!

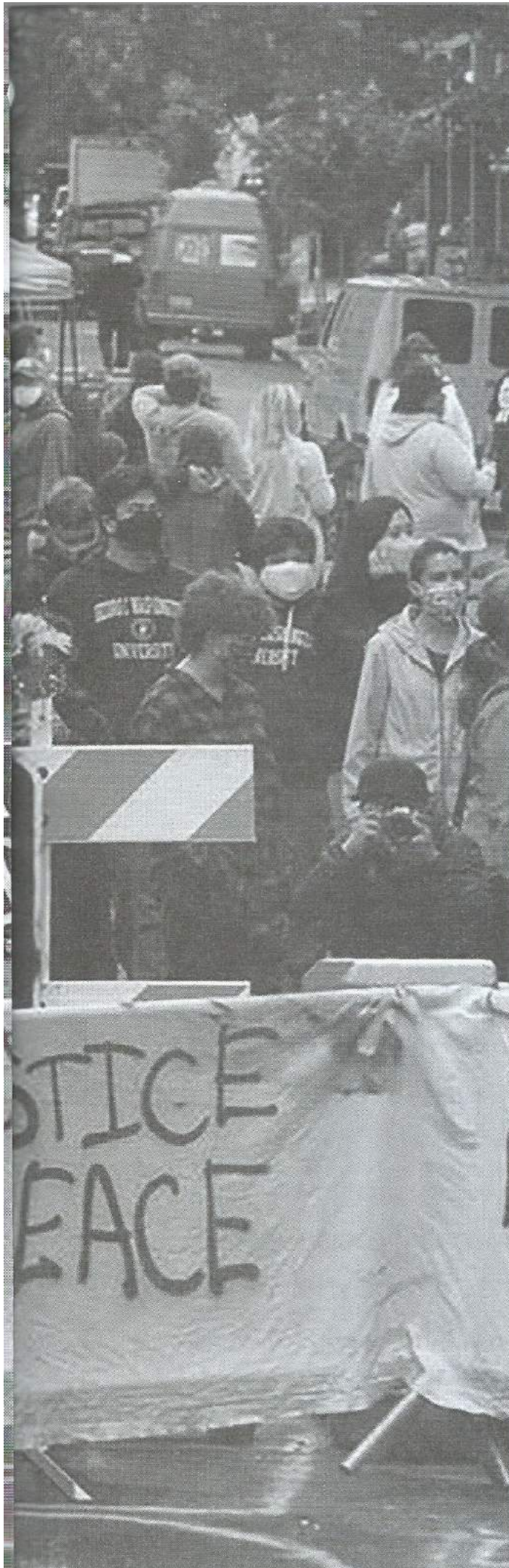
SEA+BUCK

NO COPS
NO PROBLEM

OUR
STREET

NO TO
NO

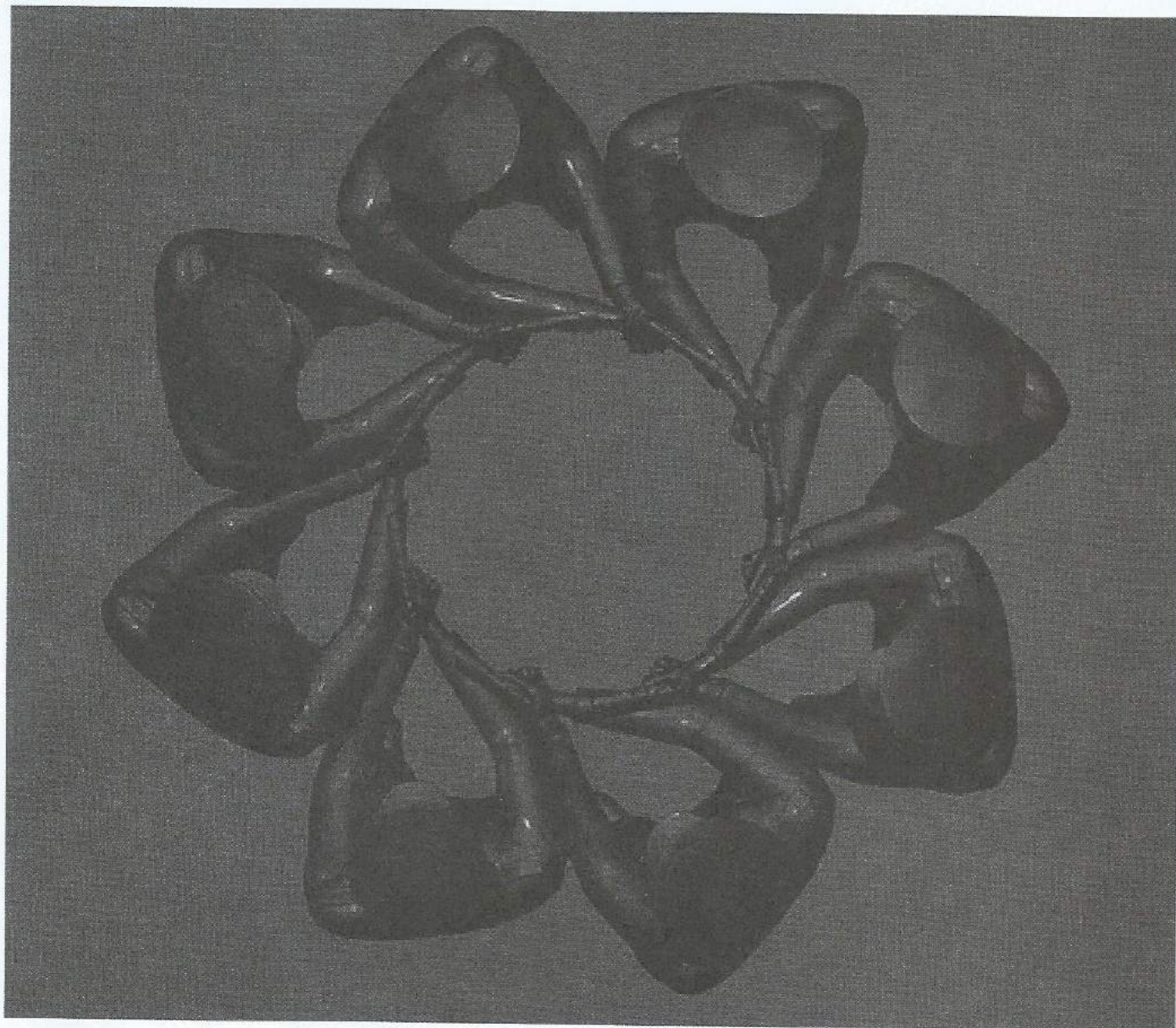

Пандемия власти	4
Как анастасиевцы живут без лидеров:	6
Сельские коммуны в России	14
Когда уничтожают хлеб	20
Борьба с эпидемиями в безгосударственном обществе	24
Deviation	27
Александр Шубин об антиавторитарном социализме	30
Интерсекциональный феминизм и социализм	36
Уфимский анархо-феминизм	41
Добровольцы в Рожаве	47
Путеводитель по Барселоне	52
Интервью с Александром Кольченко	58
Интервью с потенциальным фигурантом дела «Сети»	61
В гости к сапатистам	64
Протесты в Хабаровске	67
Antijob	74
Вспоминая «Болотное дело»	77
Автономная зона Сиэттла	85
Краткая история КАС	89
Тюремные диалоги Алексея Сутуги	102

Связь с редакцией:
 avtonomjournal@gmail.com
 телеграм: @AvtonomBot

ПАНДЕМИЯ ВЛАСТИ

Из тоскливой спячки неопределённого безвременья современный мир переходит в полосу турбулентности и инфернальности. События разворачиваются всё стремительнее и страшнее. Быстрее, чем мы успеваем подготовить очередной выпуск «Автонома» и хотя бы на бегу осмыслить происходящее.

КОРОНАВИРУС гипнотизирует население планеты, легитимируя, стимулируя и оправдывая рост безработицы, усиление тотального контроля, цифровизацию всей жизни, рост паники и отчуждения, введение чрезвычайных мер, превращение планеты в гигантскую тюрьму, а стран — в огромные камеры. Зловещими словами дня становятся: «политика разобщения», «самоизоляция», «дистанционка» и «удалёнка». Они подчёркивают наше одиночество, бессилие и симулятивность нашего существования. За ними — официальная торговля страхом, десолидаризация, рост карательно-надзирательных и опекунских функций государства, беспомощность людей, застигнутых врасплох.

Воюют в Сирии и Карабахе, на Донбассе и в Курдистане. Воюют (пока экономически) Вашингтон с Пекином. «Встаёт с колен» турецкий мир во главе с воинственным и амбициозным диктатором. Жалкий политкорректный лепет европейских и американских либералов заглушается нарастающим рёвом партии порядка, требующей быстрого решения всех вопросов и возврата к «духовным скрепам», включая патриархат и новый Железный Занавес по всему миру. Обнуляется дряхлое российское самодержавие, возводя произвол и беззаконие в ранг нормы и права. Старые нормы и приличия эпохи спокойствия и благополучия повсеместно отбрасываются, и дивный новый мир всё более напоминает гоббсовскую модель войны всех со всеми: безо всяких рамок и церемоний, без ссылок на ООН, гуманизм и мультикультурализм. Трясёт в пароксизмах расколотую Америку, трясёт слетевшую с катушек Европу, сводит мучительными судорогами Азию. Лукавые полудиктатуры сменяются кровавыми и явными фундаменталистскими диктатурами.

Старые пути ведут в тупики, старые «элиты» и партии сошли с ума и не могут предложить человечеству ничего, кроме «самоизоляции», больших и малых войн, ксенофобии, экологического коллапса, репрессий и полицейского кулака.

На бескрайних просторах России — уныние и безнадежность. Экономика стагнирует, коррупция разрастается параллельно с патриотизмом и духовностью. То и дело сажают инакомыслящих, фабрикуют дела, отнимают жалкие остатки свобод, перекраивая даже авторитарную ельцинскую конституцию, призывают подданных гордиться и жить исключительно империа-

листической победой уже трёхчетвертьвековой давности и смириться с разорением природы, распадом медицинской системы (вопиюще не справляющейся с эпидемией), системной нищетой, беспорядком, глубоко дистанционным образованием, а также бояться и ненавидеть всех соседей по периметру бескрайней границы.

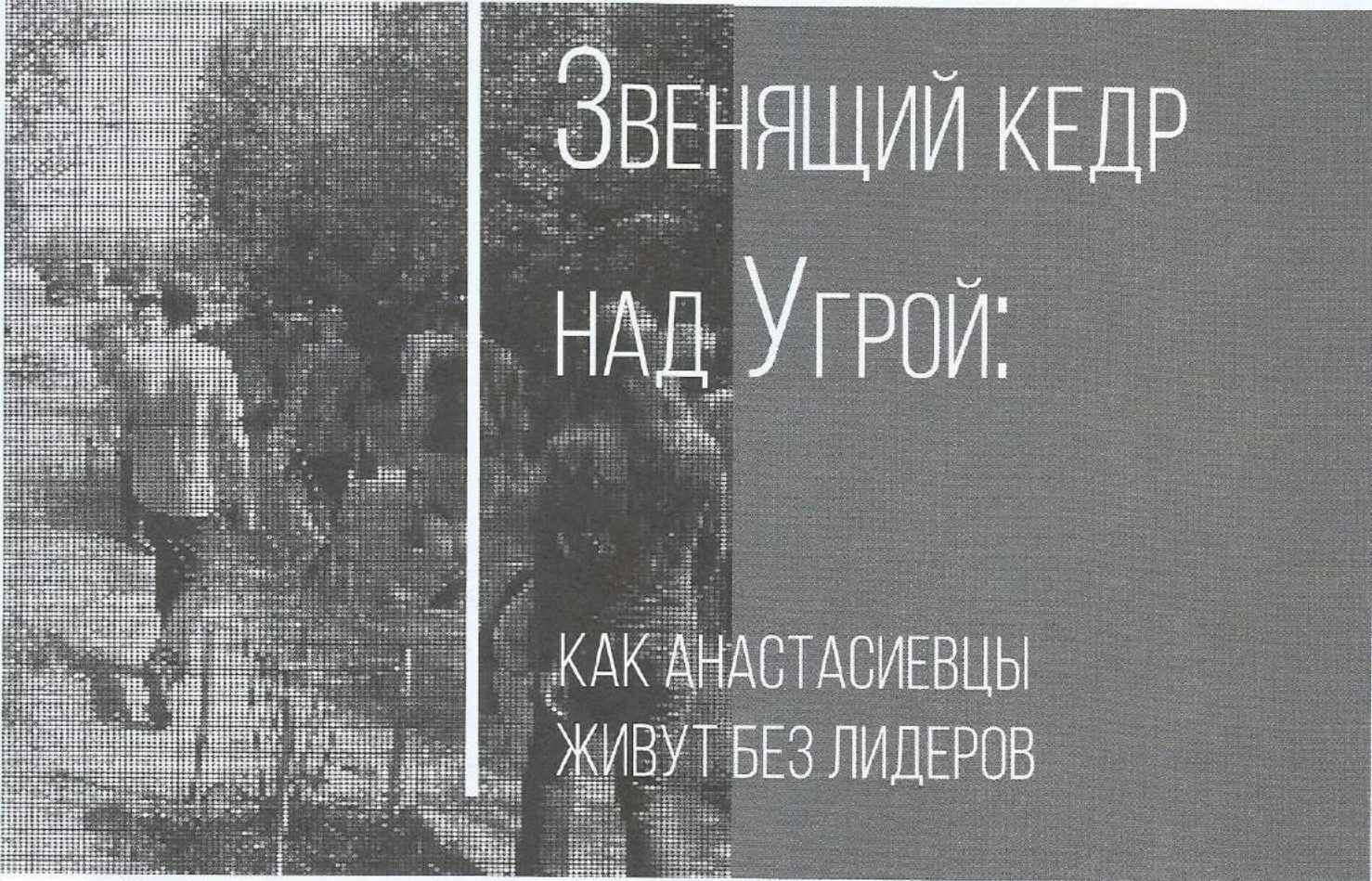
Неожиданная недореволюция в Белоруссии, в которой местный диктатор четверть века напалмом выжигал всё живое, но, как выясняется, выжиг не совсем до конца, вселяет некоторую надежду, но и демонстрирует необходимость для народных восстаний наступательной стратегии и социальной повестки. Воскресные выходы стотысячных толп с красно-белыми шариками и ленточками на проспекты впечатляют, но явно демонстрируют свою недостаточность. Для успеха сопротивления мало массового недовольства, всенародного возмущения и низкой децентрализованной народной инициативы (хотя это уже кое-что и россиянам даже до этого — как до Луны!): нужна готовность восставших отстаивать улицы и отвоевывать публичные пространства у распоясавшихся карателей режима, а также способность предложить бастующим рабочим что-то большее, чем либеральные перспективы приватизации их заводов с увольнением части коллективов.

Вертикаль власти — заразнее и тлетворнее, чем ковид. Бациллы страха, взаимного недоверия, конспирологии, пассивности, ксенофобии, конформизма, дисциплины и послушания — страшнее любых эпидемий.

И всё же среди сгущающегося мрака и жути слышны эти позывные, становящиеся символами надежды: Шиес, Хабаровск, Пуштау, Гродно, Минск... Даже на полумёртвом и зачищенном от вольнодумства пространстве СНГ разрозненные группы людей пытаются отстаивать свои права и человеческое достоинство, свою среду обитания и свой выбор в противостоянии с полицейским насилием. Правильная постановка диагноза и попытки найти пути лечения болезни — необходимый первый шаг к выздоровлению человечества от смертельной пандемии власти. Вылечим себя сами, не дожидаясь сертифицированных и спущенных сверху имитационных вакцин!

Полина Елисеева

ЗВЕНЯЩИЙ КЕДР НАД УГРОЙ:

КАК АНАСТАСИЕВЦЫ ЖИВУТ БЕЗ ЛИДЕРОВ

Вдохновившись идеями Владимира Мегре об общинной жизни в родовых поместьях, некоторые семьи стали уезжать из города и строить свои экопоселения — себя они называют «анастасиевцами», по имени героини одной из книг Мегре. Специально для «Автонома» Ильяс Фалькаев побывал в одном из их поселений и с удивлением обнаружил там «неявно анархистское» сообщество, которое не принимает начальников и лидеров и все важные вопросы решает консенсусом или тремя четвертями голосов. «Автоном» уже однажды писал о поселениях анастасийцев и возвращается к этой теме снова.

УХОДЯЩАЯ к горизонту ровная земля, бескрайние поля, высокие берега бурной Угры. Русская ширь. Здесь в лесной дубраве стучат молотки и визжат пилы. Строятся анастасиевцы, возводят все новые и новые дома.

Я еду в поселение уже второй раз. Еду, чтобы просто поговорить. Первый раз я приезжал сюда прошлым летом с друзьями за медом. Ехал, думая, что увижу зомбированных сектантов. Ан нет. Травница Маша — молодая женщина, вменяемая, трезвая, рассудительная. Продает чай собственного производства, мыло. За долгую беседу — ни слова пропаганды их идей. Но не скрытничает, на любые расспросы отвечает с готовностью. Я с удивлением узнал, что в поселении нет лидера, все вопросы решают консенсусом или тремя четвертями голосов. Работают инициативные группы. Жизненный уклад поселенцев — вполне себе анархистский, хотя они об этом и не подозревают. Слыхом не слыхивали об анархистской идеологии. Это одно из тех «неявно анархистских» сообществ, которые, по мнению философа Саймона Кричли, представляют несомненный интерес. Самим примером своего существования они на практике доказывают жизнеспособность анархистского учения.

Маша поит меня чаем с пряниками. Я достаю диктофон и начинаю задавать вопросы.

— Что у вас тут за чаи выставлены на полке?

— Разные. Кроме иван-чая, вишни, еще смородина, яблочко. Вот этот называется «порох-микс». Порох — это мелкий гранулированный иван-чай. Но к нему еще малина, яблоня, черемуха, вишня. Они дают такой аромат.

— Как это все упаковывается?

— На колёнке. Этикетки печатаем на принтере. А пакеты делают в Кондрово. Далекое ездить не надо.

— А где продаете?

— В Москве. В магазинах натуральных продуктов и на ярмарках.

— Здесь только вы занимаетесь чаем?

— В основном, да.

— А кто еще чего делает?

— Есть кузнец. Уникальный человек. С ребятишками занимается. Ребятишки у него там гвозди куют. Редкий человек. Умелец. Его приглашают в Москву на разные специализированные праздники, он всякие кольчуги делает. То для какого-то художественного фильма заказывали сотню, нет, тысячу стрел, колчанов, светильников, прочего реквизита. И он даже рассылку давал: «Ребята, помогайте, кому нужна работа, сейчас покажу-научу».

Мыло делают аж три девушки. Я начинала, потом уже не успевала, и девчонки тоже стали делать разные мыла. Мыло делается из NaOH — это такая едкая щелочь, покупается в магазинах химического оборудования. И отдельно покупаются хорошие масла, растительные: пальмовое, кокосовое, касторовое, оливковое, из ростков пшеницы. Из них подбираются разные рецепты. Щелочь с водой выливается в теплое масло, перемешивается активно блендером и быстренько разливается, потому что желе сразу застывает. Месяц оно выстаивается, зреет и становится мылом.

Есть огородник. Сейчас тоже стал проводить семинары по всяким грядкам, как создать огород, хорошую теплицу. Сам он сыроед. Мед производим. В этом году немного меда. Такой год, пчелы бы сами выжили. У одного соседа двадцать ульев, у кого-то есть пятьдесят.

Одежду делаем ручной работы. Мужскую, женскую, нарядную, парадную, с ручной набойкой. Есть изделия из крапивы. У нас тут своя крапивница. Носки даже вяжет из крапивы. Есть те, кто ткать умеет. Вышивальщица крестиком. Разные есть мастера. Мастер энергодыхания. У него свой йога-центр в Москве на Арбате. Он там проводит свой курс, а с нами этим тоже делится. Есть мастер-пекарь. Тоже семинары проводит.

А так много мужчин, которые умеют строить. Себе строят, соседям строят. Рабочих рук не хватает.

— Многие сдают свои бывшие квартиры?

— Мало у кого остались квартиры, все продали. У нас есть переселенцы из Германии, Греции, Америки, Казахстана, Узбекистана. Наши все соотечественники. Москвичей меньше трети, наверное.

— **Получается, на жизнь можно здесь самим себе заработать?**

— Есть и те, кто удаленно работает. Компьютерщики, программисты, айтишники. Мультики кто-то рисует, уроки по скайпу дает. Достаточно большое разнообразие. Кто-то хлебцы делает, кто-то мебель резную. Мишка «грек», он и павлинов вырезает на ворота. У нас все это есть на сайте. Олешка за сайт отвечает, Мишка за бухгалтерию, Инка за первичную бухгалтерию, Юрка гостей встречает, я — за связи с администрацией районной или общественностью.

— **Нагрузку они сами выбирали или за них кто-то решает?**

— Люди сами на себя это взяли. А так у нас общее собрание все решает. Есть еще несколько мужчин, которые организовались в совет для решения оперативных вопросов. Купить замок, что-то срочно сделать. Они собираются раз в неделю. У нас много вопросов. То межевание, а то нам кадастровый налог выписали, безумных денег запросили. Судились мы, удалось снизить. Теперь, наверное, нам должны вернуть сколько-то денег. Я уже перестала следить, не на все собрания хожу, так, повестку дня читаю. «Общий дом построили?» — «Нееет...»

— **А что такое общий дом?**

— Это дом, в котором собираются на всякие праздники. У нас был когда-то. Напротив меня как раз общая территория, футбольное поле, волейбольное, между ними был большой общий дом. Как только мы его достроили, наличники приколотили, и вот он в масленицу сгорел. Крыша была соломой утеплена, но труба была плохо изолирована. И подтопили как-то волшебненько, администрация подъезжает, а у нас там — костер девять на двенадцать!

— **Общее собрание решает вопросы каким количеством голосов?**

— Семьдесят пять процентов по всем вопросам. По приему новых людей — сто процентов.

— **Кого не принимают?**

— Ну, вот как-то одну девушку-хиппи не приняли. Показалось, что она хочет быть лидером. Такая сильная очень женщина. У нее было свое видение, каким должно быть поселение. Она, кстати,

недавно звонила. Они из Америки вначале приехали в свою родную деревню под Смоленском. Потом к нам. Теперь свое поселение организуют. Ей кто-то из наших так и сказал прямым текстом: «Ребята, вам надо свое организовывать». Такая она была прямолинейная, в лоб. Кому-то показалось, что ей здесь как-то негармонично будет. Один или два человека были против. Муж у нее какой-то научный американец, какой-то продвинутый, что-то он там в биотехнологиях, рассказывал, как из ничего электричество вырабатывать, такой дельный дядечка. Недавно еще одну женщину не приняли — может быть, недостаточно рассказала, что хочет делать, чем заниматься.

— **Вообще присутствует идея, что начальников не должно быть?**

— Никто не испугался, что она будет начальником. Начальников тут и так нет, все решает общее собрание. Но ее мировоззрение конфликтовало уже на этапе знакомства.

— Сколько у вас здесь человек живут?

— Больше шестидесяти семей постоянно живут. Еще не все принятые переехали, есть те, кто строится. Есть те, кто не переехал, и я думаю, уже и не переедет.

— У вас здесь люди разных религиозных взглядов?

— Да, есть мусульмане, кришнаиты.

— То есть религии ваше мировоззрение не касается?

— Нет, не касается.

— А чего касается?

— У нас общая идея — жить в родовом поместье. Нужно познакомиться и понять, что вам близка идея, изложенная в книгах «Звенящий

кедр» (книги идеолога анastasиевцев В. Н. Мегре — прим. «Автоном»). Родовое поместье — это участок земли не менее гектара, который обустроивается для того, чтобы на нем продолжался род. Теоретически оно является неделимым, не должно облагаться налогами. Подразумевается здоровый образ жизни. У экоселений в других странах была идея общего, но не было идеи родового поместья, чтобы кроме общей территории, существовали и личные участки. Они входили в коммуны, выходили из коммуны. То есть ты жил, трудился, но личного у тебя ничего не было.

— Ну, так этой девушке, наверное, близка была анastasиевская идея?

— Конечно, близка. Она вот ближе всех. Она хотела прямо по книжке жить. Чтобы все было идеально. Но мы десять лет здесь живем и знаем, что как правильно — это одно, а как в жизни получается — совсем другое. Может, еще были какие-то причины. Она же общалась с сорока семьями.

— А книжки нужно обязательно прочитать?

— Если хотите, вам просто нужно самим для себя решить: вам вообще в эту компанию? Потому что здесь люди мало того что не курящие, не пьющие; они еще создают пространство для того, чтобы род продолжался, деревья сажаются, чтобы все кормило тебя и твоих родных.

— Какие правила поведения для гостей?

— Если к тебе приехали гости, которые жарят шашлык или пьют вино у тебя на участке, то можно. У себя в поместье вы отвечаете за своих гостей. А, в общем, на территории это запрещено правилами проживания. Мы сами правила создали и обязаны их соблюдать.

— Бывает, что кого-то исключают?

— Был один человек, которому сложно было справиться со своими прежними привычками. Но вопрос вынесли на собрание, и решился положительно. Он сказал: «Ребята, простите, больше не буду».

— Вообще много было желающих, кого не приняли?

— У нас непринятых семей за двадцать, может, даже больше. Кто-то из наших говорил: «Я с ним

общался, я его спрашивал, и я понял, что он здесь жить не будет». Либо он не понимает, куда едет, либо у него другие цели — сбежать из города в хорошую компанию тепленькую, чтобы здесь мирненько посидеть, а сам он либо не обустроится, либо дачником будет. У нас правило — в течение двух лет после переезда поселиться безвыездно. Не все выполнили это правило — есть такие пара семей. Но я вас уверяю, как закончатся свободные участки, первым пунктом будет исключение этих людей.

— Да. Вся улица Счастливая. Вы когда ехали, видели указатель. Половина там тех, кто не принят, а половина даже приниматься не стали. Теперь они наши поселенцы. Участвуют во всем. Тот же кузнец. Кого-то не приняли по ошибке. А потом они прижились, и участвуют еще более активно, чем те поселенцы, которые их не приняли.

— Какие есть общие обязанности?

— Субботники и дорожные субботники и еще всякие. Есть инициативные группы. Например, по проведению праздников. Недавно был большой праздник День Земли. Целый день праздновали — хороводы, пляски, песни у костра. Есть дорожная группа, которая следит за состоянием дорог, собирает дорожные денежки, формирует поездки, заказывает машины, это тоже куча работы. Организовать, например, отсыпку вон той дороги в прошлом году. Раскатали тонким слоем, и теперь опять в дырочках, постоянно надо чего-то еще добавлять. Есть у нас электрическая группа, хотят, чтобы поставили нам трансформаторы, а мы бы потом подземным способом протягивали к ним кабель. Раньше ис-

пользовали только солнечные батареи. Солнца по минимуму, но как-то мы здесь выжили. К колдцу бегали по десять раз в день, чтобы поставить молоко, сметану, масло. А сейчас открыл холодильник, плюх туда, и хотя бы на это не напрягаться.

— А холодильник от чего работает, от солнечных батарей?

— Нет, теперь на участке у нас есть электричество. Нам же недалеко до последнего столба. Возле столба как раз последний участок в собственности. Это пятьсот рублей у государства. За пятьсот рублей они нам подвели туда электричество. А теперь добрый сосед, у которого пятнадцать киловатт — ему столько не надо — он с нами поделился пятью. А мы их еще раскидали на десять человек. Им теперь хотя бы на освещение хватает.

— Юридически как у вас здесь оформлено?

— У нас некоммерческое партнерство, все в долевой собственности. Человека можно исключить за невыполнение чего-нибудь, и тогда его участок возвращается в партнерство, а не перепродается кому попало. А он получает компенсацию согласно вступительному взносу. У нас есть люди, которые по-честному не смогли переехать и сказали, что будут выходить из партнерства. Их немного — раз, два, три. Тех, которые не обустривают поместье, тоже пока человек десять. Но это не так много. Когда нас уже шестьдесят, то не важно, что какой-то Володя не приезжает. Нам и так достаточно компании. Тут бы еще успеть свои праздники, творческие посиделки. У нас тут и женский клуб, и мужской клуб здоровья, и детский сад — все что хочешь...

— Что у вас с детским образованием?

— Кто-то в деревенской школе учится. У нас там сорок детишек приписано. И своя тоже школа есть. Ребятишек двенадцать там. В основном упор на творческое образование. Можно быть никуда не приписанным, а потом пойти и сразу сдать экзамен за девятый класс.

— А взрослые дети, лет шестнадцати-семнадцати уже, продолжают здесь жить или сваливают?

— Ну, такой взрослый здесь у нас один, Федя. Он земляной человек, строит дом, работы у него

вагон здесь. Ему неинтересно уезжать куда-то и учиться. Остальные помладше. Вот мой Ванька, например. Девятый класс, колледж. Поступил уже в Королев на конструктора-техника по производству летательных космических аппаратов. Будет жить в общежитии. Есть еще Сашка, возраста Ивана, тот на компьютерные технологии хочет. Кстати, Сашка вообще не ходил ни в какие школы. Сам учил, что ему интересно. Пришел в девятый класс, сдал, и нормально, средний балл у него 4,2. Ванька упирался, у него 4,7. Практически в любой колледж может поступить. Всего четыре четверки, остальные пятерки.

— **Какие праздники вы отмечаете?**

— Связанные с солнцем. Зимой — Коляду, летом — Купалу. Орггруппа пишет нам либо что нужно подготовить к празднику, либо что уже приглашает на праздник. Одна часть праздника здесь — хороводы, другая часть — на реке. Василиса у меня каждый год ждет, когда же будут колесо в воду кидать и плотики пускать. 23 июля — День Земли, а 22 сентября — осеннее равноденствие, праздник урожая. Расставляем большой стол, накрываем, плоды-ягоды, мно-

го всяких вкусняшек. За этим же столом летом проводим мастер-классы на веранде. А зимой... как раз есть семья на улице Счастливой. Они построили большой дом шесть на девять: утром там детский садик, а по вечерам собираемся, проводим мастер-классы, посиделки по обмену опытом, а то соберемся на женский понедельник, танцуем-рисует, обсуждаем разные темы. Весь прошлый год женская йога была.

— **Общее собрание как часто проходит?**

— Раз в месяц.

— **А инициативные группы работают постоянно?**

— В то время, когда им нужно. Когда праздник, они, например, его готовят. Или у нас есть инициативная группа по здоровью, которая следит за своевременной вакцинацией животных и пишет, почему это надо или «старайтесь не собираться, по поселению пошел ротавирус». Школьная группа разные занятия проводит. Сейчас я в декрете, а еще когда могла, проводила погружение в живопись. Дети картины рисовали.

Один из папочек недавно проводил сплав на байдарках, другой проводит детский футбольный лагерь. Кто-то интересные уроки придумывает — виртуальные путешествия по странам, или математика и русский, но не по программе. Методом погружения начальную математику можно пройти за неделю.

— Если ваш сын, отучившись в Королеве, не захочет сюда возвращаться, это нормально?

— Конечно, мы же приехали сюда, получив два образования. Америка, поездки, работа. У меня иняз и экономика, финансовый кредит. Я работала помощником финансового директора в «Акаде». Я в Москву и приехала, потому что у меня участок был в Тульской области. Мы встретились с Виталиком, потому что он поехал в поселении каком-то участку смотреть, и я тоже, и мы случайно попали в одну поездку. А потом он меня привез сюда. Мы тогда еще не думали, что жить будем вместе. А тут так волшебю. Сосенки стояли такие маленькие, с наш рост, и все было усыпано маслятами, как ковром. Ах, счастье какое! Очень мне понравились ребята здесь. Потом Виталик мне сделал предложение. Я говорю: «У нас там уже участок есть». А он: «Мне там не нравится, давай лучше сюда». Мы были шестой парой, которая вступила в поселение. Первые еще только фундамент строили. Это был 2006 год. А сейчас уже сто двадцать взрослых и сто тридцать детей. Когда на праздник собираемся, столов уже не хватает.

А вот, если сын захочет завести семью или подумает, где хочет, чтобы у него дети завелись, он, наверное, вспомнит, где сам рос и что любил, какие ценности у него были тогда, и, может, приедет. А может, в другом месте осядет. В этом отношении у нас нет фанатиков. Старших детей мы привезли из города, и для них он еще имеет привлекательность, но для младших этот уклад более вкусный. Моя Василиса, когда приезжает в город, разве что: «Мам, мне бы ванну». Я: «Василиса, сейчас будет лето, речка, купайся там, сколько влезет. И вообще баня лучше. Из сугроба в баню, из бани в сугроб. В ванной бы ты смогла так?». Душ у нас и так есть с нагревателем воды, совсем как городской. Воды только надо принести.

У ребенка есть энергетическая связь со своим помещением. Плаценту под деревья родовые закапываем. Младший сын Радомир здесь родился десять лет назад. Сам к своему дереву ходит, с ним общается. У него есть родовой дуб,

перед ним ягоды, он приходит, ягоды поест, там слива растет, поменьше кустарники. В этом году расчистку проводили, он дуб камушками обложил. Песком цветочки присыпал вокруг. Он его ходит обустроить. Виталькина здесь плацента не закапана, но у него тоже есть свое дерево кедр. Приходит к нему, садится, общается. Деревья, в отличие от всего остального, накапливают энергию. Если вдруг заболеешь, можно пойти к кедру. Если что-то вдруг беспокоит, можно пойти к своему дереву. У меня тоже есть свое дерево

— Как вообще знакомятся?

— На слетах половинок. У нас в поселении не проводятся, а в других поселениях проводятся. У них есть традиция, ежегодный слет половинок. В рассылках дается, где в каком поселении будет такой праздник. Искать пару в той среде, где есть общие взгляды и интересы, гораздо проще. Я когда в офисе работала, про это бы даже заикаться не стала. Есть общий ресурс «Кедровка», там списком идут будущие мероприятия — слеты, фестивали. В ближайшее время будет Здравфест — крупнейший фестиваль, там и анастасиевцы участвуют, и «Доброздравие» из Москвы. Они по части сыроедения и вегетарианства.

— А как чиновники относятся к поселенцам?

— Дружим. В школе есть разные комиссии. К нам приезжали. И с местной администрацией мы общаемся. Земля у нас в собственности, все юридически грамотно. Мы, конечно, здесь не зарегистрированы, прописки нету, но в России не везде можно прописаться. У нас в Сенях есть дом для прописки. Тут я как-то иностранцев зарегистрировала. А по иностранным гражданам стали шерстить, «резиновые» адреса и все такое. Участковый мне позвонил: «К вам приехали восемь иностранных граждан?» — «Да, конечно, это волонтеры», — «Понимаю, понимаю, мне просто надо для отчета. Не могли бы вы привезти их в администрацию, мы бы сфотографировали, что они тут находятся, и поставили бы галочку». Собрались, сели в машину и приехали. Объяснялся, расшаркивался: «Я понимаю, что это иностранцы из Финляндии, Испании, а не таджики».

— А они тоже анастасиевцы?

— Не знаю насчет анастасиевских идей, но Дашка послала их собирать веники. В рамках обмена опытом.

— У вас тут есть запреты насчет еды?

— Правил насчет еды нету. Но сам по себе здоровый образ жизни подразумевает вегетарианство. То есть сюда приезжают те, кто еще в городе отказался от мяса. Едим сухофрукты, овощи, фрукты. Сейчас летом больше своего, а зимой крупы. Супы, каши. Хлеб печем сами.

— То есть вообще никакого фанатизма нет?

— Нет никакого. Даже про книги нет. Есть те, кто не все прочитал. Или, скажем, муж прочитал, жена сказала: «Муж прочитал, там то-то, то-то». Просто прочитать книгу важно для самого человека, чтобы понимать, близко это ему или нет. В основном, все сказано в первой книге. Воспитание детей — ключевой момент. Все здесь хотят, чтобы поколения следующие были лучше, чем предыдущие.

— Национальный момент есть? Чтобы не приняли бурята, калмыка или татарина?

— Национального нет. Но к нам они не приходили ни разу. Просто у татар, например, свои родовые поместья есть. В Башкирии очень много поселений.

— А если какой-нибудь иностранец прочитает переведенную книгу и окажется, например, чернокожим или китайцем, его могут принять теоретически?

— Теоретически-то могут. Может, он жену русскую найдет. Вы к чему это спрашиваете? Расисты ли тут? Я не расистка. А всех остальных нужно спрашивать. Тут сто с лишним человек по списку.

— Сколько всего поселений в России, около трехсот?

— Да. Уже больше даже. На юге много, некоторые там быстро растут. Туда первые семьи заезжали предприниматели, то есть люди предприимчивые, а у нас тут все больше люди духовные.

— А почему все-таки не просто поселение, а экоселение?

— Экологический образ жизни — это бережное отношение к растениям, животным, окружающей среде. Вы зайдите в обычную деревню.

— Тут рядом есть кришнаитская молочная ферма. Я так понял, эти кришнаиты тоже здесь изначально жили?

— Макс вроде здесь так и живет. Сына я его часто вижу, он с моим тусуется. Он вначале был поселенцем, а потом стал кришнаитом. Что с ним делать-то.

— Здесь остался жить и его не выгнали?

— Нет, не выгнали. А что его выгонять, он нам не мешает.

— Вы еще говорили, мусульманин есть, он тоже здесь стал мусульманином?

— Нет, он всегда был.

— А почему он был мусульманином?

— Потому что он татарин.

— Вы же говорили, нет татар.

— Я к тому, что из Казани нет, а он из Москвы приехал. Я не знала, что он мусульманин. Валерка да Валерка. А потом оказалось, он намазы делает.

— А как же намазы сочетаются с анastasиевским учением?

— Идея родового поместья не зависит от религии, может и китаец себе родовое поместье создавать. Любой человек может обустроить свой участок земли.

Беседовал Ильяс ФАЛЬКАЕВ

ЧЕРНЫЙ ФЛАГ НАД СЕЛЬПО

КАК Я НЕ УЕХАЛ ЖИТЬ В ДЕРЕВНЮ

От редакции: автор посетил два анархистских сельских проекта в России и решил, что они ему не подходят. В данном тексте критика выглядит вполне конструктивной, но любая оценка — это всегда личная оценка. «Автоном» приветствует практически любые либертарные начинания, и уж тем более такие серьезные, как попытки основать сельские поселения в России, руководствуясь анархистскими принципами.

Я УВОЛИЛСЯ весной 2019 года. Я не смог пойти на еще один компромисс и устроиться на новую работу, потому что страдал от эмоционального выгорания (burnout). Это главный диагноз современности, который сводится к простой формуле — слишком много работы и слишком много стресса. Радикальным ответом на нездоровую обстановку стало решение о переезде в деревню, которая еще у эллинов считалась местом для отдыха (otium), в отличие от города, где делают бизнес (negotium). Я люблю природу и походную романтику, а экологические лагеря в лесах Европы сформировали меня как анархиста. Жена питает теплые чувства к деревне, потому что там о ней заботились бабушки и дедушки. Кроме того, нужно было как-то решать жилищный вопрос, так как у нас родился ребенок.

В политическом понимании переезд в деревню означал возврат к сельскохозяйственной общине, основанной на самоуправлении — то есть к старому анархическому идеалу, или даже в некотором смысле одичание (rewilding) — остроумный неологизм из словаря анархо-примитивистов. И хотя я никогда не жил в деревне, мне хотелось заново восстановить связь с ней, которая, как мне казалось, всегда была сильной у наших предшественников. Недаром, Махно строил свою вольницу в деревне и ненавидел город.

После поражения в крысиных гонках мне хотелось анархии здесь и сейчас. Поэтому первым делом я отправился в Сквошино. Потом мы всей семьей поехали в Краснодарский край, где провели несколько месяцев. Я дам этому месту условное название Восторг, так как товарищи просили не раскрывать топонимов. Эти поездки мы совершили с разницей в месяц, поэтому я буду рассказывать сразу об обоих коллективах.

@Skvoshino

Деревня выступает против города

После кампании в защиту студента Всеволода Остапова (прошла в Москве в конце 2000-х: менты избили нескольких анархистов и попытались, как обычно, представить дело так, будто бы наоборот, люди напали на ментов — прим. «Автонома») группа анархистов разочаровалась в городском активизме и пришла к идее о том, что «если общество остается прежним, то нужно предложить реально функционирующую прогрессивную модель иной общественной ячейки». Была череда неудачных попыток с основанием автономных зон по Хаким Бюю в Москве и Петербурге — активисты сквотировали дома под снос и образовывали коммуны, однако коллективы выселялись или разваливались под давлением внешних обстоятельств. Тогда группа решила «воспроизвести

модель идеального неиерархического малого сообщества в сельской местности», где власть государства и бизнеса не так сильна.

Триггером для переезда в деревню стало взращивание активистов и рождение детей. Последнему фактору редко уделяется должное внимание в анархистской литературе, хотя это одна из важнейших причин, по которой люди покидают движение. Дети и активизм плохо совмещаются — родители не могут больше рисковать попасть за решетку или получить ранение, поэтому все свободное время посвящают домашним заботам.

В городе дети растут внутри нуклеарной семьи, границы которой очерчены стенами квартиры. В деревне же намного больше возможностей для либертарных воспитательных инициатив, когда детьми занимаются не родители, а весь коллектив. Однако попытка образования коммуны

в Сквошино с общей собственностью и общими детьми провалилась.

Выбор места для поселения — важнейший фактор успеха, однако Сквошино было основано случайно. В 2008 году в Псковской области анархисты обнаружили пустой дом на границе с Эстонией и захватили его. Пришла волна переселенцев, единицы остались, остальные вернулись в города. Сквошино стартовал именно как сквот — в Псковской области множество заброшенных хуторов, владельцы которых давно уехали за границу и бросили свои дома. Это легкие цели для захвата, но трудные для легализации и подведения коммуникаций — попытки подключиться к электросети пресекались властями, поэтому в одном из домов пришлось установить солнечные панели. За несколько лет количество участников коллектива выросло, в одном доме стало тесно, поэтому активисты заняли ближайшие участки и постепенно выкупили их.

Сейчас Сквошино — это целая система хуторов, где постоянно проживает несколько десятков человек, и временно — еще столько же. Для гостей выделено два дома, причем один был возведен с нуля силами коллектива. Несмотря на хуторскую разрозненность, в Сквошино ярко выражен коллективный дух и потребность в самоопределении — коммунары даже вели журналы, куда записывали результаты встреч, проводимых по всем анархистским правилам. Впрочем, это не уберегло коллектив от внутренних конфликтов.

Деревня окружает город

Один из основателей Сквошино уехал в Краснодарский край, где уже в 2014 году поселились анархисты из Москвы. Образовался Восторг, который стал результатом сознательного поиска — здесь условия для ведения хозяйства намного лучше. Однако Восторг не позиционирует себя как анархистский проект. Он вообще в коллективном представлении определен слабо — сейчас это просто несколько семей, которые переехали из разных российских городов и купили в одной деревне дома.

Восторг создали товарищи, участвовавшие в развитии российского движения в нулевых. Это

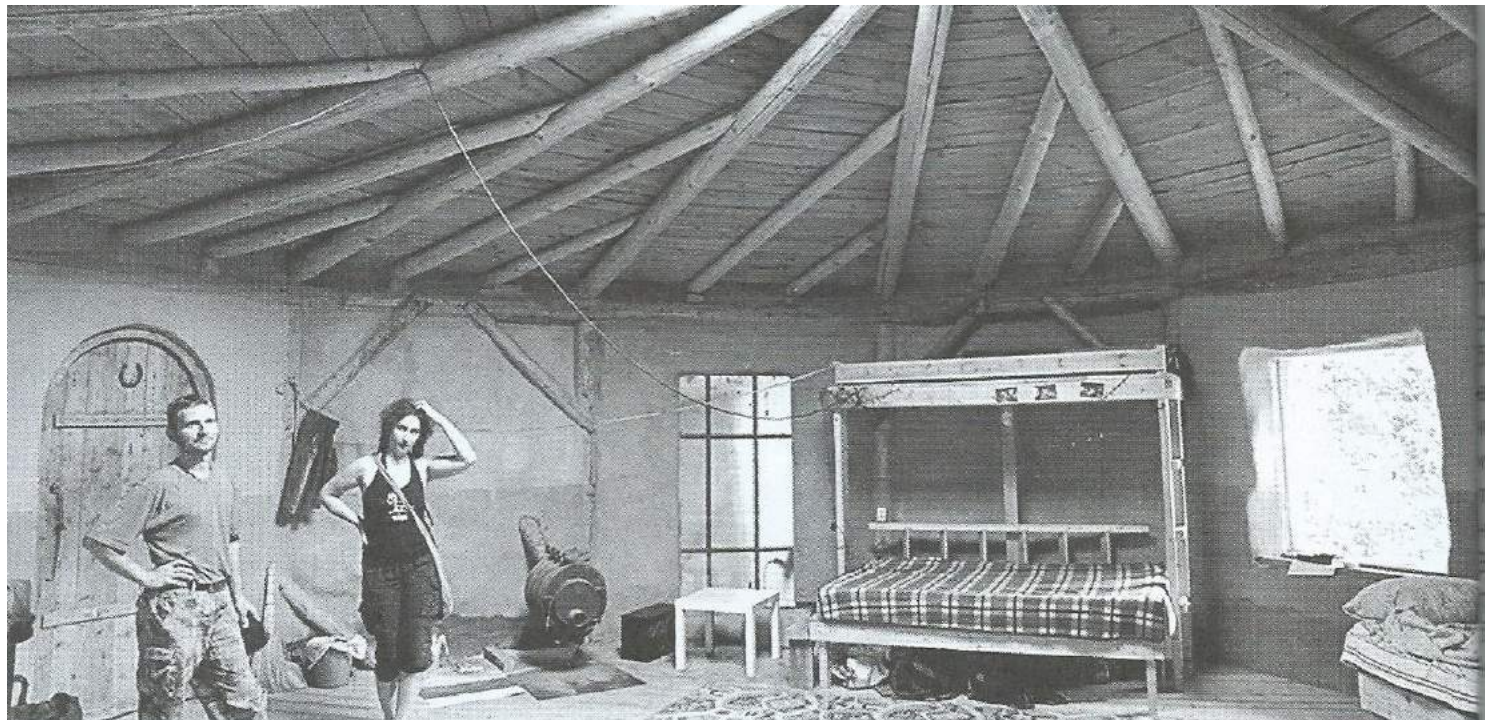
был период расцвета, после которого настал кризис. Отъезд в деревню стал экзистенциальным ответом на образовавшуюся пустоту и точкой приложения сил. Проблема в том, что под давлением капитализма и времени политические взгляды леваков начинают дрейфовать, и они географически и идеологически больше не ассоциируют себя с движением, частью которого когда-то были.

В сообществе представлены анархисты, отношения строятся на эгалитарных принципах, но никакой идеологии нет, так как здесь она потерялась на фоне деревенского нью-эйджа. Веганизм, йога, медитации, китайский чай, магия, язычество, индуизм, астрология, приметы, народная медицина — самые разные направления мистики и эзотерики в деревне только расцветают. Бывшие городские жители пытаются сконструировать для себя новую реальность и наполнить ее мифами в противовес излишне рациональной жизни в мегаполисах. Только если нью-эйдж в городе воспринимается нормально за счет общего

@Skvoshino

@Skvoshino

безумия — то в деревне он становится общим безумием. Примечательно, что соседями Восторга стали кришнаиты, а Сквошино — анастасиевцы.

С местными в обоих случаях удалось выстроить отличные отношения. За счет более активной жизненной позиции переселенцы удачно встроились в существующий деревенский уклад и даже заняли центральное положение в сложившихся сообществах. В округе все знают, что к пришельцам из города можно всегда обратиться за помощью — никогда не откажут. Переселенцы в свою очередь обращаются к коренным за советами о ведении хозяйства и информацией об окружающей природе — то, что не найти в интернете и книгах. В Сквошино из этого общения вырос неожиданный союз с представителями народа сето. Восторг проводит в деревне общие детские мероприятия — праздники, ярмарки, летние лагеря — с использованием элементов системы Монтессори и Вальдорфской школы.

Деревня захватывает город

Совместная производственная деятельность является важнейшим показателем жизнеспособности либертарных проектов. Оба коллектива воплотили уже немало идей — коллективно и на эгалитарных принципах — прежде всего, речь идет о малоэтажном строительстве. При этом

члены коллективов экономически не зависят друг от друга и по-прежнему ведут частное хозяйство — то есть в деревне каждый зарабатывает, как может. Обычно переселенцы превращаются в рабье и сдают недвижимость в городе, фрилансят или возят деревенские товары в город. Общественной собственности мало — ею условно считается занятая сквотированная недвижимость и несколько единиц сельскохозяйственной техники и станков.

Другими словами, до сельского коммунизма еще очень далеко. Сейчас оба коллектива пытаются заработать денег для всех участников и при этом не скатиться в обычный бизнес: то есть организовать дело без боссов, эксплуатации, 8-часового рабочего дня и других городских радостей.

В Сквошино — это Содружество Изборских Мастеров, в рамках которого в город кооперативно реализуются фермерские товары — сыр, хлеб, конопляное масло — и предметы народного промысла — деревянные игрушки, керамическая посуда. До недавнего времени важным товаром было прекрасное пиво «Криве», однако осенью 2019 года пивоварня сгорела. Так как Сквошино — это система удаленных друг от друга хуторов, производственная база распределена по разным землям, то есть в одном месте пекут хлеб, а в другом — варят пиво. Это мелкосерийное производство с большой долей ручного труда, поэтому в целом проект приносит небольшую прибыль участникам кооператива. В планах — расширение ассортимента зонтичного бренда и рост продаж на тематических ярмарках и через соцсети.

Летом 2019 года Восторг запустил большой строительный проект, в рамках которого был успешно выполнен первый заказ. Мне удалось присутствовать на встрече его участников, где обсуждалось, как будут распределяться заработанные деньги в зависимости от количества внесенного труда. Проблема заключается в том, чтобы вычислить справедливую стоимость строительных работ, которые отличаются по характеру труда — физической сложности, требованиям к квалификации работника, креативности. Это начальный этап, через который проходят все группы, пытающиеся организовать «левацкий бизнес». На мой взгляд, у Восторга есть отличные шансы стать новой фабрикой Zanon.

Ни к селу, ни к городу

Я провел пару недель в Сквошино и пару месяцев в Восторге. Это был очень интересный опыт, который я до сих пор осмысливаю — все эти странные люди, их истории и обычаи. Здесь живут ребята, которые оказались слишком круты для города или достаточно сошли с ума, чтобы свалить в деревню. Тут собрались те, кто может позволить себе окончательно выпасть из социальной иерархии.

Сквошино — это сквоты на хуторах из камней, пиво и старые товарищи, мрачный прибалтийский флер и погода хуже, чем в Москве. Тут больше коллективизма. Подходит для уставших питерских панков, которые готовы топить печь чаще, чем семь месяцев в году. Восторг — это пурлучные дома из грязи и палок, фрукты и орехи, укромный уголок солнечного Краснодарского края. Тут больше индивидуализма. Подходит для хиппи со всех уголков России.

Но я обычный горожанин, который хотел бежать в деревню от капитализма и спрятать там свою семью. Я надеялся встретить там коллектив единомышленников — нечто такое, что я читал про европейскую коммуну Нидеркауфунген, где ты передаешь свою собственность в обмен на групповую защиту. Однако переселенцы продолжают воспроизводить городскую повседневную жизнь с четким разделением домохозяйств. Конечно, в деревне качественно больше горизонтальных связей, бескорыстной взаимопомощи,

@Skvoshino

в целом больше анархии, однако экономическая система остается прежней. Такой вот сельский капитализм с джипами и мобильным интернетом.

У либертарных сообществ в деревне намного больше перспектив, чем в городе. Анархистская организация может развиваться в полноценные автономные зоны, как Вольная территория Махно. Сеть деревенских коммун — это решение жилищных проблем активистов, материально-производственная база, воспитание нового поколения либертарианцев, экологический заслон на разрушительном пути капитализма. Но если активисты теряют идейное обоснование своей деятельности, то переезд в деревню теряет всякий смысл — страдать от капитализма можно и в городской квартире с отоплением.

Тов. Груша

@Skvoshino

<http://a22info.ru/06/09/12/ruccid-kadferedjionca-na-wakawwcoi-xtlbt/>

КОГДА УНИЧТОЖАЮТ ХЛЕБ

В результате последних изменений в законах торговые сети в России перестали перерабатывать залежавшийся хлеб и другие продукты — теперь они их безжалостно утилизируют. Максим Тройкин задумался о нашем отношении к хлебу и другой повседневной пище, а приходит к неутешительным выводам о маленьких, красных, пузатых человечках.

Нет хлеба — клади зубы на полку» (пословица)

В БЛОКАДНОМ Ленинграде установленная норма хлеба для служащих, иждивенцев и детей была 125 г, для рабочих — 250 г, для фронтовиков — 500 г.

Война и тяжелые послевоенные годы научили советских людей ценить хлеб. Я убежден, что ни один грамм муки, ни одно зерно пшеницы не пропали зря. Сейчас война далеко позади, послевоенные годы пережиты и полки магазинов ломятся от всевозможных продуктов. Хлеб присутствует круглосуточно на витринах магазинов. А задумывались ли вы о цене такого изобилия? И речь не совсем о деньгах.

«Хлеб — кормилец», «Хлеб — всему голова», «Без ума проколотишься, а без хлеба не проживешь», «Нет хлеба — клади зубы на полку» — вот так издавна русский народ отзывается о хлебе. Сейчас мало кто задумывается о том, каким трудным путем попадает к нам на стол такой простой и в то же время необходимый продукт. Одни лишь комбайнеры (люди, которые убирают зерно) в сезон работают по 14–16 часов в сутки. А люди, которые это зерно сеют, обрабатывают, удобряют почву, доставляют зерно на заводы, мелют, пекут, развозят. Задумайтесь, сколько труда в этой буханке простого хлеба, сколько сил. В среднем на одну буханку хлеба (750 г) требуется 500 грамм муки, а для этого нужно от 300 до 400 грамм пшеницы.

Немного статистики: в 2016 году в России собрали рекордный урожай зерна — 119 млн тонн зерновых, из них 73,3 млн тонн пшеницы. В 2017 году — 134 млн тонн зерновых, из них 85 млн тонн пшеницы. В 2018 году прогнозируется сбор урожая зерновых около 100 млн тонн, из них 64,4 млн тонн пшеницы. Но вместе с такими рекордными показателями по сбору Россия показывает и рекордные показатели по экспорту пшеницы, занимая первые места в мире. 2016 год — 4 место в мире по экспорту зерновых, 2017–2018 годы — 2 место в мире по экспорту зерновых и 1 место по экспорту пшеницы... И тут я наткнулась на новость о росте цен на хлеб... О необоснованном росте цен на хлеб. Но как же так!? В новостях ссылаются на курс рубля по отношению к доллару, ссылаются на неурожаи. Давайте разберемся.

Так как экспортируют наше зерно за границу за доллары, а курс доллара растет, то, следовательно, растет и цена на зерно и на муку, и на хлеб и эта цена растет не только за границей. Из-за неблагоприятных условий, потери зерна в 2018 году составили около 30 млн тонн, но, как заявил руководитель центра АО «Русагротранс» Игорь Павенский, «данный уровень валового сбора зерна ниже чем в последние два года, но существенно выше урожаев, полученных на протяжении всех предыдущих лет в постсоветской России».

Получается, что мы возвращаемся в царскую и сталинскую Россию, которая кормила весь мир, но не могла прокормить собственных крестьян, и они умирали с голоду.

А теперь немного об отношении к хлебу в современной России. Я приведу пример магазинов, ритейлов. Зайдя в любое время в супермаркет, вы всегда найдете забитые хлебом полки. Один из законов успешной торговли гласит: «В магазине пустых мест быть не должно, каждое место должно или продавать или рекламировать». До 2018 года торговые сети закупали хлеб в огромных объемах, большую часть нераспроданного (просроченного) хлеба магазины возвращали поставщику. Поставщики, в свою очередь, хлеб отправляли на переработку или просто продавали за копейки сельским хозяйствам для корма животным.

В начале 2018 года вступил в силу закон «О невозврате продуктов питания» (тут не обошлось без участия знаменитой Ирины Яровой). После вступления в силу этого закона весь нераспроданный хлеб, как и прочие товары, нераспроданные в пределах срока годности, безжалостно утилизируют в магазинах. В «Ашанах», например, сбрасывают его в утилизатор (большую яму, напоминающую мясорубку), в «Пятерочках», согласно инструкции, режут упаковки, заливают хлоркой и выбрасывают в мусорные баки. Обратите внимание: заливают ХЛОРКОЙ, чтобы из мусорного бака его не смогли употребить в пищу те же бездомные. А если и употребят, то... сами понимаете, что будет.

И так происходит со всеми продуктами без исключения, в том числе и с теми, которые вполне можно перерабатывать. Утилизируются и чуть черствые булочки, и потерявшие товарный вид фрукты, и все абсолютно молочные продукты. Сразу вспомнилась одна бабушка, приходившая каждый день к магазину во время списания

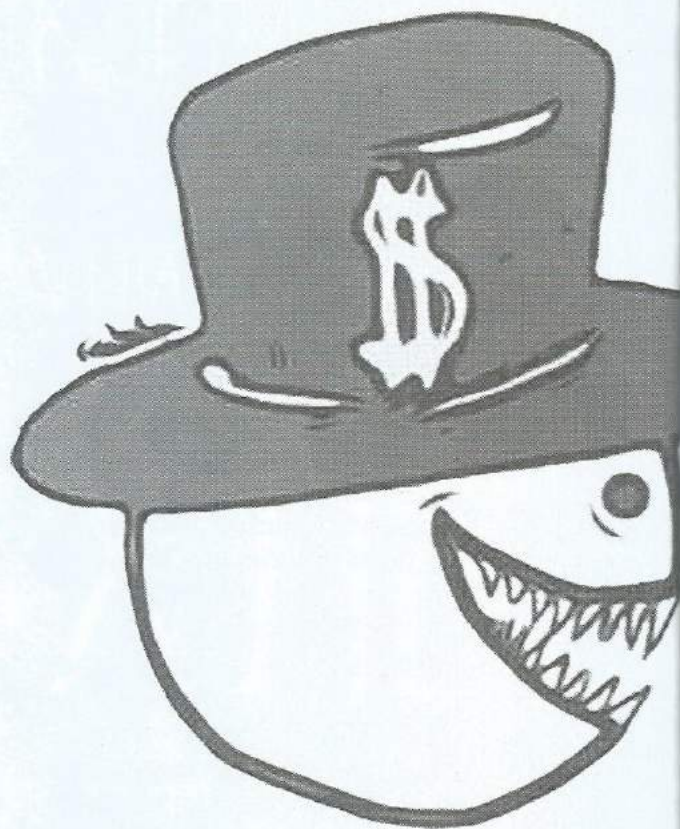
просроченного товара. Она стояла около помойки и дожидалась, когда выкинут просрочку. К сожалению, в нашей стране слишком много людей, которые еле сводят концы с концами, и та самая буханка хлеба, стоимостью в среднем пятьдесят рублей, некоторым людям просто не по карману. Отдельный пласт — пенсионеры. Да и в обычной семье среднестатистического россиянина большая часть средств уходит на жилье и питание. Я говорю о людях с зарплатой в 10–15 тысяч рублей, а таких значительное число.

В магазинах крупных ритейлеров отношение к закупкам и продажам хлеба крайне хамское — нет тщательного планирования заказов хлеба у поставщиков, нет изучения потребностей населения. Вот пример: раньше в известной в России торговой сети магазинов продавался хлеб завода «Арнаут» под названием «Здоровая семья». Хлеб недешевый: пять ломтиков весом около 300 грамм по цене около 100 рублей. Такой хлеб почти никто не покупал, продажи были крайне низкими, его привозили, выкладывали на витрину, а через 5 дней, когда заканчивался срок годности, всю партию снимали и списывали. И таких примеров много.

В среднем в одном магазине этой известной в России продуктовой сети каждый день списывается и утилизируется хлеб на сумму от 3 до 7 тысяч рублей, а таких магазинов по России около 11,5 тысяч. А теперь посчитайте: это пример только одной сети, а у нас в стране множество продуктовых ритейлеров (и у каждого из них сотни и тысячи магазинов). И у всех одинаковое отношение к хлебу. Страшно подумать, сколько тонн хлеба беспощадно уничтожается каждый день. Как будто у нас нет безработицы, маленьких зарплат, семей, которые живут за чертой бедности, пенсионеров, которые с утра до ночи копаются в мусорных контейнерах в надежде найти невредимую палку просроченной колбасы или буханку черствого хлеба.

Получается, что часть своей работы комбайнеры, пекари, развозчики и продавцы делают зря, раз немалая часть их трудов выбрасывается на помойку. А ведь эти люди работают по 12–16 часов в сутки, и труд этот не из легких.

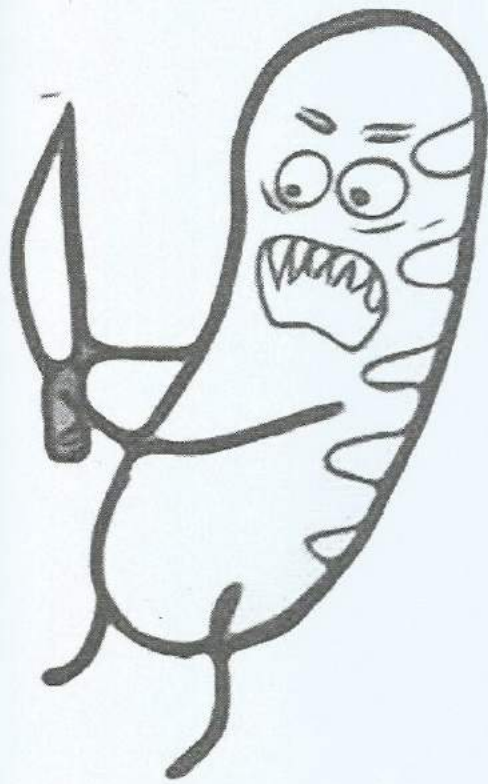
Конечно, опытный торговец скажет: «Это торговля, в ней не обойтись без потерь и списаний, а повышение цен всегда было, и это только на пользу, потому что в цену продукта уже включен процент от предполагаемой цены нераспро-

”

Решение этой проблемы есть — я считаю целесообразным вырвать агрокомбинаты и ритейлы из цепких клешней частной собственности и передать их в руки народа, сделать производство и продажу хлеба ориентированными на население, а не на извлечение прибыли агрокомпаниями и ритейлерами. Сделать доступными цены для увеличения покупательского спроса, улучшить качество, жестко контролировать все стадии производства хлеба (от зерна и до буханки), чтобы ни один грамм зерна не пропал зря, тщательно планировать закупки хлеба магазинами, чтобы не выбрасывать хлеб почем зря.

данного товара». Но на фоне неблагоприятной обстановки в стране, высокого уровня безработицы, низких зарплат, снижения уровня жизни, потери эти ничем не оправданы, не оправдано и повышение цен (тем более, что зарплаты комбайнеров, пекарей и работников торговли не повышаются и оставляют желать лучшего).

Низкий показатель сбора урожая в 2018 году по сравнению с предыдущими годами говорит о том, что дело не только в погоде, но и в усталости почвы. К зерновым ресурсам (и не только к зерновым) планеты необходимо относиться бережно.

Итак, владельцы агрокомпаний и ритейлов беспощадно грабят не только нас с вами, завышая цены на хлеб, но они грабят и ресурсы нашей планеты: варварскими способами бездумно собирая рекордные урожаи и в то же время тоннами выбрасывая хлеб на помойку.

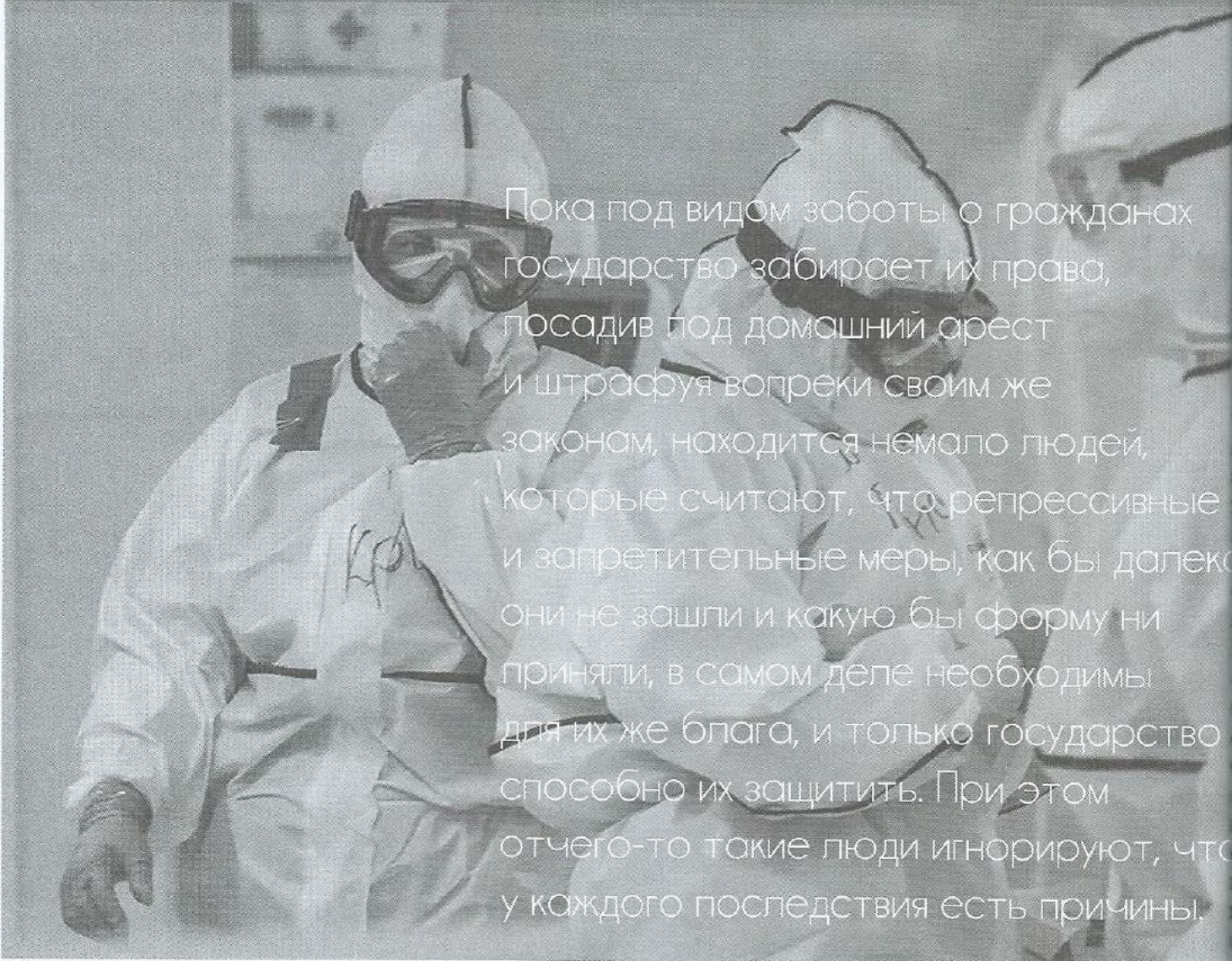
Они грабят людей и землю вместо того, чтобы развивать отрасли выращивания, сбора зерна и производства хлеба.

Максим ТРОЙКИН

Моя небольшая статья не только про хлеб. Хлеб я взял для примера. Вместо слова «хлеб» можно подставить слова «молоко», «мясо», «рыба», «металл», «нефть» — картина практически не изменится (например: кладбища автомобилей, поездов, самолетов и кораблей, огромные продуктовые свалки и в то же время голод и низкий уровень жизни). Эта статья о маленьких, красных, пузатых человечках, описанных Максимом Горьким в романе «Мать», и об их отношении к хлебу, к продуктам, к ресурсам планеты к людям и людскому труду.

БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ В БЕЗГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

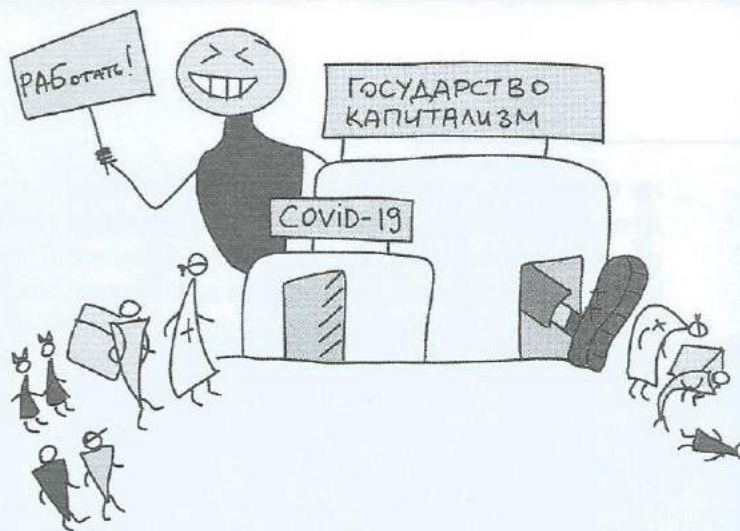

Пока под видом заботы о гражданах государство забирает их права, посадив под домашний арест и штрафуя вопреки своим же законам, находится немало людей, которые считают, что репрессивные и запретительные меры, как бы далеко они не зашли и какую бы форму ни приняли, в самом деле необходимы для их же блага, и только государство способно их защитить. При этом отчего-то такие люди игнорируют, что у каждого последствия есть причины.

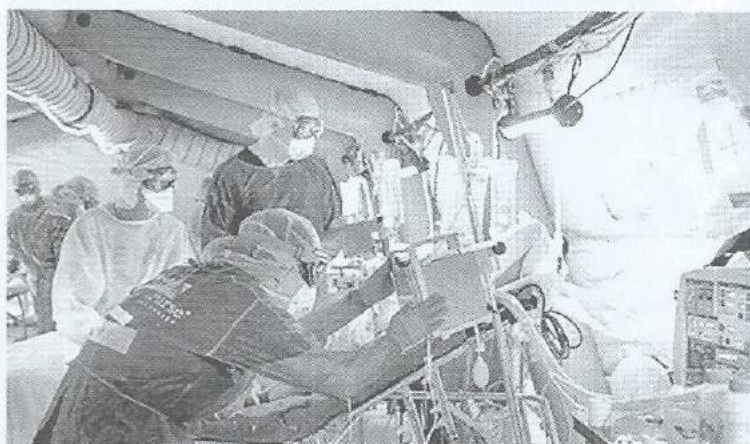

ТО, как не капиталистические государства, сокращали коечный фонд, плохо оплачивали тяжёлый труд медсестер и уборщиц, переводили хороший уровень медицины на платную основу, лишая людей доступной профилактики и лечения болезней. Загрязненный воздух, тяжелые условия труда, ослабление организма стрессом, скученность в городах, все эти спутники капитализма убивают иммунитет. Уже можно найти исследования, которые подтверждают это, хотя, если мы посмотрим историю борьбы с эпидемиями, историю гигиены, историю градостроительства и архитектуры борьбы за экологию, то мы получим подтверждение фактам, которые давно уже известны. Итак, как не подсказывает Капитан Очевидность — вместо того, чтобы страшать, запрещать и наказывать, лучше было бы работать с первопричиной возникновения эпидемий и пандемий, создавать условия для жизни, в которых человек не будет вынужден постоянно выживать, в которых у него будет доступ к хорошей медицине, комфортному и светлому жилью, чистый воздух, здоровые продукты питания, работа не на износ, а в удовольствие, возможность здорового отдыха (многие даже не представляют, в сколько проблем со здоровьем влияет стресс «недосып»). И разве не за эту замечательную жизнь борются анархисты? Так в чём проблема, почему приходится так часто слышать утверждение, что нет, анархизм не годится в ситуациях, когда необходимо бороться с эпидемиями, катастрофами и тому подобными масштабными чрезвычайными происшествиями? Откуда такое стойкое мнение, что тут нужны исключительно ресурсы и жёсткая рука государства?

Мне кажется, что во-первых, люди не понимают всю степень того, как государства «лажают» в таких ситуациях, и излишняя полиция, бюрократия, страх вовремя предупредить о возможной угрозе или действовать самостоятельно на месте, являются тем негативным фактором, который как раз только усугубляет ситуацию. Во-вторых, люди зачастую не понимают, что собой представляет анархическое общество. Возможно, им видятся заброшенные в глуши лесов и полей группы анархо-примитивистов, добывающих огонь трением палочки и не имеющих представления о современных технологиях, в том числе медицинских. Но анархическое общество — это общество, где нет государства и его карательных органов. Однако это не значит, что нет медицинских учреждений, научных институтов, современных технологий и так далее. Просто принципы самоуправления идут от того, что люди сами выбирают своих представителей, если опустим, совет соседей по району или населен-

ному пункту должен решить задачу, которая касается большого сообщества или группы сообществ какой-то территории. Даже в государстве при возникновении чрезвычайной ситуации, как правило, создаётся координационный штаб. Ничто не мешает создавать такие штабы в анархическом сообществе. Мало того, они могут быть созданы гораздо оперативнее, и войдут туда не чиновники и «эффективные менеджеры», на самом деле ничего не понимающие в вопросах, которые надо решать, а специалисты, не скованные бюрократическими рамками и страхом проявления инициативы. Если мы вернемся к современным технологиям, то не все из них дороги и затратны по ресурсам как материальным, так и человеческим. Для возможности расчетов и прогнозирования больше не требуются гигантские ЭВМ, сеть интернета и мобильная связь позволяют осуществлять быструю и мобильную координацию. Возможно, многие читали историю, как в Италии в больницу понадобилось срочно приобрести вышедшие из строя детали для аппаратов искусственной вентиляции легких. Выпускающая их фирма не могла осуществить оперативную поставку из-за собственных и государственных (растаможивание и так далее) бюрократических проблем. Также эти детали были очень дороги. В итоге эти детали напечатали на 3D принтере местные энтузиасты, откликнувшиеся на призыв медиков о помощи. Причем себестоимость этих деталей оказалась гораздо ниже фирменной. Итак, рулят не только современные технологии, но и старая добрая человеческая взаимопомощь,

на которую и опирается идея анархии. Мало того, для адресной помощи гораздо эффективнее группа соседей, чем государственные чиновники. Есть уже масса примеров, когда люди доставляли соседям из группы риска продукты, шли волонтерами в больницы, выполняли другую работу. В моей ленте испанских новостей вполне конкретный человек писал, например, как они с родителями из класса вместе приобрели станок для 3D печати, чтобы на нём делали маски для медицинских работников. Когда в таком количестве масок отпадёт нужда, они собирались использовать этот станок для нужд школы.

Ещё раз: большое заблуждение, что у государства координация получается лучше. Мы имеем уже достаточно свидетельств со всего мира о том, как в тех же больницах постоянно не хватает то одного, то другого. Анархия не подразумевает хаос и бардак. Исключите из условий, в которых вам надо оперативно и долгосрочно решать проблему: бюрократию, кумовство, лоббирование, коррупцию и спекуляцию, военную иерархию и борьбу ведомств. Не правда ли, станет проще?

«Ну... это всё, это, конечно, хорошо, но анархисты не смогут все это координировать, у государства получается лучше» — такое мне тоже доводилось слышать и читать.

«Но ресурсы, откуда ресурсы-то взять?» Понятно, что, возможно, не каждое сообщество сможет иметь ресурсы на каждый «пожарный» случай. Но тут опять на помощь приходят современные технологии, позволяющие перебросить в удаленные точки и технику и мобильный госпиталь и персонал для него. Для координации и взаимодействия местных советов коммун с единым оперативным штабом и местными штабами государство не нужно.

«А как же армия? Полиция? А как же мародерство в зонах чрезвычайных ситуаций? Анархисты слишком наивны в своём представлении о людях!» Нет, не наивны. Но опять-таки силы самообороны

могут действовать гораздо эффективнее полиции так как они будут состоять из местных жителей и иметь кредит доверия. Если у людей есть доступ к необходимым продуктам, то зачем им грабить? Если они знают, что их не бросят в беде, если их не запугивают из каждого утюга, а объясняют, какие необходимы действия, и что они не пассивный объект, а субъект, который может принимать решения, влияющие на ситуацию? Если они знают, что могут опереться на помощь сообщества, то зачем тогда паниковать? Страх иррационален? Да. Людям все равно может быть и страшно и они могут приходиться в отчаяние. Но в этой ситуации у людей должна быть возможность обратиться к психологам. И, само собой, психологи, оказывающие помощь, тут будут гораздо эффективнее государственных чиновников с их бодрыми речами, и наоборот, запугиванием. «Подожди, но вот твои силы самообороны, а они не начнут сами вас грабить?» Послушайте, но почему вы решили, что вас не грабит сейчас государство, пользуясь своей монополией на вооруженных людей, находящих у него в подчинении? А теперь представьте, что с соседями по очереди можете дежурить охранять свой поселок. На те же территории сапатистов полиция не суётся.

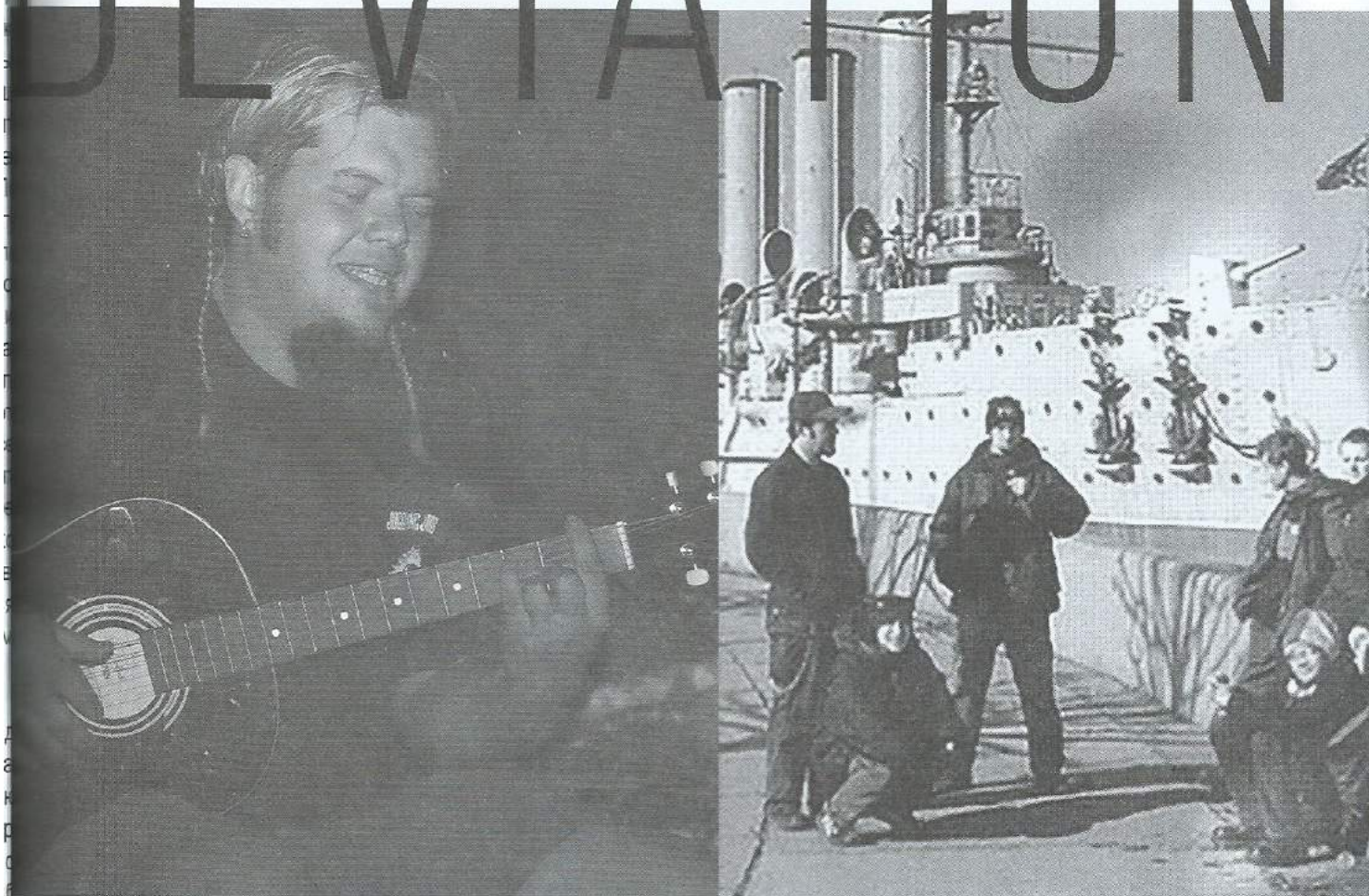
«Так, ладно, но вот, если эпидемия, когда надо принимать реально жесткие меры. Чума там как холера. У вас, анархистов границы же отсутствуют. Армия вам не нравится. А надо изолировать территории. Вы же не сможете как в Китае?» Да, действительно необходима изоляция какой-либо территории, но причём здесь границы? Поселение или группа поселений может выставить временные кордоны самостоятельно, либо обратиться в общий координационный штаб. Для объяснения причин необходимой изоляции гораздо эффективнее работает разъяснительная работа и активное участие самих людей в принимаемых мероприятиях, чем угрозы и запугивание (хотя любители авторитарных методов, конечно не согласятся). Дисциплина и самодисциплина — хорошие спутники свободы, которая ещё и про ответственность.

Итак, я собрала наиболее часто встречающиеся вопросы. И постаралась максимально коротко и просто на них ответить. Всё гораздо сложнее. Нет, не настолько, если внимательно изучать как исторический, так и современный опыт самоуправления. Если доверить своё будущее и настоящее государству, то вы рискуете намного больше.

Желаю всем здоровья
Тов. Ник

DEVIATION

«У нас самый лучший панк», —
Стас Почобут о творчестве и анархизме.

Белорусская панк-группа Deviation существовала с 1993 по 2009 годы, но до сих пор занимает важное место среди постсоветских анархистских творческих проектов. Представляем интервью с солистом Deviation Стасом Почобутом. Интервью взял А. для проекта Social Music.

А: Как ты пришёл в музыку?

С: Мне местами кажется, что я до неё и не доходил?) Не знаю названий большинства аккордов, из 7 нот представляю как звучит ми, потому что так гитару настраиваю.

Для меня музыка изначально была частью чего-то большего. Была чёткая линия, где с одной стороны — государство с его постсоветским гноем в головах целого поколения. А с другой стороны — сопротивление, контркультура, другая музыка.

Моя дорога в «музыку» была через длинные волосы, ментовки и гопоту на вечерних улицах. Да и кто не мечтал играть в группе в 16??)

А: Почему связал своё творчество с остро-социальной, протестной тематикой? Что для тебя музыка — протест или способ излить душу?

С: Каждая песня это творческий процесс. Никто не приходит на репу, говоря: «давайте что-нибудь остросоциальненькое!» Песни Deviation — это коллаж, сделанный из реальности сквозь призму ощущений группы. Если ты находишься в объятиях тоталитарной системы, любая песня может стать протестом, даже та, где ты «изливаешь душу».

А: Оказывалось ли на тебя лично давление за остросоциальные песни?

С: После первого концерта — 10 суток. Ещё до прихода Луки [Лукашенко — прим. «Автонома»], в разгул демократии в столице?)

А с приходом Луки давление на свободу творчества приобрело систематический характер. Я не вёл подсчётов, но с перспективы времени кажется, что прерванных концертов на порядок больше, чем прошедших с начала до конца.

А: Есть ли сейчас в регионе исполнители и коллективы, способные сильно влиять на молодёжь и продвигать протест?

С: На молодёжь влиять не нужно, от неё надо отъебаться!?)

А: Конкретно беларуская панк-хардкор сцена. Что скажешь о ней?

С: Мне нравится гродненская сцена. И старая и новая. У нас самый лучший панк?)

А: Расскажи про самые запоминающиеся случаи преследования, накрывов концертов (если были), арестов друзей и товарищей?

С: Когда-то давно я видел людей с «коктейлями Молотова» на крыше гаража, где проходил концерт. Все ждали бонов. Эта картинка всплывает у меня в голове в минуты томных ожиданий и вызывает улыбку умиления.

А: Как ты оцениваешь сегодняшнее положение анархического движения в Беларуси?

Оно есть. Оно сталкивается с серьёзными прессиями. Уверен, выстоим и победим.

А: С чем связаны в последнее время активные репрессии в отношении анархистов?

Власти действуют по схеме. Идёт зачистка неподконтрольных, низовых, а от того и тяжёлых для разработки движений, которые психологически готовы к силовому сопротивлению. И при этом могут стать двигателем протестов. Как анархисты на протестах против закона «о тунеядцах» в Бресте. Именно исходя из этой же парадигмы действий, активно давят футбольных хулиганов.

А: В какой момент ты решил уехать и почему?

У меня около трех месяцев не было работы. Группа загибалась: кто-то торчал, кто-то бухал. Митинги проходили всё реже и реже. Последнюю неделю я жил с собакой в гараже. И тут предложили вакансию кузнеца в Познане.

Так я уехал и жил полтора года на самом старом сквоте в Польше, Розбрат. Потом съездил в гости к подруге в Питер и она родила мне близнецов. Так я оказался в СПб.

Сейчас очень тяжёлый и важный исторически момент для Беларуси, не считаешь? Вопрос про интеграцию с Россией, выборы, парламентские президентские. Мы справимся, твоё мнение?

Я не знаю о каких выборах в рб лукашенки [Республика Беларусь при Лукашенко — прим. «Автонома»] может идти речь. Выборы, верящие в них, проебали ещё в 90-х. Остальное это цирк. Убогий, повторяющийся от «выборов» к «выборам». А интеграция, как и Крым и Донбасс — это последние конвульсии империи. Падёт и рассыпется.

А: Позитивно или негативно оцениваешь возможное будущее для стран СНГ, в том числе Беларуси?

Всё слишком неоднородно в этом сегменте. Но их ждёт конкретный рывок, когда империя рухнет.

А: Твой личный рецепт для позитивных сдвигов?

В жизни не так много позитивного и оно скорее происходит вопреки всяким рецептам.

Беседовал А.

Фото: <https://vk.com/grodnocitymusic>

АКТУАЛЕН ЛИ АНТИАВТОРИТАРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ СЕГОДНЯ?

АЛЕКСАНДР ШУБИН

(краткий конспект лекции 31 августа 2019)

Социализм и футурология

Людей иногда удивляют рассуждения об общинном социализме XXI века, но они не удивляются, когда говорят о Марксизме XXI века, хотя доктор Маркс давно умер. Авторы, которые пишут толстые книги о будущем, не подозревают, как их идейно пропитали теоретики, которых они, как правило, не читают.

Например, большой авторитет имеет книга Олвина Тоффлера «Третья волна», которая вдохновлена Махатмой Ганди, который вдохновлен Толстым, который вдохновлён более ранним анархизмом и народничеством, и всё это (у Тоффлера) сильно упрощено. В итоге Тоффлер в области

социальной организации избрывает велосипед. Если нас интересует путь в будущее, существенно отличающееся от сударственно-капиталистического настоящего, нужно знать труды тех, кто до нас рассуждал об этом будущем и придумал многое, что не устарело и в XXI веке.

Социализм в отдельно взятой деревне

Уже в XVII веке социалистическое учение разделялось на два направления. Одни авторы, такие как Т. Кампанелла, предлагали централизованную систему с рациональными

Многое, о чем я сегодня буду говорить, уже описано в моей книге «Социализм: „золотой век“ теории», к которой я отсылаю желающих подробнее ознакомиться с историей социалистических идей.

правлением жизнью людей в единого центра, другие, как Уинстенли — де централизованные модели, основанные на местном самоуправлении в федеративном объединении самоуправлений.

В XIX веке здесь появилась фигура Роберта Оуэна, который представляет собой конек очень многих движений и течений, воспринимаемых сегодня как нечто обычное. Из Оуэна» вырастают лейбористская партия, британские общенациональные профсоюзы и неудачный опыт с «Новой Арменией», имеющий большие последствия. Первый, кто попытался создать общебританские профсоюзы — Оуэн. Идея социального государства — тоже Оуэн. Он первый, кто начал объяснять предпринимателям, что если хорошо кормить рабочих и строить для них бесплатное жильё, то они будут лучше работать.

Оуэн предпринял попытку построить социализм в отдельно взятом поселении — «Новой Арменией». Эксперимент «Новой гармонии» закончился неудачно, но стали развиваться другие подобные общины. В конце XIX века в Северной Америке и Австралии были уже сотни таких общин. Трудно разделить, которые из них были лучшей практикой социализма, а какие религиозными.

В конце концов жёсткое давление империализма это движение почти задушило. Эти люди не смогли конкурировать с мощной капиталистической промышленностью, современным фермерством. Но в 60-е годы движение общин стало возрождаться уже в связи с постиндустриальным вектором. О Финдхорне, White Waters, Auroville, о Ферме The Farm) — это хипповская коммуна в США, и о «Китеже»

в Калужской области (в его строительстве я принимал участие) говорят разное. Там не коммунизм и не капитализм.

Но «Китеж» — это единственное место в Калужской области, где есть одновременно два 3D-принтера, и дети, пользуясь ими, учатся жить в постиндустриальном обществе. Урок этого опыта — можно начать создавать новое общество из отдельного очага, но на этом пути есть множество трудностей. Вы устанете друг от друга как космонавты, которые долго летят в одном корабле и в конце концов озверевают друг от друга.

Накапливается психологическая усталость. И внешний мир давит — хочет вас подчинить, разорить, отжать у вас собственность. Чтобы противостоять капиталистическому миру, вы должны быть политически активными, вам нужны агенты в большом мире. Нельзя выиграть борьбу с капитализмом в отдельно взятой деревне. Победить можно, только став частью широкого движения, выступающего за смену общественной системы.

Конструктивный анархизм

Этот вывод позволяет нам перейти от Оуэна к его великому младшему современнику Пьеру Жозефу Прудону — также и старшему современнику Маркса. Прудон потряс интеллектуалов своего времени книгой «Что такое собственность?» Для ее написания Прудону дали стипендию, которую после публикации потребовали назад. Его вывод: собственность — это кража. Но книга

Прудона, вообще говоря, о другом. Он не любит собственность. Он критикует основы капитализма. О том же и «Капитал» Маркса. Марксистская литература на 3/4 состоит из того, что капитализм плох.

Ну, плох и плох. Это каждый может почувствовать на своей шкуре. Вы расскажите мне, чем его заменить. Это гораздо интереснее. В книге Прудона есть несколько свежих и неувядаемых конструктивных идей. Во-первых, вопрос: а чем мы заменим собственность?

Я однажды был в левой организации, где мы писали вместе с марксистами программу. Наша фракция предложила написать, что мы выступаем за ликвидацию собственности. Что тут началось с марксистами! Они не понимали, как же жить без собственности. Мы же вслед за Прудоном говорили, что собственность необходимо заменить владением, то есть распоряжением на определенных условиях. И главное — ты можешь участвовать в распоряжении там, где работаешь. Ушел с предприятия — потерял права им распоряжаться. Пришел — получил. В XIX веке уже было признано, что плохо, когда вами правит абсолютный монарх. Абсолютизм — это плохо. Это французы уже поняли. Эту утопию мудрого правителя они уже реализовали и поняли ее абсурдность.

Тогда Прудон говорит: почему вы не хотите признать, что демократия нужна на предприятии? Почему на предприятии у вас абсолютная власть собственника, а в государстве вы стремитесь к демократии? На производстве должна быть республика. Работники могут избирать и отзываться руководителя. Я работал на заводе, я могу вам сказать, что рабочие иногда дают очень дельные

советы инженеру, особенно, если он только что выпустился из института и пришёл ими руководить. Это может быть хороший совет рабочего человека. Кроме того, рабочий человек отвечает своим карманом за работу администрации.

У нас говорят: руководитель отвечает за всё. Я спрашиваю: чем? Если предприятие разорится, он со своими деньгами не пропадет. А рабочий останется без работы! Прудон заявил, что нам на производстве нужна республика. Но мы должны понимать, что индустриальное общество вообще недемократично, четкое выполнение указаний работником — принцип организации фабрики. Я понимаю, почему Прудона и Бакунина Маркс и его последователи победили, добившись гораздо большего влияния своих идей.

Они конструировали общество, где болты и люди очень хорошо подгоняются под единый стандарт. Все болты посчитаны, люди посчитаны, сапоги посчитаны. Правда, сапоги не очень хорошо налезают на ноги. Но в период модернизации это не так важно — общество стремится поскорее построить фабрики и переместить людей в города. Прудон считает, что нужно разбудить творческие способности работника. Это позволит создать изобилие без единого плана и жесткой стандартизации. Такие идеи в период модернизации оказались преждевременными.

Зато это все более актуально сейчас, когда мы ищем пути преодоления перерезавшего индустриализма. Кто этот работник, у которого разбудили творческую активность? Он рабочий. Но он же и организатор производства. Он решает со своими коллегами в бригаде — мы свою работу органи-

зуем так-то. Конечно, инженер тоже участвует в заседаниях коллектива. Рабочий, который обсуждает, как лучше организовать дело, скоро сам станет инженером. Произойдет смешивание разделенных ныне функций и творчества. Управления (самоуправления) и реализации замысла, работы.

Социальный слой, в котором произойдет такое соединение, я называю информалитатом. Прудон не отрицает рыночных отношений. Маркс правильно пишет о фетишизме денег. Когда некоторые левые стремятся отменить деньги — они проявляют такой фетишизм. Дело не в деньгах, а в уровне организации обмена. Ремесленник видит своего потребителя. Общество глобальной стандартизации не любит непосредственное общение между потребителем и производителем. А интернет любит! Интернет позволяет связаться потребителю и производителю: если я могу переговорить с исполнителем своего заказа — это уже постиндустриальная тенденция.

Республика должна быть не только на моем предприятии, но и в моем дворе. Народники предали именно территориальное самоуправление, общину сделать моделью общества будущего. Знаете, сейчас рядом с Сергиевым Посадом провели автостраду, и по дороге снесли множество домов, дав на компенсацию явно недостаточно средств — это было страшно смотреть. При системе Прудона это было бы невозможно. А возможна ли при Прудоне автострада?

Если это всем нужно, попробуйте договориться с человеком, который построил здесь дом о достойной компенсации. Иначе никак! Во всех вопросах, где органы местного самоуп-

равления (уровня дома и двора) готовы договариваться между собой, они передают определенные полномочия наверх и в этих рамках действуют вышестоящие Советы (скажем — районные).

Возникает система делегирования. Квартальный Совет состоит из делегатов домов, районный — из делегатов кварталов, городской — из делегатов районов, региональный — из делегатов городов и территорий... Прудон — противник идеи национального государства. Регионы могут федеративно объединяться в союзы. По территории — как Советский Союз или Европейский Союз. С помощью делегирования (федерализма) можно организовать самоуправление и демократию на производстве, координацию экономики. Предприятия, кт и территории, объединяются в федерации, а эти федерации — в более масштабные федерации. Такая система называется федерализм.

В 80-е годы XX века мы придумали самостоятельную республику, а потом узнали, что придумали её Прудон задолго до нас. Человек, который сидит на самом вершине, низового избирателя не видит. Но и решить судьбу обычного человека не может. Он координатор регионов, а не властелин, решающий судьбу отдельных людей. Это демократия на каждом уровне. Это не идеальная система. Но она основана на демократическом принципе: воля людей снизу должна передаваться наверх. Наверху власти меньше всего, внизу больше всего.

Может, так получится, что внизу люди пришли к одному решению, а совет наверху приходит к другому выводу. Недостатки делегирования могут уравниваться републканской демократией.

С развитием электронной демократии референдумы могут стать частыми. Но их решения не могут быть оперативными — к исполнению должна предшествовать дискуссия, вовлекающая миллионы или многие тысячи людей. Так можно определять только общие рамки, в которых будут приниматься оперативные решения. Принципиальные споры могут разрешаться через референдарную демократию. Мы проголосуем, и большинство скажет, что на этой территории будет левостороннее или правостороннее движение, например. Для оперативных решений лучше децентрализованные Советы. Прудон противопоставляет федерализм государственности, под которой понимает бюрократическую иерархию. Прудон выступает против государственности, но он не против права, чтобы людям были понятны рамки, в которых они свободны действовать. Если им понятны эти рамки, им не нужны чиновники. Многие решения могут решаться автоматически, в регистрационном порядке — скажем, о занятии участка под бизнес. Совет выделяет территории, где можно вести бизнес с соблюдением определенных правил. Группа граждан хочет создать здесь кооператив — берет такой участок, и это решает не чиновник, а их право взять такой участок.

Следующая важная идея Прудона — мютюэлизм, организация взаимопомощи. Сейчас, например, государство решает, как кормить сирот. Недавно была шутка, что детскому дому коммуны подарили икру, в которую добавлено вещество, вызывающее жарю. В итоге мэры, дума не пошли на работу, а дети не пострадали. Прудон говорит о необходимости создания

мощной общественной организации взаимопомощи. Если мы не платим налоги государству, мы платим взносы в эту систему, которая решает задачи нынешнего социального государства, не будучи государственной. По сути — это синдикализм. Профсоюзы — более демократически структуры, чем государство. Товарищ Маркс, которому было обидно, что его ругают за государственничество, показал, что у профсоюзов тоже есть бюрократия.

И государство, и крупные общественные организации могут быть более или менее демократическими. Но если посмотреть на такие мощные синдикалистские структуры, как Национальная конфедерация труда Испании, там был очень маленький аппарат. Идея сильных профсоюзов идет от Оуэна, но на французской почве — от Прудона, синдикалистов. Параллельно фурьеристы и прудонисты развивали кооперацию, конкурируя с торговлей. Всё это мы имеем во второй половине XIX века, в 60-70-е годы благодаря в том числе работам Прудона.

Прудон и Михаил Бакунин не стремились ограничивать рыночную спонтанность планом. А вот коммунисты (в том числе анархо-коммунисты) увлекались идеей рационального плана, когда можно всё посчитать — и потребности, и производственные возможности, и свести все это в обязательный для исполнения план. Плановая система — очень хрупка. Если кто-то не выполнил план — все может рассыпаться. Для марксистов это не проблема — диктатура пролетариата принудит рабочих соблюдать план. Что из этого вышло с планированием на практике — мы знаем. А вот у анархистов такое принуждение невозможно.

Так что у них план может быть только экономическим прогнозом, на которые могут ориентироваться предприятия, если того пожелают. Прудоновский анархизм — это теория о постепенном выдавливании государства и капитала, о замене управления самоуправлением.

Прудон писал: «Я бы предпочёл сжечь власть и собственность на медленном огне, чем устраивать Варфоломеевскую ночь для собственников». Маркс очень жёстко отхлестал Прудона в одной из самых неудачных своих книг «Нищета философии». Но потом сам пришёл к более эволюционным взглядам, чем были у него в юности. Прудон был не против революции, но только когда для нее сложились предпосылки. В отличие от Прудона Бакунин и некоторое время Кропоткин выступали за то, чтобы взорвать централизованное государство и эксплуататорскую систему практически одновременно в ходе социальной революции. Но Александр Герцен, Петр Лавров и другие теоретики народничества — опасались, что без подготовительной культурной работы в ходе социального разрушения общество может откатиться назад. Мы хотим вытеснить управление — и капитализм, и бюрократизм. Но по пути к этой цели многие задачи будут решать государство.

Община как модель

Но Герцен добавил важную новацию — к свободному обществу можно двигаться, опираясь на традицию. В России есть община. Герцен предложил

идею общинного социализма. Давайте оттолкнёмся от почвы. И само по себе это было ново в 1849 году. И это понравилось Прудону; он сказал, русская община хорошо подходит для объяснения его конструктивной программы.

Герцен при этом критиковал современный ему общинный образ жизни. Община для него модель будущего общества, а не образец. Герцен говорит: мы хотим с помощью принципов «русской республики» общины ликвидировать всё нереспубликанское в России.

Для этого необходимо перестроить все общество по образу общины, ликвидировав давящую на общину и коверкающую ее государственную пирамиду. Обязательное условие успеха — просвещение крестьян. Для этого революционная молодежь «ходила в народ». Народ сначала не поддерживал этих агитаторов, но к 1905 году крестьян разагитировали, и они восприняли идеи радикальных перемен.

Важнейший принцип, о котором писал Герцен: община всем даёт место за своим столом. Это значит, что каждый имеет право на землю, если он готов на ней трудиться.

При частнособственнической системе крестьяне получают землю либо по праву наследования, либо в аренду от собственника. Между собственниками разделена земля, пригодная для сельского хозяйства и удобная для жизни близ городов (где у подавляющего большинства людей есть возможность получить работу).

Нехватка земли была проблемой и общинного крестьянства, которое шло на постоянные принудительные переделы, потому что людей становилось больше, и нужно было каждому выделить участок, который

может его хоть как-то прокормить. Теснота коверкала общину. Попытки вывозить крестьян в Сибирь мало что дали — там было тоже недостаточно пригодной для обработки земли, тем более теми средствами, к которым были привычны крестьяне того времени.

Сегодня большинство из нас живут в городах. И здесь места за столом вообще мало, теснота еще больше. Многие из города мечтают уехать. Постсоветский человек — органический дачник. Мы стоим в пробках по пятницам, чтобы вырваться из города на участок земли, на чистый воздух и лоно природы. А можно ли сделать так, чтобы желающие жили на этом лоне, но с городским комфортом и имея там работу по вкусу? Путин предлагает гектар на Дальнем Востоке. Кому нужен гектар необработанной земли на Дальнем Востоке сейчас?

По телевидению нас зовут в XIX век, рассказывают, как замечательно было жить при самодержавии и даже крепостничестве как «скрепе». Но путь к более равномерному освоению территории нашей страны и, следовательно, разгрузке городов от перенаселенности, что является ключом к решению проблем горожан — лежит через социальные структуры, адекватные XXI веку и идеям народников. Нам нужны не самодержавие и крепостничество, чиновничество и послушание начальствам, а самоорганизация.

Будущее возможно уже сейчас

Представьте себе, что Вас приглашают жить в поселке, удаленном от нынешних

больших городов. Вы се представляете тогда какое захолустье, где нужно землю пахать и как-то выживать. А Вы гуманитарий или программист, или инженер. Вы отвечаете: не бойтесь. У Вас будет большой участок земли, удобный электронный котел по Вашему списку с компьютерами, с удаленной работой с гидропоникой, с собственной энергоустановкой (ветряное солнце, малая гидроэнергетика и т.п.) и 3D-принтерами, которые могут «напечатать» почти любую вещь.

Согласитесь — это меняет дело. Но ведь все это сейчас очень дорого. Кроме компьютера разве что. А ведь раньше и компьютеры были дорогими и мобильные телефоны. А теперь подешевели, так как пошли в массовое производство. Это произойдет и с 3D-принтерами. А они уже могут «напечатать» робота и детали для дома по скаченному из интернета алгоритму. И роботы соберут Вам из деталей дом по чертежу. Главным продуктом станут не вещи, а программные модели, чертежи. А их можно делать в любой точке планеты. Это, кстати, сужает и сферу международного обмена.

Если у Вас есть почти все материальное, что нужно, то Вам уже важнее лайки, чем деньги (это и сейчас происходит с теми, кто выкладывает в интернет свои достижения, мотивируясь скорее славой, чем заработком). Еще Кропоткин развивая идеи Прудона, писал, что вообще-то большие фабрики не нужны. Он увидел тенденцию к миниатюризации. У всех будут свои фабрики.

Сейчас 3D-принтеры также несовершенные, как малые фабрики в сравнении с фабрикой. Но по мере их совершенствования и при условии изм

ения социальной структуры
для промышленности в про-
водстве будет сокращаться
же, как доля сельского хо-
действия при переходе к индустриальному обществу. Если
стоят задачи преодоления
индустриального общества,
дравствуйте Прудон, Герцен,
жунин, Кропоткин, Оуэн.

Пожалуй, еще тут важен
Михайловский, кото-
ый показал, что тенденция
специализации не является
ечной, и должна смениться
тенденцией к деспециализа-
ции, диверсификации, много-
функциональности человека.

Георгий Плеханов его за это
очень критиковал, но прав-то
был Михайловский, как сейчас
видно.

Человечество подошло к по-
рогу Нового общества, кото-
рое можно называть, как наши
предшественники, социализ-
мом, а можно — постиндустри-
альным, креативным, модели-
рующим обществом — потому
что в нем будет преобладать
творческая деятельность (мо-
жет быть и форме графоман-
ии), задачи моделирования
реальности, которой раньше
не было. Она с помощью ком-
пьютерных и 3D-технологий

будет воплощаться в реаль-
ность. Но для успеха такого
общества необходимо творче-
ство социальное, такие изме-
нения социальной структуры,
которое лишит могущества
противников самоуправления,
хозяев индустрий, финансов
и государственных структур.

Это не будет новый див-
ный мир, там возникнут новые
проблемы. Но те проблемы,
которые мы имеем сегодня,
будут решены. И главное —
будут остановлены преобла-
дающие сейчас тенденции
к архаизации и экологической
катастрофе.

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Слову «intersectionality» нет очевидного эквивалента на русском языке. Его так и переводят — «интерсекциональность».

Это слово намекает на пересечения. Оно означает пересечение различных форм угнетения, например, расизма и сексизма. При этом важно, что совокупность угнетения не всегда равна его сумме. То есть люди при «пересечении угнетений» могут сталкиваться с такими проблемами, с которыми не сталкиваются, например, при расизме и сексизме по отдельности.

Корни интерсекциональности — в феминизме. Если говорить об интерсекционализме как об отдельной от феминизма идее, то её цель — подчеркивать более широкий подход к угнетению. В этом тексте термины «интерсекциональность» и «интерсекциональный феминизм» используются как синонимы.

История понятия

Когда Кимберли Уильямс Крэншоу (англ. Kimberlé Williams Crenshaw) описал понятие интерсекциональности в конце 80-х годов, это было не четвертое обновление одной и той же идеи.

Пятнадцатью годами ранее в «Коллективе Реки Комбахе» (англ. Combahee River collective) чернокожие лесбо-феминистки использовали понятие «simultaneous oppressions». На русский его примерно можно перевести как «одновременные угнетения». Отсюда понятие simultaneity (одновременность). Термин показывает, как различные формы угнетения действуют одновременно.

Тройная эксплуатация

Еще за 40 лет до этого, в 1930-х годах, чернокожая активистка американской компартии Луиза Томпсон Патерсон (англ. Louise Thompson Patterson) сформулировала понятие «тройной эксплуатации» (англ. triple exploitation). С помощью него она описывала одновременный расизм, сексизм и классовую дискриминацию. В это понятие не входила дискриминация сексуальных меньшинств. Хотя среди известных чернокожих коммунистов тех времен были не только гетеросексуальные люди. Например, Клод МакКей (англ. Claude McKay) и Беярд Рустин (англ. Bayard Rustin).

Тройное угнетение

Если обратиться еще дальше к прошлому, то мы увидим, что до понятия тройной эксплуатации существовало понятие «тройного угнетения» (англ. triple oppression), которое использовали многие феминистки. В 1860-х годах Жули-Виктория Добие (англ. Julie-Victorie Daubié) перечисляла среди форм угнетения законодательное, вызванное обычаями и институциями.

Для организации анархисток «Мухерес Либрес» (исп. свободные женщины), которая действовала в 1930-х годах во времени Испанской революции, тройное угнетение состояло из невежества, угнетения женщин и угнетения рабочих. Возможно, чернокожие активистки компартии США 1930-х годов заимствовали понятие тройной эксплу-

атации от более ранних феминисток, но именно они первыми дали ему определение, близкое к интерсекциональности.

Анархистки, социалистки, феминистки

Социалисты выступали против различных форм угнетения еще до того, как на рубеже 1890-х годов термин феминизм стал использоваться для обозначения общественных движений. Маркс и Энгельс были антиколониалистами. Так, они поддерживали восстание 1857 года в Индии, несмотря на то, что в нем не было ничего «пролетарского».

Многие из социалистов были анархистами и считали, что анархизм в равной степени выступает против различных форм угнетения — например, Эмма Гольдман, Александр Беркман, Оскар Уайльд и Мадлен Пелетье (Madeleine Pelletier). Но отношения между анархистами, социалистами и феминистками были сложными.

Многие были убеждены, что невозможно улучшить положение женщин без антикапиталистического восстания. Они выступали резко против феминизма своего времени. Примерами подобных социалисток были Клара Цеткин и Александра Коллонтай. По этим же причинам Эмма Гольдман и «Мухерес Либрес» дистанцировались от феминисток своего времени.

Среди известных анархических деятельниц исключениями были Мадлен Пелетье, и еще Вирджиния Болтен, которая действовала в Аргентине и Уругвае.

Положение женщин резко улучшилось благодаря революциям, и поэтому позиция женщин-социалисток, которые выступали против феминизма, получила определенное обоснование. После Октябрьской революции Александра Коллонтай стала первой женщиной-министром, а позже — первой женщиной-дипломатом. Вследствие революции аборты стали легальными (во времена Сталина их снова запретили), и также они стали легальными в Каталонии во время Испанской революции. Но это были последние антикапиталистические революции в Европе, с тех пор своё положение женщины улучшали другим путем.

Из-за раскола между социалистами и ранними феминистками нельзя считать вышеперечисленных европейских анархистов и социалистов предшественниками интерсекционалистов. То есть самыми ранними предшественниками

интерсекционализма следует считать чернокожих активисток компартии США 1930-х годов, и, возможно, Мадлен Пелетье.

Феминизм и анархо-феминизм 70-х

В 60-х и 70-х годах XX века отношение социалистов к феминизму поменялось. Вторая волна феминизма возникла на рубеже 70-х годов как реакция против мужского доминирования в социалистических и освободительных движениях 60-х.

Феминистки организовались в децентрализованные «группы роста самосознания» (consciousness raising groups). Форма организации также была выбрана в противовес партийным структурам или устройству левацких группировок, где власть была сосредоточена в основном в руках у мужчин.

Но феминистки второй волны часто воспринимали себя левыми. Например, в Швеции в феминистских изданиях и на акциях можно было видеть красные флаги.

В США анархо-феминизм (первоначально он назывался «анархистский феминизм» (anarchist feminism), позже также «анарха-феминизм» и играл большую роль в феминизме 70-х годов. Когда часть феминисток эволюционировали в направлении институционального феминизма, вокруг анархо-феминизма группировались те, кто придерживался первоначальной, децентрализованной формы организации. То есть, анархо-феминизм 70-х годов был более «ортодоксальным» феминизмом второй волны, он пытался сохранить изначальные принципы движения.

Анархо-феминистки искали вдохновение в работах более ранних анархисток, например, Эммы Гольдман. Но прямой исторической преемственности от анархизма начала XX века к анархо-феминизму 80-х тем не менее нет.

Так же, как и интерсекциональность 20 лет спустя, анархо-феминизм возник не внутри анархического движения, а внутри феминистского движения. С другой стороны, анархо-феминизм 70-х годов последовательно придерживался организационной модели более ранних анархо-индивидуалистов, и, вероятно, волна анархо-феминизма была наиболее политически значимой волной анархизма после Второй мировой войны.

«Группы ближайших товарищей» (или аффинити-группы, англ. affinity groups) были традиционной

формой организации испанских анархистов, вдохновлял пример подпольных «троек» российских народников.

В Нью-Йорке 1960-х годов Бен Мореа создал группу «Черная маска», которая снова вернула к этой модели организации. Но сложно сказать, когда анархо-феминистки объединили две традиции и создали синтез между группами ближайших и группами сознания.

В феминизме 70-х годов нередко можно было встретить враждебное отношение к транс-активистам. Отношение анархо-феминисток к транс-активизму было более дружественным, чем среди остальных феминисток, но анархо-феминизм тех времен также не был свободен от трансфобии.

Анархо-феминистки заявили о своем антиядерсизме, но, согласно Юлии Таненбаум, тем взаимоотношениям между анархо-феминистками и черными феминистками стала актуальной лишь пару лет спустя, и пока этот вопрос до сих пор не исследован.

В своей книге «Feminist Theory: From Margin to Center» бел хук (bell hooks) ссылается на анархистских феминисток только один раз — при перечислении группировок, которые она считала мелкими и сектантскими. Но ее книгу опубликовали только в 1984 году, и к тому времени подъем анархо-феминизма в США уже прошел. Было бы интересно исследовать дебаты между этими двумя движениями.

Несмотря на то, что в теории американского анархо-феминизма 70-х годов имела место широкая борьба за свободу и против всех видов угнетения и дискриминации, на практике движение было во многом белым, городским и субкультурным. Возможно также — движением преимущественно среднего класса. Отличия интерсекционализма от предшествующих движений. Таким образом в хронологическом порядке, тремя идейными предшественницами интерсекционалистов были чернокожие коммунистки 30-х годов, анархо-индивидуалистические феминистки 70-х и черные феминисты 70-х. Но интерсекциональность отличает от этих теорий в трех аспектах.

Во-первых, у неё более широкий понятийный и теоретический аппарат. Между современной интерсекциональностью и ее предшественницами десятки лет развития феминистской и квир-теории. Интерсекциональность исследует такие формы угнетения, которыми её предшественницы занимались редко (например, трансфобией) или вообще никогда (например, эйблизмом).

Во-вторых, интерсекциональность стала более масштабным направлением, чем предшественницы.

И в-третьих, интерсекционализм обычно не поднимает тему существования капитализма, а вместо этого выступает против «классизма», то есть угнетения по классовому признаку.

ЧЕМ КАПИТАЛИЗМ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ КЛАССИЗМА?

Марксисты очень любят спорить на тему точного определения классов, но обычно это сводится к крючкотворству. Точное определение можно сформулировать в зависимости от контекста обсуждения, и споры по поводу универсальных определений скорее всего являются схоластикой. Нам не менее нам, чтобы определить понятие классизма, требуется рабочий вариант определения классов.

Один из вариантов определения классов — деление общества на класс капиталистов и класс трудящихся. Капиталисты — это люди, которые получают столько доходов от капиталовложений, что у них нет необходимости работать (многие капиталисты работают, но добровольно). Все остальные относятся к классу трудящихся.

Класс трудящихся можно разделить на три группы. Средний класс — так или иначе привилегированные работники. Например, они могут быть начальниками, или высококвалифицированными специалистами с приличным заработком или происходить из подобных семей. Средний класс — «в середине» между капиталистами и остальными трудящимися.

Было бы логично назвать трудящихся, которые не относятся к среднему классу, «низшим классом», но этот термин обычно ассоциируется с теми, кого Маркс назвал люмпенами, то есть длительно безработными людьми, больными или занимающимися мелким криминалом. У слоя, который находится между люмпенами и средним классом, нет подходящего названия в русском языке, так как термины «рабочие» и «пролетариат» ассоциируются с трудящимися на заводах. Однако в современном мире этот слой намного более разнообразен. Крестьянство потеряло значимость в качестве отдельного класса в развитом мире, и положение «мелкой буржуазии» часто ничем не отличается от положения остальных трудящихся.

Классовое положение иждивенцев можно определить исходя из классового положения тех люмпенов семьи, которые их обеспечивают, а если

в семье никто не получает достаточный доход от капиталовложений или работы, то члены семьи называются люмпенами.

Поэтому системная иерархия в обществе состоит из четырех классов: капиталистов, среднего класса, «современного пролетариата» и люмпенов. Но это только примерное разделение.

Можно исследовать и другие варианты разделения по классам, например, субъективное разделение, при котором людей определяют на основе их собственной идентичности. В интерсекционализме и феминизме личный опыт часто играет большую роль, и поэтому точные и «объективные» классовые определения интересовали интерсекционалистов гораздо меньше, нежели марксистов.

Классизм можно определить как дискриминацию представителей низших классов, или же привилегированное положение высших. Классовая дискриминация или привилегия может быть следствием чьих-то поступков, или они существуют в рамках институций. Интерсекционализм обсуждал множество случаев, в которых классизм имел место.

Так, для XX века типична ситуация, когда феминистки среднего класса отстаивают интересы домохозяек, игнорируя интересы работающих матерей. И второй пример — конфликты в университетах, где правила определяли представители среднего класса, не считаясь с интересами студентов из более бедных семей.

Для таких ситуаций характерны несправедливые действия представителей среднего класса по отношению к представителям низших, или когда какая-то институция предоставляет привилегированное обращение представителям среднего класса. То есть классизм, как правило, является конфликтом представителей среднего класса или его структур с представителями более низших классов.

В отличие от классизма, капитализм не разделяет средний класс и «современный пролетариат», а объединяет их. Обе прослойки сталкиваются с реалиями наемного труда. Да, наемный труд среднего класса может быть более «чистым», осмысленным и превосходно оплачиваться, но, в конце концов, представители среднего класса тоже вынуждены работать.

Положение люмпенов, которые часто зависят от милости государства или богачей, ещё хуже. Где-то есть капиталист, который получает прибавочную стоимость от усилий всех остальных. Но большинство из нас никогда их не встречали, и еще реже сталкивались с личными оскорблениями капиталистов в сторону своего происхождения. То есть капиталисты, как правило, лично не

проявляют конкретный классицизм: не ходят по улицам, оскорбляя представителей других классов, и даже на работе часто угнетают их лишь опосредованно. Как правило, вместо капиталистов угнетение непосредственно проводят в жизнь менеджеры из среднего класса.

В настоящее время финансовые потоки трудно отследить, они имеют тенденцию исчезать в офшорах. Все сложнее понять, кто именно в итоге получает прибавочную стоимость от нашего труда. Эта безликость капитала не придает смысл нашему труду, скорее наоборот.

Капитализм является полностью безликой и абстрактной формой угнетения, и это не разновидность дискриминации, а отношения производства. Классицизм может быть транзитивным (когда и угнетатель, и жертва являются конкретными людьми), или интранзитивным (то есть структуральным, когда только жертвы — реальные люди). Но при капитализме власть есть только у капитала, а жертва всегда личность, то есть капитализм может быть только интранзитивным, структуральным.

Капитализм также не привязан к определенному классовому устройству. Средний класс или люмпены могут быть большинством, или могут полностью отсутствовать. Капитализм может существовать даже без класса капиталистов. В странах бывшего восточного блока средствами производства владела бюрократическая номенклатура, которая распоряжалась также прибавочной стоимостью. Если определять капитализм как производственные отношения, при которых извлекается прибавочная стоимость и накапливается капитал, страны бывшего восточного блока были ровно настолько же капиталистическими, насколько западные страны во времена холодной войны. В принципе, капиталами может управлять даже искусственный интеллект.

Таким образом, те марксисты, для которых главным является определение классовой структуры, игнорируют основное, что интересовало Маркса, — сам капитализм.

Фуко старался доказать, что современное национальное государство включает в себя огромное количество власти над телом, биовласти. Теория

Фуко открывает возможности для исследования сексизма, расизма и классицизма как структурных явлений. Таким образом, можно рассматривать расизм или сексизм как сравнимые с капитализмом явления, и создавать аналогии между ними.

По некоторым оценкам, Фуко является самым цитируемым автором в мире. Однако анализ Фуко не смог помочь интерсекционализму избавиться от сосредоточения только на транзитивном угнетении, и не смог предотвратить маргинализацию критики капитализма внутри интерсекционализма.

Как избавиться от капитализма и классицизма? Решения проблем классицизма и капитализма различаются. Чтобы избавиться от классицизма, достаточно установить «равенство возможностей», то есть провести социал-либеральные реформы, гарантирующие всем одинаковый доступ к образованию и рабочим местам.

Теоретически, от классовой дискриминации можно избавиться без избавления от классовой разделения. Достаточно того, чтобы представители различных классов были более дружелюбными и вежливыми друг с другом, слушали друг друга и обращали больше внимания на то, что у всех людей разный жизненный опыт, происхождение и возможности. Возможно ли это на практике в рамках капитализма — другой вопрос.

В отличие от классицизма, от капитализма возможно избавиться путем более доброго обращения, так как капитализм — не вопрос обращения, а вопрос производственных отношений. От капитализма можно избавиться только путем передачи средств производства от частных владельцев — обществу.

Этим, естественно, можно избавиться и от классицизма. По крайней мере если власть принятия решений об общественном производстве сосредоточится в руках бюрократической элиты. То есть, от капитализма может избавиться только антиавторитарный социализм, а от классицизма — теоретически даже социал-либеральный реформизм.

Антти РАУТИАЙНЕН

Продолжение следует. Использованные материалы:

- 1) The Combahee River Collective Statement <http://circuitous.org/scraps/combahee.html>;
- 2) https://en.wikipedia.org/wiki/Triple_oppression;
- 3) Karen Offen, European Feminisms 1700–1950. A political history. стр. 137;
- 4) Karen Offen, European Feminisms 1700–1950. A political history. стр. 325;
- 5) Karen Offen, European Feminisms 1700–1950. A political history. стр. 207;
- 6) No God, no boss, no husband: The world's first anarcho-feminist group <https://libcom.org/history/no-god-no-boss-no-husband-world%E2%80%99s-first-anarcho-feminist-group>;

- 7) To Destroy Domination in All Its Forms: Anarcho-Feminist Theory, Organization and Action 1970–1978, by Julia Tanenbaum <https://anarchiststudies.org/2016/10/26/to-destroy-domination-in-all-its-forms-anarcho-feminist-theory-organization-and-action-1970-1978-by-julia-tanenbaum/>;
- 8) Там же;
- 9) bell hooks, Feminist Theory: From Margin to Center, стр. 46;
- 10) Antti Rautiainen, tekoaly on pian yksi pomoistasi <https://anttirautiainen.puheenvuoro.uusisuomi.fi/180108-tekoaly-on-pian-yksi-pomoistasi>;
- 11) Most cited books in the humanities <https://www.timeshighereducation.com/news/most-cited-authors-of-books-in-the-humanities-2007/405956.article>

МИКРОАКТИВИЗМ

НА КРАЮ

УФИМСКОЙ

ОБОЧИНЫ

Зачастую о социальной активности в России за пределами Москвы и Питера мы знаем меньше, чем об активизме в США или Европе. Анархо-феминистка из Уфы рассказала «Автоному» о том, что происходит с анархизмом и феминизмом в Башкортостане, и ответила на наши вопросы.

Набило оскомину, но —
think globally, act locally.

ЗА 30 ЛЕТ жизни в российском городе-миллионнике я успела застать расцвет и угасание автономных и анархо-движений. В прошлом — стычки с правыми, концерты и выступления на городских сценах и загородные гити, кружки политической грамотности, акции и демонстрации, работа с населением по организации низового сопротивления. Поколение анархо-отцов города сменило активизм на туризм, буддизм, коммунизм и организацию рейвов.

Пару лет назад мы встретились в квартире одного из товарищей и обсуждали, что можно сделать, чтобы поддержать угасающее пламя движения. Это было тихое и теплое собрание, на котором ярче горели воспоминания об ушедшей эпохе, нежели задор инициативы и грядущие планы. Боюсь ненужных обобщений, но порой мне кажется, что большая часть встреч единомышленников по малым городам России напоминает эту нашу сходку.

Как законченная оптимистка вместо ностальгии и печали предлагаю выхватить прожектором внимания несомненные плюсы, которые присутствуют у бывших активистов нашего города:

- верность идеям, пусть домашняя и локальная;
- верность товарищам.

Однако это не очерк-ностальгия о славных временах, а скорее рассуждения о том, что можно делать в условиях тлеющего и угасающего движения.

Девочки начинают и выигрывают

Что же было реального и перспективного в тот вечер на повестке? Например, феминизм. Опустим смешные моменты, когда парни предлагали девушкам защищать местных ребят от воинственных группировок гопников и тирании тещи. Меня вообще удивило, что не все мэнархисты понимали, что феминизм — это несомненная часть анархизма. А часть из них явно офигела от факта существования анархо-феминизма.

Два года назад слово «феминистка» вызывало в нашей глубинке взрывную реакцию. Одним этим признанием можно было мгновенно заработать ярлык неудачницы, лесбиянки и, конечно же, «страшной и старой истерички». К 2020 общество постепенно начало выказывать больше симпатии. И я считаю, что есть в том доля и моего участия.

Считается, что наш регион имеет весьма традиционалистские корни. По уровню толерантности

к феминизму я бы сказала, что мы находимся между Северным Кавказом и условной российской сибирской глубинкой.

Забавно, что о патриархальных ценностях вспомнили совсем недавно. Во времена советской власти к вопросам ЛГБТ даже в деревнях относились спокойно, на местном ТВ существовало неофициальное гей-лобби и круг ситуационных гомосексуалов, а в деревнях женщины спокойно носили мужскую одежду и сожительствовали с односельчанками в условиях недостатка мужчин.

Трехголовый дракон феминизма в моем городе имеет либеральную, интерсекциональную и местную анархо-феминистскую голову. В отличие от анархистов, фем-сообщество имело на тот момент (и имеет сейчас) ресурсы, злость, объем и силу. В наши ряды вливались школьницы, солидные бизнесвумен, руководительницы общественных организаций, художницы и прочие активные слои. Глупо было не использовать это поле для ведения агитации?-))

Поле боя

Феминисток приглашали на телепередачи, дискуссии, брали интервью. Этот тренд продолжается и по сей день. Достаточно заработать репутацию адекватного и интересного комментатора, и журналисты будут обращаться за комментариями о декриминализации побоев, запрете абортостроения, росте домашнего насилия в период самоизоляции, сложном положении мигранток и так далее. И никто не мешает в процессе прямого эфира толкать откровенно анархо-феминистические идеи и агитировать за низовой активизм.

Активные феминистки регулярно проводят женскую историческую ночь, празднуют 8 марта фестивалями, участвуют в организации мероприятий общества скептиков, а сейчас еще и выступают соорганизаторками музыкальных фестивалей. Благодаря теоретической подготовке от анархо-ресурсов и лекциям Марии Рахманиновой я провела ознакомительные лекции о теории анархо-феминизма и движении Mujeres Libres, сделала доклады об истории раннего фем-движения в Советской России, расклеивала листовки с основательницами анархо-феминизма в рамках «Женской исторической ночи».

Неожиданно доброжелательной площадкой для анархо-фем идей в городе стало Общество скептиков. В разных городах существуют филиалы этого всероссийского движения, в которых люди проводят около-научные лекции и дискуссионные клубы, практикуют приемы уличной

жизнестемологии, организуют приезд в город на лекционно-популярных лекторов российского уровня и просто общаются по интересам. В таких группах любят аргументированно дискутировать, и это отличное место, где можно отработать методы ведения агитации и крепость собственных убеждений на практике.

Таблетки левизны в феминизме

Феминизм на подъеме. А я думаю, что анархо-феминизм может стать объединяющим фундаментом для всех феминисток, разочаровавшихся в системе власти. Сейчас таких становится все больше, спасибо злодейской политике государства и крупным корпорациям.

Ярким примером неэффективности либеральных идей стали выборы в регионе, где кандидаты от либеральных партий без промедления соглашались принять любую подачку от кандидатов-единороссов. После победы по партийным спискам, представительницы во власти не только не проводят профеминистическую повестку, но и явно открещиваются от нее.

Второй серьезной силой в информационном поле региона является штаб Навального. Но феминисток пугает его яркая националистическая позиция и антиженские высказывания в соцсетях.

Постепенно мои соратницы левеют и начинают смотреть на проблемы шире. Они замечают, как капитализм ставит фем-идеи себе на службу, уничтожая его бунтарский дух, как государство продолжает эксплуатировать женщин, давая им лишь иллюзию равноправия.

По моим наблюдениям, особенно близки по духу к анархисткам в нашем регионе радикальные феминистки. В них есть энергия, желание проверить границы допустимого в обществе, задор и сила. Они активнее осмысливают устройство общества и часто задают себе правильные вопросы.

Сейчас, на волне подъема антикапиталистических и антигосударственных волнений во всем мире, фем-сообщество активнее может воспринять даже радикальные левые идеи.

Низы МОГУТ

Вторым интересным моментом на встрече региональных активистов стал, как я его называю, микроактивизм. «Что я могу сделать один?», «Нас так мало», «У меня нет площадки и ресурсов», — знакомые аргументы? В таких случаях, возможно,

стоит достать общественную лупу и внимательно приглядеться к образу жизни.

Обменники. Делиться имеющимся: иметь один велосипед, одну машину на двоих, делиться инструментами, вещами, снаряжением.

В нашем городе я являюсь одной из организаторок шмоткообменников. Казалось бы, мы просто собираем раз в месяц и отдаем одежду и обувь, которая нам больше не нравится, другим людям. Что в этом идеологического? Но благодаря этому движению множество женщин перестали покупать одежду, иначе взглянули на вопросы потребления, стали проще относиться к чувству собственности, уменьшили привязанность и стали добрее друг к другу, а также начали излечиваться от внутренней мизогинии, поднимать самооценку.

Это огромное подспорье девушкам, которые находятся в стесненных условиях, многодетным мамам, беременным и одиноким родительницам. Девчонки признаются, что эта встреча становится отдушиной, доброжелательным пространством, которое позволяет им существенно экономить на покупке одежды для себя и детей. От себя добавлю, что шмоткообменники это отличное место для распространения феминистских и антикапиталистических идей.

Сервисы гостеприимства. Как считают путешественники, Couchsurfing скурвился. Но есть же еще Warmshowers (для велосипедистов), Trustroots (с отличной геолокацией), Bewelcome (который делают анархисты из Германии) и даже полумертвый HospitalityClub не сдает позиции.

Эко-активизм. Да-да, это все то, что порядком всем поднадоело: раздельный сбор, осознанное потребление и прочие дела. Я считаю, что это также вода на мельницу микро анархо-активизма и хорошее поле для привлечения сторонников. Эко-активизм довольно просто (но нудно) масштабировать на свой и соседский образ жизни: от коробок для макулатуры в подъезде и емкости для батареек, до революции внутри ТСЖ, когда доходы от раздельного сбора становятся общим домовым достоянием.

В Уфе есть операторы, которые готовы забирать отсортированный мусор и в обмен строить детские площадки, ремонтировать подъезды, вывозить снег и устраивать клумбы. «Живыми» деньгами обычно в таком союзе не пахнет, ну так мы и не капиталисты, чтобы нас это останавливало.

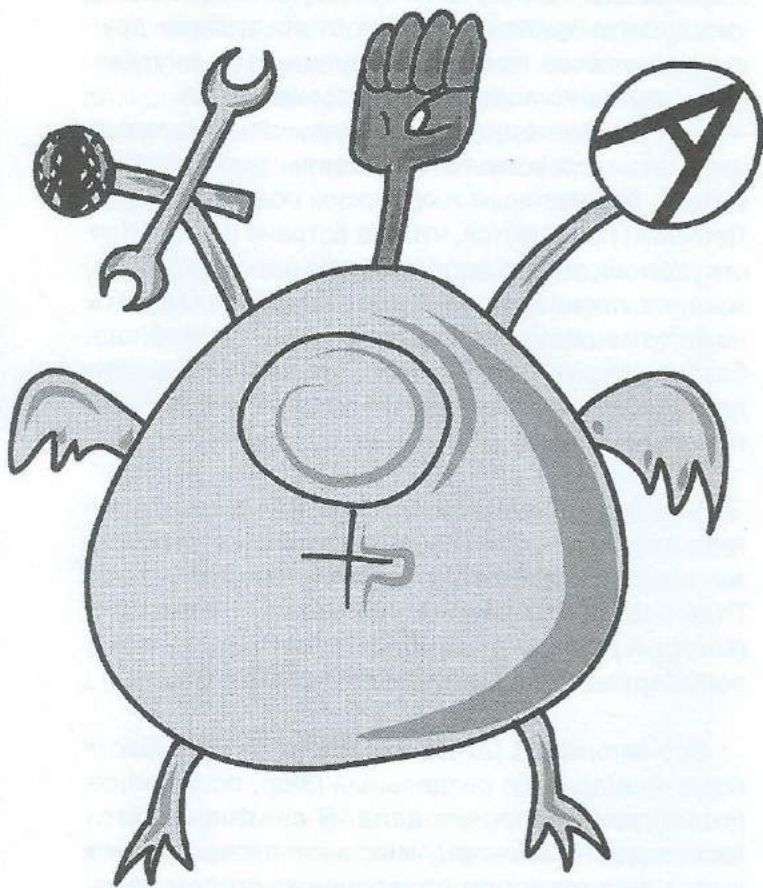
Вообще микро агитация среди подруг, друзей, попутчиков во время путешествий автостопом

и на работе во время обеденного перерыва — это интересное и увлекательное занятие. Не потерять самообладание помогают приемы уличной эпистемологии.

*В этом месте я начинаю горько плакать?—)

За 2 года, прошедшие с той встречи анархистов, двое уехали из города, а один стал сталинистом. Мы больше не встречались, но микроинициативы продолжают существовать и набирать сторонников.

Мини-интервью для «Автонома»

— Что из сделанного вами за последний год ты сама назвала бы самым удачным?

Лекцию об анархо-феминизме на фестивале Фембайрам, лекцию про Mujeres Libres. Судя по реакции, всем очень понравилось, мне признавались, что после моей лекции люди стали искать в сети анархо-ресурсы и читать канал Рахманиновой. И вообще леветь)))

Мероприятие для феминисток и фемактивсток «Как реагировать на критику в коллективе и не офигеть от токсичной среды» в ноябре 2019. Мы отработывали методы общения, которые помогли бы справиться с агрессивным противодействием окружения и завербовать себе единомышленников.

Лекцию-практикум «Как превратить спор в дискуссию» на Фембайраме 8 марта. Вела совместно с психологиней на основе материалов из сообществ Уличных эпистемологов и Здравого смысла. Разбирали разные способы реагирования, а также вопрос, когда стоит начинать вести диалог, а когда — нет.

— Участвовали ли вы в кампании против домашнего насилия? Поддерживаете ли концепцию безопасных мест?

Мы участвовали с радфем в одиночных пикетах по поводу дела сестер Хачатурян с плакатами «Мне не нужен закон о домашнем насилии, мне нужны свободные руки» и «Как сесть в тюрьму? Избивать и насиловать, угрожать расправой // Защищаться!» (у второго варианта стоит галочка).

По поводу безопасных мест: из-за того, что у меня достаточно большой дом, феминистки, когда подруги просят о помощи и безопасном месте, иногда приводят пострадавших от насилия ко мне. Барышни, правда, не задерживаются надолго, но такое место я им обеспечиваю. Даже с психологической поддержкой за счет знакомых психологов, которых в последнее время в моем окружении стало как-то особенно много.

— Один из узников дела «Сети» Арман Сагынбаев, как известно, потерял поддержку Анархического Черного Креста из-за вскрытых фактов его насилия над женщинами. Поддерживаете ли вы это решение? Как вообще вы решаете дилемму личные качества vs политическая деятельность? Можно ли быть плохим человеком и хорошим активистом?

Я не думаю, что он был хорошим активистом. Это мое мнение. Я считаю, что его несправедливо обвинили в организации террористической деятельности и пытаются применить к нему несправедливое наказание. Но, признаюсь, меня аж трясло, когда читала о том, как он сознательно заражал девушек ВИЧ, как манипулировал и насилывал. Я понимаю и принимаю решение АЧК. Я считаю, что понятия «плохой» и «хоро-

«...слишком относительные и субъективные. В моей системе координат быть хорошим активистом и плохим человеком практически невозможно. Однако, признаю, что можно сотрудничать в ограниченной сфере с идеологическими противниками, когда вектор действий имеет сходное направление. Я оправдываю свои действия тем, что круг активистов в Башкирии мал, узок и пасивен.

— Как повлияла пандемия COVID-19 на вашу активность? Участвуете ли вы в каких-либо низовых инициативах, связанных с пандемией?

Наши радфемки участвуют в интернет-конференциях по низовому активизму, поддержке региональных фем-инициатив, я пока не попадала в них. Я только приютила барышню, которую забрала мать, провела антикризисный шмоткообменник, вписываю автостопщиков, развожу отсортированный (мною и моими друзьями) мусор на переработку. Так что не особо активизируюсь. В планах устроить на базе Общества скептиков обсуждение книг Грэбера о бесполезной работе на долге. Пока непонятно, будет это происходить виртуальном или реальном пространстве.

— Считаешь ли ты возможным для анархо-феминистов выступать за принятие каких-либо законов?

Увы, я единственный представитель анархо-фем сообщества в своем городе, поэтому я могу считать вообще все что угодно, никакой реальной силы мои высказывания иметь не будут. Сейчас я агитирую за поход на выборы по поправкам, чтобы проголосовать против. Для меня это просто забавный эксперимент, который либо подтвердит доводы либералов типа Шульман о природе гибридного государства, либо опровергнет их.

Действительно сложный вопрос о законе по домашнему насилию. Мы неоднократно убеждались в том, что судебная система страны глубоко коррумпирована и гнила. Недавно в нашем регионе был суд по делу об изнасиловании сотрудницы полиции сотрудниками полиции. Всем троим обвиняемым вынесли невероятно мягкие приговоры: двоих полностью оправдали, а одному дали всего 4 года колонии общего режима (вместо 6 лет строго, как было изначально). Что сделали по этому поводу фем-активистки в городе? Они охренели, поохали в соцсетях, сделали гневные репосты, обсудили в узком кругу.

Мне кажется, что эта реакция копится в стакане народного возмущения. Вовремя заданные вопросы об ангажированности судей, неэффективности государственного регулирования и доверия власти, представленной патриархальными мужчинами, льют воду на мельницу анархо-феминизма и помогают делать агитацию более эффективной.

У наших феминисток еще «горит» от сентябрьского провала: мы пытались поддержать кандидатку в президентки республики от партии Яблоко и сделать ее участие более злым, феминистическим и актуальным. Однако барышня показала себя беззубой и осторожной, польстившись на первую же подачку со стороны провластного кандидата.

— Считаешь ли ты себя интерсекционалисткой? Можешь как-то прокомментировать книгу Миколы Дедка «Критика теории интерсекциональности»?

Честно? Я не читала. Однако покритиковать интерсекционализм могу со своей диванной позиции?-) Я уже упоминала, что часть наших анархистов ушла в буддизм, я тоже отчасти понимаю эту позицию и рассматриваю анархо-феминизм

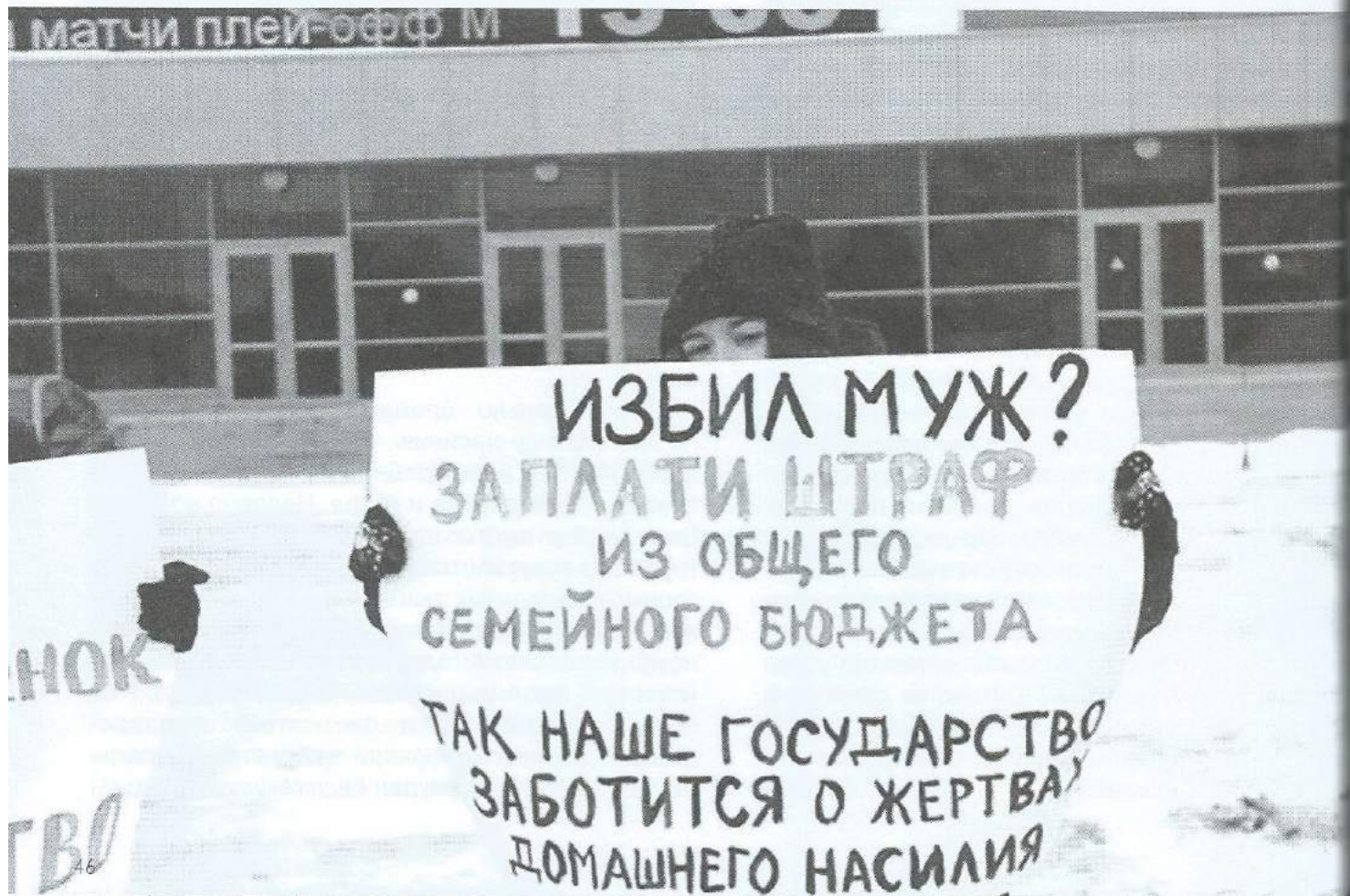
как свой индивидуальный вариант Большой мельницы. Какая тут связь с интерсек-теорией?

Интерсекционалки дробят свою идентичность на понятные категории: азиатка, гетеросексуалка, мать, дочь, наемная работница и так далее. Потом они соотносят количество привилегий с каждой из категорий и сравнивают их с другими участницами.

Вот на этой стадии у меня возникает противоречие: мне начинает казаться, что принимая и называя свою идентичность определенным термином, они упрощают ее, делают более плоской, примитивной, привносят в нее дополнительные уровни страданий и предопределенностей (повет, буддисты).

Я предпочитаю не строить себе дополнительную клетку из ограничительных терминов, а лезть снаружи всех измерений, исследовать свои потребности и желания, не соотнося их с общепринятыми категориями. Идти к высвобождению и познанию, не выстраивая дополнительные стены для себя и других. Когда я услышала эти идеи от Марии Рахманиновой, я поняла, что идеологический выбор мой в феминистском поле сделан и вряд ли изменится.

Саша

ТОВАРИЩИ В ДАЛЁКОМ КРАЮ:

рожавская одиссея анархистов

Вторжение турецкого государства в Рожаву (север Сирии, запад Курдистана) вызвало гнев, тревогу и обострение чувства солидарности в левых и анархистских кругах всего мира. Хорошо помнятся те дни, когда после заявлений Трампа и Эрдогана мы сидели у мониторов и ждали новостей: не окажутся ли угрозы нападения очередным политическим блефом? Начались авиаудары, но будет ли наземная операция?

Будет, началась...

Главный предмет переживаний: устоит ли революционная автономия перед лицом агрессии? Однако для множества людей из разных стран, друзей и родственников волонтеров, удар Турции стал ещё и личной болью и страхом: десятки или сотни участников анархистского движения встретили опасность лицом к лицу, находясь в этот момент в сирийском Курдистане.

Новости о людях, оставивших комфорт привычной жизни и отправившихся в Рожаву, чтобы принять участие в революции, стали привычными с 2014 года, когда интерес к построению безгосударственной конфедерации в Курдистане овладел множеством умов. Впрочем, поток волонтеров в курдское революционное движение, пусть и далеко не столь бурный, существовал и до этого.

За 5 лет паломничество в Рожаву стало фактором политики, сформировало вокруг себя социальные структуры, а также обрело собственную культуру и фольклор. Меняется сам характер этого явления. Его динамика сочетает в себе как позитивные, так и негативные черты.

Рожавская одиссея анархистов — это история, заслуживающая быть поведанной. Свой рассказ

я основываю на опыте многих встреч и бесед с волонтерами в Европе, а также в Южном (Иракском) Курдистане, который я посетил дважды.

I. «ЗАЧЕМ УМА ИСКАТЬ И ЕЗДИТЬ ТАК ДАЛЁКО?»

Мотивы, подвигающие людей к трудному странствию в Курдистан, казалось бы, «и так ясны». На поверку же на них стоит остановиться подробнее.

Самые очевидные желания, лежащие «на поверхности»: увидеть революцию и поучаствовать в ней. За этими формулировками зачастую кроется глубокая неудовлетворённость ситуацией в современном анархистском (шире — левом) движении. Многие из тех, кто стремится в Рожаву, понимают, что дома «всё не так». Они надеются, получив опыт участия в серьёзном революционном движении, найти ответ на вопрос, как организовывать борьбу в своих странах.

Некоторым удаётся, хотя ответ всегда комплексный и сложный. Простого «рецепта революции» не открыл ещё никто. Вот что пишут о своих выводах участники одного из подразделений Международного батальона свободы —

«Анархистской борьбы» (позволим себе странную цитату): «Здесь, в Рожаве, мы научились использовать формализованный инструмент для донесения друг до друга взаимной критики и самокритики в антиавторитарном, конструктивном и неиерархическом, горизонтальном ключе, горизонтальном ключе. Мы называем это такмиль... Критика может быть даром, подразумевающим веру в своих товарищей, в их способность становиться лучше, возникающим не из агрессии, а из рефлексии и постоянного развития. Именно поэтому необходимо развивать новую революционную культуру критики и самокритики.

Затем неизбежно возникает размышление о личности борца и приверженности революционной организации. Недостаток приверженности — большая проблема для анархистского движения...

Наконец, нам не хватает серьёзного и всеобъемлющего политологического анализа, который мог бы заменить постоянное реагирование на ежедневно происходящие события. Конечно, оставлять их без освещения тоже нельзя, но как не позволить им отвлечь нас от выстраивания собственной сильной позиции, разработки стратегии и углубления понимания тактики?»

Другие смотрят на участие в курдской революции не как на «стажировку», а как на главный способ самореализации. Нет точных цифр, но можно с уверенностью сказать, что счёт идёт на десятки европейцев, которые в последние годы вступили

в ряды Рабочей партии Курдистана и остались в Курдистане на неопределённое время. Весьма вероятно — навсегда. «У нас нет обратной дороги», — лаконично ответил на вопрос о сроках возвращения белокурый и голубоглазый товарищ Реван (все помощники и участники курдской революции получают кодовое курдское имя).

Добавим сюда, что некоторые уезжают в Рожаву ведомые стремлением полностью порвать со своей прежней жизнью. «Меня ничто не связывает с прежним местом жительства. У меня нет планов по возвращению», — почти слово в слово повторил друг друга двое будущих бойцов Отрядов народной самообороны из Европы, которых я встретил в южнокурдской Сулеймании.

Откровенно говоря, то, что многие из людей способных к систематической, дисциплинированной и рискованной революционной работе, остаются в Курдистане и не возвращаются вести жизнь в свои страны, едва ли идёт на пользу их «домашним» левым движениям. Впрочем, пять лет, что минули с начала активного притока волонтеров, слишком маленький срок, чтобы делать выводы о последствиях этого тренда.

Нужно отметить, что первоначальные мотивы приезжающих нередко меняются уже в Курдистане. Тем более что курдское движение ведёт сознательную политику идеологической индоктринации зарубежных симпатизантов и их плотного вовлечения в свою деятельность. Я встречал л

дей, не интересовавшихся политикой до поездки в Курдистан. Они хотели «просто воевать с ИГИЛ», а в итоге вступили в Рабочую партию Курдистана. «Я нигде не видел такой самоотверженности, товарищества и убежденности», — рассказывал мне один из таких людей, Кахраман, в прошлом житель Северной Европы.

II. ГОСТЕПРИИМСТВО И ПРАГМАТИКА

Чтобы увидеть ситуацию во всём объёме необходимо коснуться и мотивов принимающей стороны. Какими смыслами курдские революционеры наделяют приток волонтеров из-за рубежа?

В первом приближении можно сказать, что пришествие сторонников и помощников благоприятно для любого движения. Кроме того, от курдских революционеров порой можно слышать, что они рады разделить свой опыт с товарищами со всего мира. При этом нельзя не отметить, что участников курдского движения отличает сильная, в том числе и идеологическая, сосредоточенность именно на борьбе в Курдистане. Принятие иностранных волонтеров в Рожаве — это не просто проявление международной солидарности. Здесь есть значительный прагматический компонент.

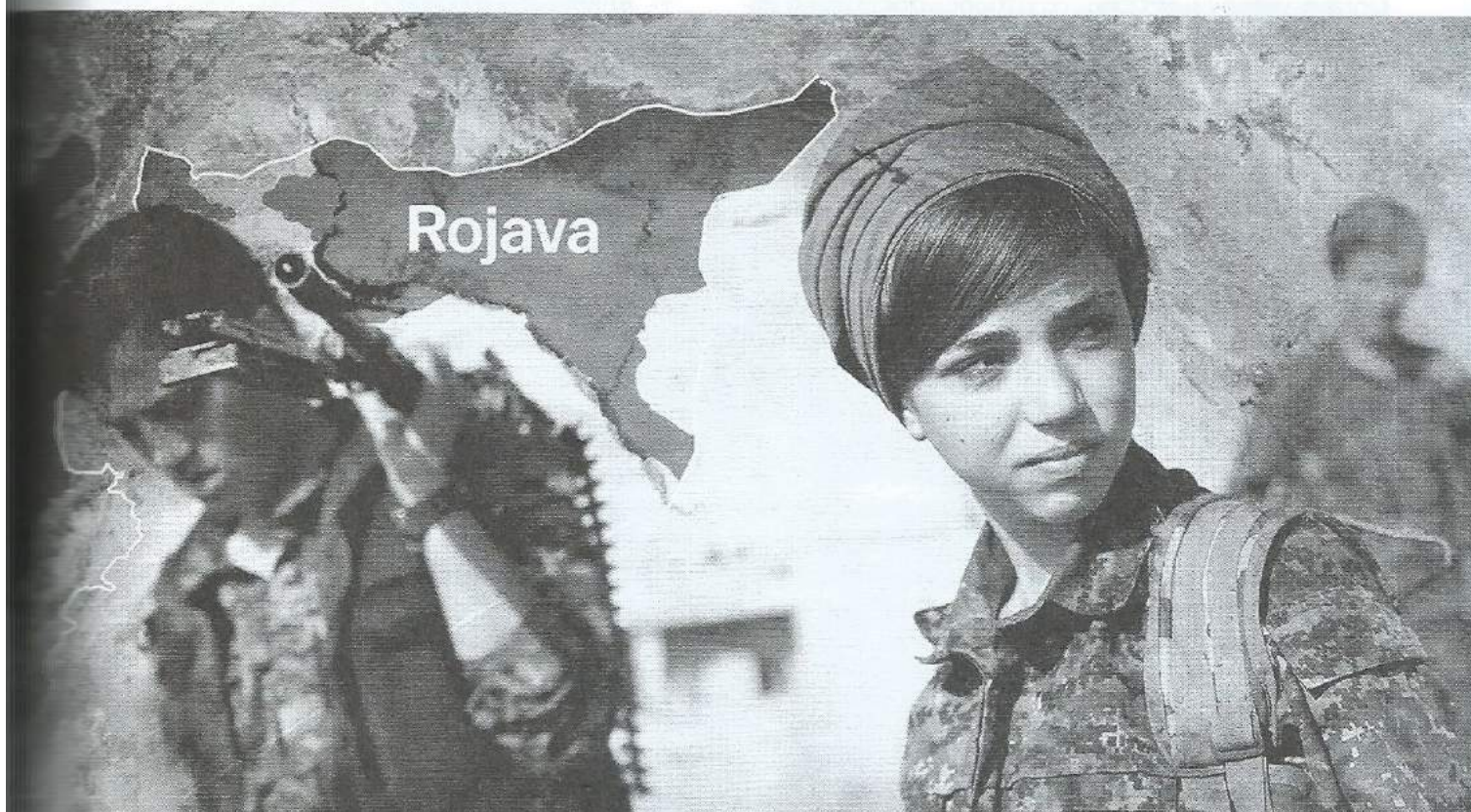
Сразу оговоримся, что доставка иностранцев основными путями в осажденный регион, их со-

держание и затем отправка назад — дело весьма обременительное. За редким исключением, если Вы — не учёный или журналист-международник, в Рожаву нельзя «просто приехать»: все её границы официально закрыты или имеют крайне затруднительный пропускной режим, и большинство соседей в той или иной степени враждебно к автономии.

«Когда вы вернётесь в свои страны, расскажите своим людям о том, что видели здесь, и убедите свои правительства отказать Турции в поддержке», — можно слышать в Курдистане как постоянный рефрен из множества уст. В лице волонтеров местное конфедералистское движение обретает лояльных агентов распространения информации и активистов солидарности в тех странах, куда они возвращаются. Участие множества иностранных волонтеров привлекает к событиям в Рожаве дополнительный широкий интерес.

Тех же, кто в наибольшей степени проникся духом и практикой движения, РПК интегрирует в себя в качестве новых кадров. В ряде случаев новоиспечённые партийцы также отправляются в свои страны для ведения там политической работы.

Курдское движение располагает десятками тысяч бойцов под ружьём и значительным кадровым резервом специалистов в сфере партизанской войны. Это делает участие нескольких сотен интернационалистов в боевых действиях малозначимым

с чисто военной точки зрения. Однако символический эффект весьма велик. На сегодняшний день несколько десятков зарубежных волонтеров пали в боях с Исламским и турецким государствами. В политической культуре Ближнего Востока этих людей называют «мучениками». Кровь мучеников-иностранцев придаёт особое значение событиям в Рожаве как в глазах жителей региона, так и в международном контексте.

Есть и сферы деятельности, в которых местное движение испытывает явный кадровый голод. Квалифицированные волонтеры важны для Рожавы в таких сферах, как медицина, журналистика, инженерия и ряде других. На этом мы чуть подробнее остановимся ниже.

III. БЮРОКРАТЫ, ИНСТИТУТЫ...

Ветераны волонтерского движения с ностальгией вспоминают 2014–2015 годы, когда в вопросе приёма волонтеров в Рожаве царил продуктивный хаос. Тогда существовали разные опции доставки желающих поучаствовать в революции в Рожаве, а за их работой в автономии не было столь пристального надзора со стороны движения.

Со временем взаимоотношения РПК и волонтеров пошли по пути институционализации и бюрократизации. Был определен минимальный срок — полгода, — который каждый прибывающий волонтер обязуется пробыть в автономии. Организационный процесс отбора, доставки и курирования иностранных помощников был сосредоточен в руках нескольких структур, входящих в «координацию интернационалистов»: Коммуны интернационалистов для гражданских волонтеров, YPG/YPJ-International для военных добровольцев и Жинеологии для женщин, приезжающих в регион изучать и практиковать «женское знание».

У этой относительной централизации в сфере приёма зарубежных друзей есть ряд причин. Во-первых, стремление избежать безответственного поведения со стороны некоторых волонтеров, приезжавших в Рожаву скорее в качестве туристов на короткий срок и злоупотреблявших ресурсами движения. В кулуарах курдские товарищи также выражали озабоченность тем, что «партнёры» по международной коалиции против ИГИЛ обеспокоены возможностью приобретения боевых навыков левыми радикалами из Европы. Эту тему в своей пропаганде активно эксплуатирует Турция и её лоббисты.

Сыграла свою роль и борьба за влияние внутри самого движения. В частности, среди зарубежных волонтеров, пополнивших ряды РПК, выделилась группа людей, стремящихся сосредоточить в своих руках контроль над всей деятельностью интернационалистов в Рожаве.

Негативным последствием бюрократизации волонтерства стало заметное сужение пространства для творческой инициативы визитёров в рамках их деятельности в автономии.

Впрочем, «координация интернационалистов» по-прежнему не является монополистом в своей сфере. Ряд волонтеров попадает в Рожаву через другие структуры. Одной из самых заметных альтернатив до недавнего времени выступал Международный батальон свободы. Это военное подразделение, сформированное в основном турецкими левыми организациями, союзными РПК. Батальон обладает определённой организационной автономией, в том числе правом привозить добровольцев по своим каналам.

В целом на уровне институтов и правил посещения Рожавы для желающих присоединиться из-за границы всё постоянно меняется по малопонятной траектории, как и многое в сирийском Курдистане...

IV. КАК УЧАСТВУЮТ В РЕВОЛЮЦИИ

Анархисты в Рожаве действуют в самых разных сферах. Наибольшую известность получило участие в вооружённой борьбе. Оно началось с разрозненного, по большей части индивидуального участия в Отрядах народной самообороны (YPG/J). Затем часть либертариев создала в рамках Международного батальона свободы отдельные анархистские формации: Международные революционные народные партизанские силы (IRPGF), которые позже эволюционировали в подразделение «Анархистская борьба» (Tekoşîna Anarşîst) а также менее публичный Революционный союз интернационалистской солидарности (RUIS), у истоков которого стоят анархисты из Греции. Анархисты также составляют немалую «фракцию» в рядах YPG-International и некоторых других военных структурах.

Либертарии сражались с ИГИЛ, в том числе в таких легендарных операциях, как битвы за Кобани, Шенгал и Ракку. Наши единомышленники бились и с турецкой армией в Африне, где интер

националистский корпус понёс чувствительные потери. Участие анархистов в революции в Рожаве закреплено кровью многих отважных товарищей. На сегодняшний день этот печальный, но героический ряд венчает итальянский революционер Торенцо Орсетти, боец «Анархистской борьбы». Он погиб в бою с джихадистами 18 марта 2019 года, участвуя в штурме последнего оплота ИГ — группной деревни Багуз на Евфрате.

Однако воинская стезя — лишь один из сегментов анархистского участия. Либертарики в Рожаве активно вовлечены в медицинскую работу. Например, «Анархистская борьба» и Жинеология готовят и посылают на фронт парамедиков, специалистов по первой помощи в боевых условиях. Также известно о нескольких европейских анархистах с медицинским образованием, работавших в рожавских больницах и военных госпиталях.

Либертарики участвуют также в культурной, образовательной и пропагандистской сферах. Ряд анархистов работает в автономии в качестве журналистов. наших единомышленников также можно встретить в таких инициативах как «Коммуна Фильм» (рожавское кинематографическое объединение), академия «Месопотамия» (один из первых экспериментов в сфере высшего образования в Рожаве) и ряде других.

Масштабную гражданскую волонтерскую работу организует «Коммуна интернационалистов», принимающая многих либертарики, которые приезжают в регион. Одна из их самых известных акций — кампания по высадке оливковых деревьев в Рожаве, почти полностью обезлесевшей в последние столетия.

Жинеология, помимо изучения «женского знания», ведёт социальную работу. участницы проекта из разных стран проводят много времени в курдских семьях, живут бок о бок с курдскими женщинами. «Мы сознательно селим наших товарищей-женщин в курдские семьи. Одно дело иметь абстрактную теорию в голове. совсем другое — примерить её на реальные проблемы людей, соотнести с их реальной жизнью. Без такой повседневной «низовой» работы РПК не сформировалась бы в массовое движение. Это урок, который нам надо усвоить», — делилась своими мыслями Виян, координатор Жинеологии из Германии.

Как видно даже из краткого обзора, палитра анархистского участия в революционном процессе в Рожаве весьма разнообразна и пестра.

НАПОСЛЕДОК

Не секрет, что многие анархисты и левые, в том числе и в нашей стране, ищут возможности отправиться в Рожаву. Они должны быть готовы к тому, что эта поездка будет весьма трудной как в бытовом, так и в моральном смысле. Среди главных тягот называют необходимость соблюдать правила принимающей стороны и дисциплину. Для европейца, как и для жителя постсоветского пространства, как правило, крайне непривычна ситуация, когда, грубо говоря, нельзя пойти, куда хочешь и когда хочешь.

Можно сказать точно, что «паломничество в революцию» становится очень важной жизненной вехой для множества наших товарищей. Я глубоко убеждён, что в равной степени не правы те, кто возвращается из Курдистана с горьким чувством разочарования или с ничем не омрачённым наивным восторгом. Истина лежит в сложном анализе негативных и позитивных черт и их причин, в попытке интегрального понимания революционных реалий. За пределами мифологизации и романтизации реальность (и отнюдь не только курдская!) очень противоречива, и её непросто переварить. Тот, кто прочувствовал это, не утратит стремления вести активную борьбу — станет революционером.

Ландшафт мирового либертарного движения уже зримо меняется под влиянием революции в Курдистане. Одним из аспектов этих изменений выступает распространение влияния РПК через её зарубежные представительства и сторонников из числа активистов местных движений. Растёт интерес к теоретическим наработкам РПК, таким как конфедерализм, понятие «демократической автономии», и более специализированным, как жинеология («женское знание»).

Более важным представляется то, что под влиянием Рожавы среди анархистов и левых распространяется образ организованной и радикальной революционной борьбы как модель для осмысления и адаптации к местным реалиям. Такие важнейшие феномены курдского революционного движения, как революционный кадр, организованная самооборона, создание неподконтрольных государствам автономных зон, занимают умы тех, кто всерьёз намерен дать анархизму практическое воплощение в современную эпоху.

Д.Ч., ноябрь 2019

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО АНАРХИСТСКОЙ БАРСЕЛОНЕ

Столица Каталонии полна не только славным анархическим прошлым и памятью о борьбе с фашизмом и капитализмом, но и не менее интересным настоящим. Специально для «Автонома» Нина Тянь написала краткий гид по части современной анархистской Барселоны.

ДАЖЕ ТЕ, кто никогда не бывал в Барселоне, слышали о её самой знаменитой улице — Ла Рамбла. И мы с Любовью Малышевой, моим гидом по анархистской Барселоне, первым делом отправились туда. Пришлось принять меры предосторожности насчёт своих рюкзаков — много карманников.

К туристам у барселонцев отношение сложное. Люди стали замечать, что из-за туристов растут цены и жизнь становится дороже. Там, где вчера было маленькое кафе или магазинчик, где все друг друга знали и могли поболтать о семье, футболе и политике, появляются дорогие рестораны и магазины с высокими ценами, а аренда жилья становится неподъемной. Так что настоящий враг барселонцев — не туристы, а капитализм.

Когда мы повернули в сторону квартала Раваль, среди множества протестных листовок с грифом-стервятником, символом джентрификации, мы нашли и такую, где во фразе «туристы убивают квартал» слово «туристы» было зачеркнуто и написано «политики».

Мы дошли до здания старого госпиталя, где располагаются каталонские архивы и библиотека, а также регулярно проходят женские мероприятия. В хорошую погоду собрания могут проходить в просторном внутреннем дворе с апельсиновыми деревьями. По дороге нам встретилось немало веганских кафе и магазинов. Говорят, что здесь эти кафе не самого высокого уровня. Те, кто в них работает, не заботятся ни о качестве еды, ни о чистоте и комфорте посетителей. Возможно, им стоит поучиться у московских анархистов-веганов.

Хотя, конечно, и в самой Каталонии есть с кого брать пример. Мне очень понравилось в кафе у анархистов из CNT «Cafè de Mar» в пригороде Барселоны — Матаро. Это кафе расположено в здании, которое исторически принадлежало анархистам и в которое они вернулись после смерти генерала Франко. Оно существует на кооперативных началах и пользуется популярностью у местных жителей. Там прекрасно готовят, а еще есть детский уголок, библиотека, сцена для концертов. И, как всегда в таких пространствах, — всевозможные газеты и листовки. Так что каталонские кафе бывают самые разные, и всё зависит от ответственности людей, которые там работают.

В квартале Раваль есть Агора Бенитеса (Àgora Joan Andrés Benítez, Carrer de l'Aurora, 13) — это бывший пустырь, ставший общественным пространством. Соседи могут встретиться здесь и обсудить, например, как устроить общий праздник или митинг. Агора носит имя человека, который жил рядом. Звали его Хуан Андрес Бенитес, он был одним из основателей каталонской бизнес-ассоци-

ации лесбиянок и геев ACEGAL. 5 октября 2013 полицейские на улице Аурора забили его до смерти.

Стремление властей замять дело и попытки свалить вину на самого Бенитеса привели в ярость жителей квартала. Собрался народный сход, начались протесты, к которым постоянно присоединялись всё новые группы со всего города. 14 декабря 2013 года люди сначала разрисовали забор вокруг уличного пустыря, а позже захватили и землю за этим забором. Здесь разбит огород, растут цветы, проводятся местные концерты и собрания, а все стены расписаны рисунками о полицейском произволе.

Есть граффити, выражающее солидарность с мексиканскими студентами, похищенными и убитыми полицией в 2014 году. Между лицами молодых людей — девушки с завязанным ртом и парнем с завязанными глазами — цифра «43» и лента со словами: «Нас хотели закопать, но не знали, что мы — семена».

Следующая остановка — Фабрика Канадьенсе. Три трубы высятся над площадью, на которой в 1919 году анархо-синдикалистская CNT начала стачку. Позже к забастовке присоединились текстильщики и энергетики всей Каталонии. Ни военное положение, ни попытки заменить рабочих на электростанции военными специалистами не смогли её прекратить. Репрессии увеличили не только количество уволенных и заключенных, но и количество новых бастующих. Результатом такой рабочей солидарности стало введение восьмичасового рабочего дня по всей стране, появление новых норм зарплат и социальных выплат. Забастовка, вошедшая в историю города, длилась 44 дня.

Теперь пространство рядом с тремя трубами, Jardines de las Tres Xemeneies, — площадка для различных социальных мероприятий. Отсюда начинаются первомайские демонстрации. В июле 2017 года здесь проходила первая феминистская Олимпиада. Собралось много активисток. Они устроили ярмарку, собирали деньги в поддержку заключенных и, конечно же, участвовали в «соревнованиях». Метание швабр, бег за прокладками, обстрел тампонами с краской портретов мачистов, пирамиды, танцы: «Если я не могу танцевать, то это не моя революция!».

Морской музей Барселоны (Museu Marítim de Barcelona) расположен недалеко от Канадьенсе, в бывших доках верфи 13-го века. Главный экспонат — копию королевской галеры — видно даже с улицы. Аудиогид расскажет вам не только о морских сражениях, но и о тяжелой жизни галерных гребцов. Кочующая по каталонским городам выставка-история «Море будет...» рассказывает

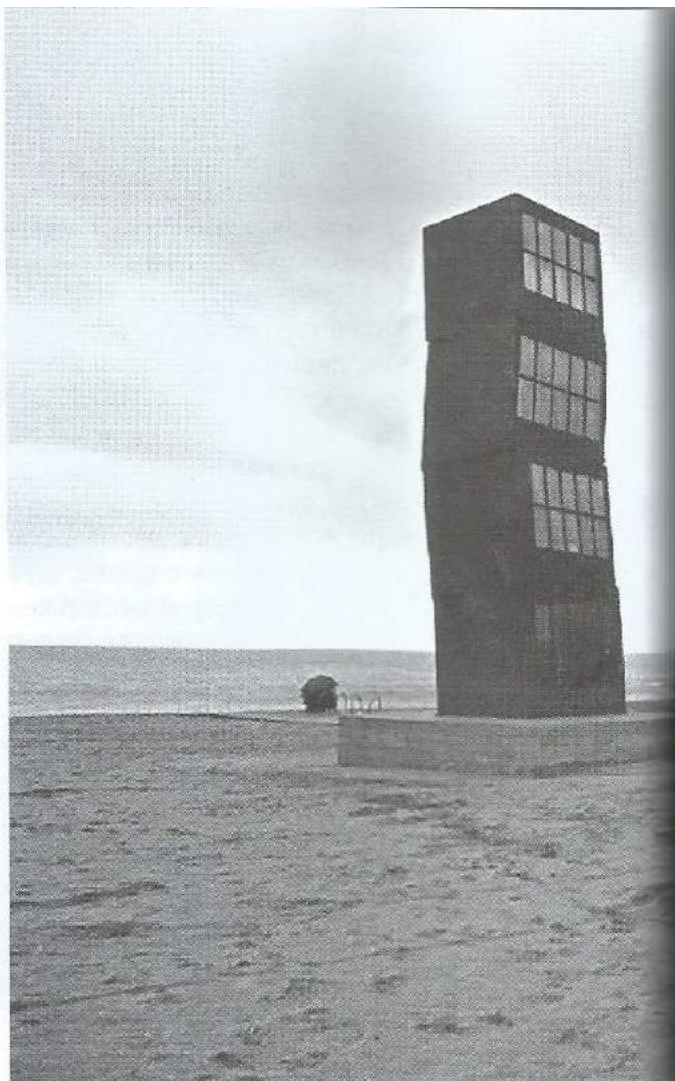
об убитом испанскими фашистами учителе Антони Бенайжесе.

Этот молодой и полный энтузиазма каталонский учитель прибыл в деревенскую школу в Баньюэло-де-Буреба в 1934 году. Он был вдохновлён идеями французского педагога-новатора Селестена Френе. Последний поддерживал практическое мышление, стремление к самостоятельным исследованиям, самоуправление и взаимопомощь. Репрессивные методы воспитания отсутствовали как таковые. Ключевым считался естественный интерес ребенка к открытию мира, а не принуждение и запугивание. Не зубрёжка, но познание мира на практике. Основное время в школе Антони Бенайжеса уделялось производству маленьких книжечек-тетрадок в собственной школьной типографии. Дети печатали самих себя — свои идеи, свои сочинения и рисунки. И среди этих книг они создали одну, которая начиналась словами «Море будет...» Деревенские дети, никогда не видевшие моря, пытались представить себе, каким оно будет, когда они отправятся увидеть его.

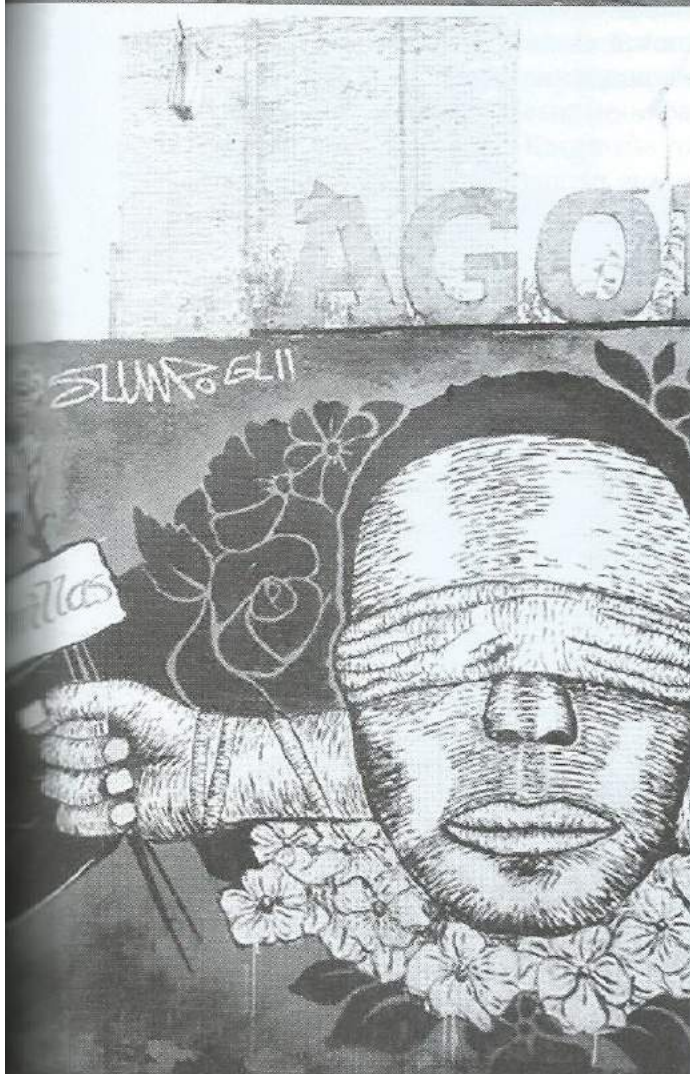
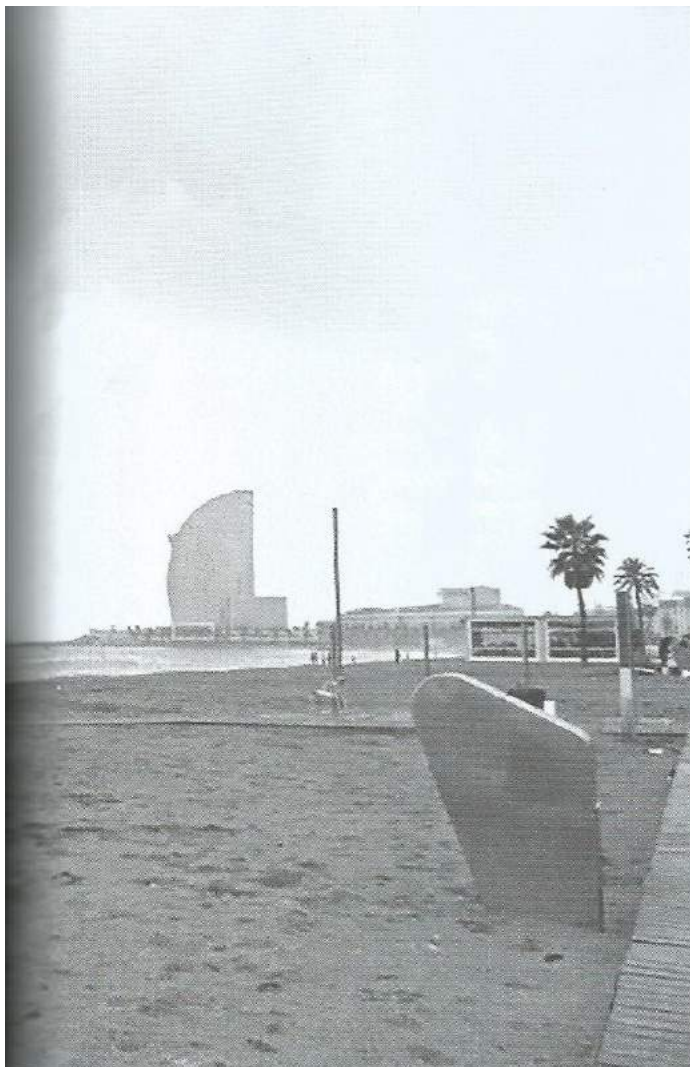
Учитель, сам выросший у побережья, пригласил учеников в дом своих родителей. Пока он и дети готовились к путешествию, в Испании началась гражданская война. Антони Бенайжеса арестовали в день военного переворота, а 20 июля фалангисты приехали в Баньюэло-де-Буреба, чтобы допросить жителей и уничтожить все, что было связано с Антони: книги, записи, коллекции, архивы. Всё, что им удалось найти, они сожгли. 25 июля 1936 года, после пыток и издевательств, учителя, обещавшего детям море, расстреляли и закопали в общей могиле в Ла-Педраха.

Мы садились за парты воссозданного деревенского класса. Рассматривали книжки, созданные детскими руками. Слушали детские рассказы из морских раковин. Стояли на краю раскопа безымянной могилы с останками расстрелянных фашистами.

Справа от Морского музея — гора Монжуик с крепостью-тюрьмой. Там было расстреляно немало анархистов — в числе убитых был знаменитый педагог Франсиско Феррер. На горе есть кладбище, где уже в наше время появился памятник погибшим членам CNT. Слева от музея возвышается монумент имперского величия, символ колониального угнетения — памятник Колумбу, который периодически обливают красной краской или кровью. Пространство перед ним — еще одна традиционная площадка протеста. И если с насильником и убийцей Колумбом всё ясно, остаётся загадкой, почему барселонских анархистов не привлекает причал с роскошными яхтами олигархов, а вместо этого они предпочитают выливать вино на головы

ПОМЯТНИК СКУЧНОСТИ

«Они хотели нас закопать, но не знали, что мы — семя»

сидящих в кафе на Ла Рамбла. За причалами с яхтами начинается квартал Барселонета. Люди здесь живут очень скромно. Фасады домов, что построены на месте бывшего рыбацкого поселка, покрыты плесенью. Повсюду верёвки с бельём, которое не столько сушится, сколько мокнет на влажном воздухе. Мухи и комары кружат над лужами. Внутри самих домов нет ни лифтов, ни многих других привычных современному человеку удобств. Когда мы прошли квартал насквозь и снова вышли к морю, собрались тучи, начался сильный дождь. На этом фоне установленные у набережной памятники, напоминающие о ужасающей нищете прошлого и о погибших в Средиземном море беженцах, смотрелись особенно печально.

Мы сели на метро и направились в Ла Бонне — старейший европейский светский образовательный женский центр. В 1909 году при школе педагога Франчески Боннемасон де Вердагер была открыта женская библиотека. Год спустя был основан Институт Народной Культуры. А с 1922 года началось сотрудничество Управления по вопросам равноправия и гражданских прав с библиотекой Франчески Боннемасон и Школой женщин. После захвата Каталонии франкистами от учреждения потребовали замены преподавательского состава членами фаланги. Женщины, работавшие в библиотеке, отказались иметь какое бы то ни было отношение к фашистам.

В демократические времена центр женской культуры снова заработал. Здесь проходят фестивали, пресс-конференции и выставки, посвященные культурным и правозащитным женским проектам. Например, #visibLES. Мы осмотрели выставку «Defensoras» — «Защитницы», посвященную женщинам Латинской Америки. Фотографии назывались «Достоинство», «Крепость», «Сопроотивление», «Организация». К ним прилагался рассказ о каждой из этих женщин. А дальше мы ходили по этажам с расположенными в них мастерскими, курсами, кружками по интересам и аудиториями, где женщины могут получить различную помощь. Небольшой женский книжный магазин Libreria Pròleg расположен совсем недалеко от Ла Бонне, на Carrer de Sant Pere Més Alt, 46. Здесь — книги, написанные женщинами, для женщин и о женщинах. Тут проходят выставки, презентации и обсуждения. Меня особенно заинтересовали книги о женской истории для детей. И кукла работы мастерской Эстер Прим, благодаря которой дети могут понять, как происходят роды и кормление ребенка. Когда мы зашли в магазин, во втором зале как раз заканчивалась презентация новой книжки.

Проходим насквозь квартал Борн — и вот мы в Парке Сьютаделья. Когда-то здесь стояла

крепость, пушки которой были нацелены на бедные кварталы непокорного города. В 19 веке крепость разобрали. Затем здесь проводили Всемирную выставку, построили павильоны и разбили сады. Теперь парк Сьютаделья — место отдыха горожан. Одним из новейших монументов парка стал открытый 20 марта 2011 года памятник квир-людям, подвергавшимся преследованиям и репрессиям. Треугольник из камня сделан в виде нашивки для гомосексуальных людей в нацистских лагерях.

В другой части парка, недалеко от фонтана — мемориальный стенд. Это Глориета Сони — первое городское пространство в Европе, названное в честь транссексуального человека. Трагичная история Сони — проститутки, вынужденной ночевать на улице и жестоко убитой бандой нацистов, — стала одной из причин возникновения правозащитной организации транссексуалов *Col·lectiu de Transsexuals de Catalunya*.

Когда 6 октября 1991 года тело Сони было найдено полицией, оно так почернело от кровоподтёков, что СМИ сначала написали об убийстве чернокожего человека. В 1993 году Фронт освобождения геев установил мемориальную доску у места убийства. В 2011 на этом месте появился стенд, установленный мэрией от имени всего города.

Следующая остановка нашего маршрута была на Carrer de Tàpies, 47. Здесь находится La Raposa — кооператив, созданный тремя едино-

мысленницами. Это веган-феминистское кафе с книжным магазином и библиотекой задумывалось как пространство, свободное от гендерной дискриминации. Важно, что оно дружелюбно к матерям с детьми. Большинство матерей проходит через социальную изоляцию, они становятся неудобны для старых друзей. К сожалению, люди, говорящие о том, как им изменить будущее, зачастую забывают о том, что детям и предстоит в нём жить. Несколько часов в день Ла Рапоса — настоящий детский сад. Потом наступает время общественно-политических и культурных мероприятий.

В октябре прошлого года меня пригласили на собрание соседней в другом районе Барселоны. Там были самые разные люди и матери с детьми в том числе. Мне запомнилась молодая женщина, одновременно кормящая ребенка грудью и произносящая речь.

Феминистская активность хорошо заметна не только в Барселоне. Во время путешествий на север от столицы в каждом городе и на каждом углу я встречала плакаты, предупреждающие о том, что скоро 25 ноября — День борьбы против machistского насилия в отношении женщин. И на каждом здании мэрии были оповещающие об этом транспаранты. А ещё больше было самодельных плакатов, инсталляций и листовок от разных самостоятельных феминистских групп на центральных площадях и улицах.

Этот день отмечается по всему миру, в России в том числе. Радикальные феминистки Барселоны провели свои акции ещё накануне вечером. Можно было рисовать мураль на Carrer Gran de Gràcia, или принять участие в ночном райоте в центре города. На следующий день массовые манифестации прошли по всей Испании. Когда мы говорим о жертвах мачистского насилия, то важно обсуждать вершину айсберга насилия, проблему фемцида.

В России нет официальной статистики фемцида, мало кто вообще знает это слово фемцид. Впечатление такое, что убийства на гендерной почве видят только некоторые феминистки. Трудно бороться с тем, существование чего бояться даже признать. 8 марта в Москве и Петербурге после зачитывания списка убитых в 2019 году женщин была минута крика. Этот крик мы впервые услышали у барселонских феминисток.

«Ni una mujer menos» — испанский лозунг антифемцидного движения — родился из фразы, которую приписывают мексиканской журналистке, поэтессе и активистке борьбы за права женщин Сусанне Чавес. «Ni una mujer menos, ni una muerte más» — «Ни одной женщиной меньше, ни одной смертью больше». Сейчас его пишут на транспарантах, скандируют, выносят в заголовки статей во всех испаноязычных странах.

Конечно, трудно охватить в одной статье все местные инициативы, в Барселоне постоянно что-то происходит. Для меня было важным увидеть

и узнать больше о женских политических практиках. О том, как каталонкам удаётся менять общество. Какие у них есть идеи и возможности для их реализации. И что из этого опыта можно перенять уже сейчас.

У меня растёт дочь, и мне хочется, чтобы мир, в который она входит, был открытым и поддерживающим. Когда мы приехали домой к Любаве, самый живой интерес у моей школьницы вызвала библиотека. Там была и «Женская история для детей» на русском, первые две книги которой, про Керсновскую и Горбаневскую, уже вышли. Работа о Евфросинии Керсновской получила «Приз книжного сообщества» на ярмарке non/fiction 2018, но авторы отказались, от премии, прочитав со сцены свой манифест о том, что феминистская революция не продается и не собирается закрывать глаза на системное цензурирование феминистских книг в России.

Конечно, у нас не Каталония, у нас есть своя история и везде и всегда есть возможность учиться. Во франкистский период женщинам отводилась исключительно роль матери, хозяйки, хранительницы очага, и уж никак не бунтарки против патриархальных устоев. Борьба с наследием Франко не окончена. Но нам важно изучать успехи каталонских анархистов, потому что нам тоже скоро предстоит изживать последствия диктатуры.

Нина Тянь

Я надеялся

НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ БОРЬБЫ

Александр Кольченко — крымский анархист. Был арестован в 2014 году по так называемому «делу крымских террористов», которыми якобы руководил кинорежиссер Олег Сенцов. Кольченко получил десять лет лишения свободы, отбыл половину срока. Его отпустили в рамках операции по обмену военнопленными и политзаключенными с Украиной. Кольченко рассказал «Автоному», как его арестовывали и чем он намерен заниматься сейчас.

Как ты стал анархистом?

— Я стал анархистом лет в 16. Сначала на уроках истории Украины в старших классах мне стало интересно, почему при рассмотрении Гражданской войны столько внимания уделяется различным силам (большевикам, белым, УНР, Директории и т. д.) и так мало — махновцам. Начал читать рефераты и статьи о Махно и РПАУ (Революционной повстанческой армии Украины). Потом понеслась субкультурная жизнь, побоища с ультраправыми (хотя я до сих пор не умею драться).

Но вскоре и антифашизм, и анархизм стали для меня по важности намного большими, чем чисто субкультурное явление. Году примерно в 2008 мы создали Крымскую Федерацию Анархо-Коммунистов (КФАК) с намерением в дальнейшем присоединиться к «Автономному Действию». На тот момент это объединение казалось нам наиболее подходящим и близким. В 2009 году во время эколлагера в Севастополе

КФАК была принята в АД как коллективный участник, региональная группа.

С годами я видел, как некоторые товарищи «взрослели», для кого-то это всё было «юношеским максимализмом». Меня мама-тюрьма, а также большой объем прочитанной там литературы только укрепили в моих убеждениях.

Чем ты занимался, когда произошла аннексия Крыма?

— На момент аннексии Крыма я учился на заочной форме обучения и параллельно работал в полиграфии оператором послепечатной обработки. Сразу после аннексии из-за проблем с транспортировкой через административную границу с Крымом расходных материалов, а также из-за проблем с банковскими переводами, основные производственные мощности были эвакуированы в Киев, а меня уволили по сокращению.

Что же касается активизма, то с начала Майдана мы некоторое время не могли определиться с нашим отношением

к этим событиям. Ведь так называемые «лидеры Майдана» (которых впоследствии называли с сарказмом «актерской сотней») пытались узурпировать широкое народное движение.

С началом аннексии мы с товарищами по антифашистскому движению ходили на антивоенные акции против ввода российских войск в Украину. Но, к сожалению, не смогли выступить как организованная сила, предъявить свою позицию. Мы обеспечивали безопасность этих мероприятий.

Была ли какая-то группа, пытавшаяся организовать силовое сопротивление оккупации? Знал ли ты до ареста Геннадия Афанасьева, Алексея Чирния и Олега Сенцова?

— Всё, что тогда происходило в Крыму, наводило на мысль, что легальные методы борьбы себя исчерпали: срыв акций титушками (провокаторами), разгон митингующих работников «Крымтроллейбуса» так называемыми «вежливыми людьми» с направленными в сторону работников автоматами, похищения людей и т. д.

Многие в то время эмигрировали. Некоторые — ещё до референдума. Так что, когда Никита Боркин предложил мне поучаствовать в той акции — поджоге офиса «Партии Регионов», где также была расположена пыточная так называемой «Самообороны Крыма», — я согласился.

С Чирнием я увиделся непосредственно во время этой акции. Я с ним за пару лет до этих событий пересекался по работе на археологических раскопках на Неаполе Скифском в Симферополе. Он был не очень общитель-

ным, держался в стороне от коллектива.

С Афанасьевым я познакомился через Никиту и до самой акции виделся с ним пару раз. Какой-то устойчивой группы не существовало. Я к этой акции присоединился ситуативно.

С Олегом я познакомился ещё в начале Майдана через нашу общую подругу. Он в начале февраля возил нас на Майдан. После этого мы виделись с ним на паре встреч, и несколько раз я его видел издалека. Можно сказать, что мы были знакомы поверхностно. И Олег никакого участия в той акции не принимал.

Поджог изначально был символическим, или он задумывался как более разрушительный?

— Большой разницы не было. Даже если б этот офис «Партии Регионов», где была пыточная так называемой «Самообороны Крыма», был полностью разрушен огнём и стал непригоден для использования, это не изменило бы ситуацию. Мой расчет был скорее на распространение таких методов борьбы. Я надеялся, что нашему примеру последуют другие.

Что происходило потом? Как вас вычислили? Почему Сенцова назначили «главным террористом»?

— Я узнал о задержании Геннадия Афанасьева, когда был на отдыхе в Ялте от своего друга из Симферополя: он стал случайным очевидцем. Афанасьева посреди центральной улицы 9 мая скрутили неизвестные в гражданском и кинули в авто.

Я позвонил человеку, который мне предложил поучаство-

вать в этой акции и предупредил его о возможной опасности. Благодаря этому он сумел выехать из Крыма.

Я позвонил и Олегу на всякий случай: он был публичным человеком и более легкой мишенью для репрессий. Он тоже был поверхностно знаком с Геннадием и мог узнать, что произошло и как можно помочь. Он со мной связался через некоторое время и говорил, что Гена ему звонил и загробным голосом предлагал встретиться. Олег, естественно, отказался.

10 мая я вернулся в Симферополь, встретился с другом, узнал у него все, что он успел увидеть. Созвонился с Олегом и договорился встретиться вечером, но на встречу Олег уже не пришел.

Тем же вечером я поехал в Ялту. На всякий случай. Денег и терпения мне хватило на несколько дней, и 16 мая я вернулся в Симферополь с мыслью: если бы меня действительно искали ФСБ-шники, то уже давно бы нашли. Да и зачем я им нужен? Неужели всё лишь из-за сгоревшего окна (очень глупо)? Меня задержали недалеко от бывшего офиса СБУ — сейчас это офис ФСБ — 16 мая (глупо вдвойне).

Как я узнал уже на следствии и на суде, нас вычислили — согласно показаниям свидетелей обвинения, знавших Алексея Чирния, — из-за того, что Чирний предлагал осуществлять взрывы ЛЭП и мостов каждому второму. А когда был пьян — каждому первому.

Дальше точно не знаю, но мы с Олегом так видели развитие событий. Чирний вспомнил своего знакомого по реконструкторским фестивалям — химика. И не нашел ничего лучше, как позвонить их

общему знакомому из этой среды (который был в «самообороне») и спросить номер телефона химика, чтобы попросить его изготовить энергетический эликсир. Знакомый, естественно, не поверил, доложил командиру. Командир позвонил этому химику, сказал, что его ищет Чирний. Что он знает, что Чирний немного не в себе, и знает, с какой целью он ищет химика. Поэтому тот должен явиться в офис ФСБ, где ему дадут все инструкции. Там химику выдали съёмочное оборудование. На него он примерно в течение месяца снимал безумные откровения Чирния. После задержания Чирния был задержан Афанасьев, на следующий день — Сенцов.

Когда нас задержали, по всем федеральным каналам крутили сюжет, в котором Чирний пришел на место схрона забирать макет СВУ — который был оставлен его другом-химиком, получившим инструкции от ФСБ — где и был задержан ФСБ-шниками. Но когда один журналист году в 2017 или 2018 брал интервью у матери Чирния, случайным образом всплыла деталь — выяснилось, что Чирний был задержан не на месте схрона, а дома. Это обстоятельство поставило ещё больше вопросов, чем было ранее.

Олег уже не раз рассказывал, почему — по его мнению — его сделали главным. Во-первых, он был публичной фигурой и в Крыму с началом аннексии занимался многими вещами — от участия в автопробегах до организации эвакуации военнослужащих и их семей на континент. Во-вторых, у него были связи с Майданом в Киеве. И, наконец, при личном досмотре у него нашли разные визитки, в том числе визитку Кличко.

Для ФСБшников это был джекпот — можно было связать поджог подоконника с политическим руководством Украины. Сенцову сделали предложение — признаться в том, в чем его обвиняли, и сказать, что задания поступали от руководства Украины. За это ему обещали максимум 7 лет. Он от дачи показаний отказался и выдал весь расклад уже в суде — где и рассказал, чем занимался в Крыму, как его пытали, какие предложения ему поступали.

Как изменилась Украина после Майдана?

— Хотя после моего освобождения и прошло уже полгода, до сих пор мне трудно оценить произошедшие изменения в Украине. Значительную часть этого времени я ездил по другим странам.

Мне кажется, Майдан мобилизовал многих людей, которые ранее были далеки от политики и гражданской активности. Майдан убил покорность людей.

Но в то же время российская агрессия послужила причиной роста шовинистических настроений. И не только в отношении России как имперского проекта, но и в отношении всех россиян вообще. Они, как принято считать, поддержали и поддерживают этот имперский курс (те самые 86 % за «Крым наш»). Участие ультраправых в боевых действиях в зоне АТО (антитеррористической операции) легитимизировало этот курс и повысило их влияние в обществе.

Но с другой стороны, на волне Майдана и самого начала российской агрессии лидер «Правого сектора» набрал меньше 1 % на президентских выборах. А на президентских

выборах 2019 года Руслан Кошулинский (националистическая партия ВО «Свобода»), поддержанный несколькими националистическими организациями, набрал чуть более, чем 1,5 %. Это вселяет надежду, что у ультраправых нет масштабного политического будущего в Украине. Сейчас в Верховной Раде принимают проект нового Кодекса законов о труде, но я так и не успел ознакомиться с его угрозами.

Чем сейчас занимаешься, в каких начинаниях участвуешь?

— Из-за очень плотного графика я еще не успел наладить постоянные контакты с анархистскими коллективами и инициативами Киева.

Кроме поездок и интервью добавляются ещё бытовые заботы по обустройству жилья (у себя и у матери с сестрой) и необходимость уделить хотя бы некоторое внимание самым близким друзьям и подругам.

Несмотря на то, что сессия у меня была в октябре (я тогда был в Чехии), а следующая начинается уже в начале марта, я ещё не приступал к учебе. Это будет очень сложно.

Сейчас, покуда мой голос еще хоть как-то слышно, хочу способствовать освобождению по обмену своих соотечественников, в том числе Евгения Каракашева, с которым я был знаком лично и который рекомендовал себя как серьезный и ответственный товарищ. А также настаивать на необходимости поддержки российских политзаключенных.

Беседовал
Валерий Листьев

2020

ГОД, несмотря на пандемию коронавируса COVID-19 и жесткие карантинные меры, оказался весьма плодотворным в сфере издательства книгоиздательства либертарной и близкой к ней мысли. Кооператив «Радикальная теория и практика» (РТП) объявил 2020 год для себя годом женской книги и выпустил шесть замечательных книг, написанных женщинами:

Мемуарные очерки Ирины Каховской «Воспоминания террористки» — книга знаменитой революционерки прошлого века, члена ЦК партии левых эсеров-интернационалистов, пронесшей идею социальной революции через всю свою жизнь. Несмотря на долгие годы, проведенные в заключении.

«Феминизм для 99 процентов». Книга Чинции Арруцца, Тити Бхаттачарья, Нэнси Фрэйзер представляет собой феминистский манифест, который предлагает альтернативу либеральному феминизму через устройство общественных структур на принципах антикапитализма, антисексизма, антирасизма и экологичности.

«Сара. Вся моя жизнь была борьбой» Сакине Джансыз продопжает мемуарную линию издательства. Сакине Джансыз — одна из центральных фигур революционного движения Турции и Курдистана, погибшая от рук убийц в 2013 году в Париже.

«Власть и тело» Марии Рахминовой — современное анархистско-философское исследование проблемы власти, в котором в качестве теоретической рамки используется проблема тела, исторически сопровождавшая все дискурсы о власти.

«Афтершок. Противостояние эмоциональным травмам в жестоком мире: пособие для активистов/к и их сподвижников» — книга, написанная анархо-феминисткой, радикальной зоозащитницей и психотерапевткой Патрис Джонс, посвященная проблеме преодоления психологически травмирующих событий на тяжелом пути борьбы за социальную справедливость.

Книга «Mujeres Libres. Свободные женщины Испании: анархизм и борьба за эмансипацию женщин» Марты Акельсберг — исследовательская работа, раскрывающая историю известной анархистской женской организации периода Испанской революции «Мухерес Либрес», боровшейся за женские права в анархистских структурах и за всеобщую свободу.

ДРУГОЕ независимое издательство Common Place также порадовало несколькими интересными книгами. «Краткий очерк истории русского анархизма: от Феодосия Косого до Алексея Борового», написанная анархистом, философом и исследователем истории и либертарной философии, повествует о важнейших фигурах русского анархизма и их идеях в период от XVI до начала XX века. Книга Дмитрия Рублева «Черная Гвардия. Московская Федерация Анархистских групп в 1917–1918 гг.» является первым исследованием,

посвященным истории этой знаменитой федерации. И, наконец, еще одна книга издательства «Вера Фигнер. Взгляд на женщину русской революции из XXI века» исто-

рика Андрея Воронихина — первая в России научная биография русской революционерки и одного из лидеров «Народной воли» Веры Фигнер, прошедшей через двадцатилетнее одиночное заключение в Шлиссельбургской ка-

торжной тюрьме. Кстати, трехтомник мемуаров Веры Фигнер, написанный прекрасным языком, был издан совсем недавно — в 2019 году (издательство "because АКТ").

«ЕДА ВМЕСТО БОМБ»

В Москве продолжает действовать группа либертарного движения

Даже в пандемию её участники продолжали кормить бездомных. Их даже задерживали за «нарушение самоизоляции»: о том, как в этих условиях позаботиться о людях, оказавшихся на улице, столичная мэрия не очень задумывалась.

Многие из них работают в сфере общепита, где широко распространена негарантированная занятость. Товарищи провели несколько достаточно успешных акций: приходили толпой в кафе (хотя в отдельных случаях акции не были связаны с общепитом), в которых работникам при увольнении выплатили не все деньги. Занимали все столики, стояли с плакатами, раздавали листовки, рассказывали посетителям о том, что в данном заведении обманывают сотрудников. Чтобы отделаться от незваной толпы, хозяева были рады вернуть недоплаченные тысяч десять.

«МОСКОВСКИЙ СИНДИКАТ» —

инициатива либертарных активистов из российской столицы

Если вы живете
в Санкт-Петербурге
и хотите тренироваться
с железом, выбор
очевиден.

Клуб **«ВЕГЕТАРИАНСКАЯ СИЛА»** не только пропагандирует вегетарианство среди спортсменов: многие занимающиеся в «Вегсиле» выигрывают серьезные турниры.

Ещё в клубе правильная атмосфера, а у многих занимающихся — многолетний бэкграунд в либертарных инициативах.

Л

ЕТОМ И ОСЕНЬЮ 2020 в Беларуси и в конце января 2021 в России состоялись массовые выступления против авторитарных режимов Путина и Лукашенко. Анархисты приняли участие в этих протестах, а также в акциях солидарности с народом Беларуси в Москве у посольства этой страны.

Мы

не в восторге от либеральных оппонентов Путина и Лукашенко, но нельзя оставаться в стороне, когда десятки тысяч людей выходят на улицы против режимов, находящихся у власти более 20 лет и намеренных править бесконечно долго.

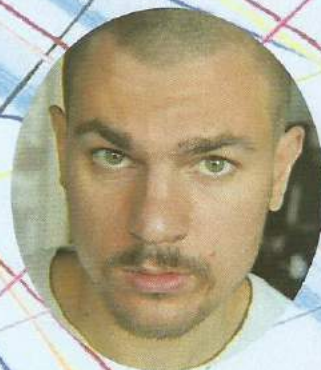
В России и Беларуси на данный момент очень много анархистов и близких нам людей оказались за решеткой. Актуальный список либертарных арестантов Беларуси смотрите здесь: <https://abc-belarus.org/?cat=3> Публикуем информацию по России.

Андрей Чернов

Арман Сагымбаев

Дмитрий Пучинцев

Игорь Шишкин

Илья Шакурский

Юлий Бояршинов

Максим Иванкин

Василий Куксов

Михаил Кульков

Виктор Филинков

ДЕЛО «СЕТИ»: 10 молодых людей в Санкт-Петербурге и Пензе осуждены на сроки от 3,5 до 18 лет по обвинению в терроризме: они иногда играли в страйкбол и дискутировали о политической ситуации в стране.

АЗАТ МИФТАХОВ: аспирант МГУ, получил шесть лет лишения свободы по обвинению в соучастии в разбивании окна в районном офисе «Единой России» в Москве.

ЕВГЕНИЙ КАРАКАШЕВ: гражданский активист из Евпатории, получил 6 лет лишения свободы за переписку в закрытых чатах «ВКонтакте».

КИРИЛЛ КУЗЬМИНКИН: старшеклассник из Москвы, обвиняется в обороте оружия из-за экспериментов с пиротехникой. Сидел в СИЗО, сейчас под подпиской о невыезде, идет суд.

«ДЕЛО КАНСКИХ ПОДРОСТКОВ»: трех школьников из Красноярского края обвиняют в террористической деятельности за эксперименты с пиротехникой, распространение анархистских листовок, переписку «ВКонтакте» и планы взорвать виртуальное здание ФСБ в компьютерной игре Minecraft.

ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ, ТОПОРНОЕ ДЕЛО:

ИНТЕРВЬЮ С ПЕТЕРБУРЖЦЕМ,
КОТОРЫЙ МОГ ОКАЗАТЬСЯ
ФИГУРАНТОМ ДЕЛА «СЕТИ»

Сегодня в Санкт-Петербурге вынесут третий приговор по делу «Сети». Виктору Филинкову прокуратура просит девять лет лишения свободы, Юлию Бояршинову — шесть. Большинство анархистов, оказавшихся по делу «Сети» на скамье подсудимых, отрицают, что такая организация в принципе когда-либо существовала. Avtonom.org публикует интервью с петербуржцем, который также мог оказаться обвиняемым в этом уголовном деле. Он попросил сохранить анонимность, сейчас находится за пределами России.

Насколько ты был вовлечён в так называемую «Сеть»? Как ты видишь, что вообще всё это было?

— Началось с того, что один мой товарищ рассказал мне, что прошел двухнедельный курс центра тактической и огневой подготовки «Партизан», и хотел поделиться опытом, который там получил. Это были легальные курсы, их можно было посещать абсолютно свободно, реклама была везде. Например, интервью с руководителем этого центра есть на канале Дмитрия Пучкова — Гоблина. Я так понимаю, он всё ещё открыт для записи. Это был 2015 год. То, что случилось на Майдане, вызывало обеспокоенность, поскольку правые проявили себя на нём очень успешно. А многие нацисты из России поехали в Украину набираться опыта, некоторые привозят оттуда оружие в Россию. Также я не забыл, сколько антифашистов нацисты убили в России — список очень длинный. В общем, такая была атмосфера, и я подумал, что обучиться навыкам выживания и обращением с оружием — это хорошая идея. Я всегда старался держать себя в форме, насколько было возможно — тренировался. В разные периоды занимался тайским боксом, бразильским джиу-джитсу, ножевым боем, филиппинским боем на палках, крав-магой и тому подобным.

Как часто проходили тренировки в лесу: раз в месяц, раз в неделю?

— Лично я участвовал только в трёх-четырёх тренировках. Потом было решено, что совмещать лесные тренировки и какие-то публичные проекты небезопасно. К публичным активистам в России всегда прицельное внимание со стороны ФСБ и Центра «Э». Известно, что в России активисты, анархисты и все, кто критикует власть, борется за права и свободы рабочих людей, часто оказываются жертвами репрессивной машины. В ход идут все возможные средства: провокации, фабрикация, шантаж, подкидывание наркотиков, в группы активистов внедряются подставные агенты и т. д. Примеров людей, оказавшихся за решеткой, очень много: Алексей Сутуга, Алексей Гаскаров, Дмитрий Бученков. В России даже небезопасно просто заявлять свою позицию, быть политически активным и критиковать власть. А если ты ещё и занимаешься изучением военного дела, разбираешься в оружии и владеешь навыками выживания, то сразу становишься опаснейшим врагом, террористом, экстремистом. На тот период я как раз начал заниматься одним активистским проектом, который был открытым и предполагал публичность, и, когда

меня поставили перед выбором, я в пользу проекта прекратил тренировки. Меня исключили из рассылки, я не поддерживал связь ни с кем из участников и больше я об этом не слышал до истории [с задержанием и пытками] Шишкина.

Главной целью тренировок была готовность к «плохому развитию событий»?

— Да, мы хотели быть готовы к худшему сценарию. Мало ли что может произойти: если в Украине возможна гражданская война, почему она невозможна в России? Готовились к любому развитию событий: к атакам со стороны нацистов и вообще к хаосу в стране. Мы хотели научиться обращению с оружием, методам выживания, оказания первой помощи, освоить тактику группового перемещения в ходе боевых действий, навыки ориентирования и т. д. Мы также изучали опыт организации военных структур курдов в ходе гражданской войны в Сирии.

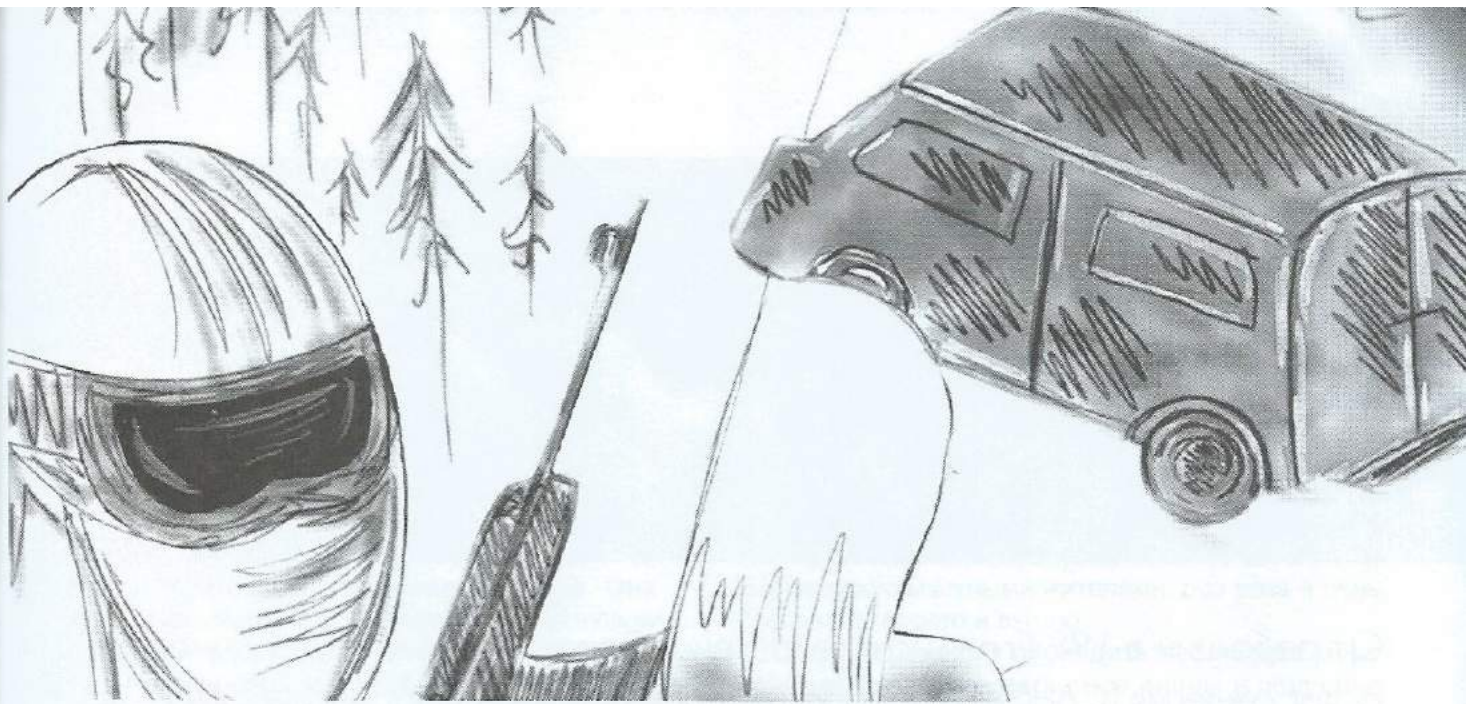
Когда ты участвовал, была идея, что так называемая «Сеть» должна быть межрегиональной структурой?

— Когда я принял участие в первой тренировке об этом вообще не шла речь. Об идее потренироваться с кем-то ещё я узнал позже. Мне показалось это хорошей мыслью. Если ты хочешь получить нужный опыт, то стараешься задействовать все возможные связи с теми, кто может его дать. В России многие антифашисты, анархисты и другие социальные активисты знают друг друга, вместе проводят акции, участвуют в инициативах, ходят на концерты и т. п. Поэтому знали, кто чем интересуется, какой опыт может передать. Например, Дмитрий Пчелинцев [осужденный по делу «Сети» в Пензе — «Автоном»] работал инструктором по стрельбе. Юлий Бояршинов — промышленный альпинист.

Почему ты был вынужден покинуть Россию?

— Сначала я услышал о том, что Игорь Шишкин пропал, ушёл гулять с собакой и не вернулся, все его искали. Потом выяснилось, что его задержали, пытали и в его квартире провели обыск. Сначала я отнёсся к этому не так серьезно, но всё-таки решил, что дома оставаться небезопасно, и мы с подружкой остались у друзей на пару дней. В это время я начал узнавать, что в Питере проходят аресты, проводятся обыски в нескольких квартирах моих товарищей. Тех, кого обыскивали, также пытали, причем под раздачу попадали все без разбора: соседи по квартире, коллеги по работе,

просто зашедшие гости. Далеко не о обо всех, кого пытали, писали в СМИ: были те, кто подвергся пыткам, затем сбежал из страны, но решил не предавать случившееся огласке. На тот момент многие думали, что просто хватают случайных анархистов и активистов. У многих началась паника, некоторые сбежали из страны. Это я понимал, что задержанных объединяют тренировки в лесном кружке. Также я узнал, что в Пензе задержания начались ещё осенью 2017 года. Тогда не осталось никаких сомнений, что мне находиться в этой стране небезопасно, и мы с подругой в тот же вечер уехали из России. Была только одна проблема. Все паспорта были дома, а возвращаться мне казалось небезопасным, но другого выбора не было. Мы подъехали, я зашел в дом, подруга осталась ждать в машине рядом с домом. Мы паниковали, и, как оказалось, небезосновательно. Когда я вернулся, она рассказала, что видела, как вокруг дома наворачивал круги темно-синий тонированный вэн. Ни я, ни подруга раньше такой вэн в нашем дворе не видели. По описаниям Филинкова, Капустина и других товарищей, рассказавших о том, что с ними случилось, их пытали именно в таком вэне.

Как тебе кажется, почему Шишкин пошел на сотрудничество с ФСБ?

— Мне очень сложно говорить про эту ситуацию. Я знаю Игоря давно. Знаю его жену Таню. Я знаю, что эти звери жёстко пытали его и угрожали, скорее всего угрожали и запугивали Таню тоже. И по моему личному мнению, Шишкин сделал всё, чтобы выйти как можно скорее любым возможным способом. Но пытали и оказывали давление и на остальных участников дела. Большинство не сдались, выстояли и не пошли ни на какие сделки, не

оклеветали ни себя, ни товарищей. Я считаю они проявили героизм.

Почему ФСБ этот ваш кружок восприняло как террористическую организацию?

— Диктаторские режимы всегда боялись анархистов, людей радикальных действий и мыслей, радикально любящих свободу, открыто заявляющих о беспределе и требующих кардинальных перемен в стране и во всем мире. Людей, не попавших под влияние пропагандистской машины в школе и по телику. Режим боится, что такие люди занимаются самообразованием, спортом, тренировками, разбираются в оружии, могут самоорганизоваться, использовать неприслушиваемые каналы связи т.п. Поэтому дело «Сети» — это показательное дело. Оно намеренно топорное и нелепое. Им похрен, что нет никакого преступления, показания получены под пытками. Они как бы говорят: «Смотрите и бойтесь, мы будем делать, что хотим, и ничего нам за это не будет. Мы можем издеваться и сажать людей, которые нам мешают, и большинство не сделает ничего». С молчаливого бездействия большинства людей этой страны ребята сели ни за что. Но эти люди, наверное, ещё не врубались, что дальше будут репрессировать их самих, дальше им сложно будет вообще рот открыть, не то что быть активистом. И когда беда постучится в их дверь, уже не будет активистов, которые могли бы их поддержать в борьбе за их права. Все активисты либо будут сидеть, либо свалят из страны из-за репрессий.

Беседовал
Валерий Листьев

4 СПОСОБА ПРИЕХАТЬ В ГОСТИ К САПАТИСТАМ

От редакции: в 1994 году на юге Мексики Сапатистская армия национального освобождения (САНО) попыталась организовать социалистическую революцию. На всю страну революция не распространилась, но часть территории мексиканского штата Чьяпас до сих пор фактически управляется повстанцами. В повседневной жизни на территории САНО реализуются многие начинания, близкие анархистам. Автор этой колонки более года прожила среди сапатистов, а сейчас координирует в России продажу кофе, выращенного в повстанческих кооперативах.

МНЕ ЧАСТО задают вопрос: можно ли приехать жить к сапатистам? Нет, жить с сапатистами нельзя, потому что они не видят в этом практической пользы ни для себя, ни для вас. Длительное совместное сожительство неуместно, если человек разделяет их идеал борьбы: каждый должен бороться за свободу и справедливость на своем месте. И правда, зачем русскому активисту переезжать в Мексику? Это никак не поможет бороться с политическими репрессиями или строить сети солидарности в России.

Тем не менее, сапатисты — открытое сообщество, они рады гостям, которые проявляют искренний интерес и поддерживают повстанцев. Если вы из таких и можете добраться до Мексики, то остается только подучить испанский (хотя бы до базового уровня) и все, можете приехать и пожить с сапатистами пару недель.

Конечно, перед поездкой также не помешает обновить знание их истории (почитать Олега Ясинского), изучить структуру самоуправления

(<https://www.youtube.com/watch?v=McDyqjv6L3E>) и текущее положение дел в регионе. В последнем поможет официальный сайт, блог САНО — <http://enlacezapatista.ezln.org.mx/>, наиболее важные публикации на нем переведены на несколько европейских языков, включая английский.

В частности, важно знать, что «воротами» в мир сапатистов являются «улитки» — так они называют административные центры гражданского движения за автономию. «Улитка» представляет собой территорию с постройками, идентичными тем, что можно увидеть в соседних деревнях Чьяпас. Это маленькая деревня без постоянных жителей. В «улитке» базируется Хунта Хорошего правительства. Она объединяет автономные повстанческие муниципалитеты, в которые входят представители от поселений района, обычно одной языковой группы. Но не только она. Там же может находиться районная больница, средняя школа, радио, склад и другие стратегически важные объекты. Важной задачей «улиток» является и прием гостей*.

Можно наудачу попробовать посетить улитку как турист в любой день. Но вам могут отказать, если все внутри заняты и некому вас сопроводить, или могут попросту не открыть ворота, потому что все спят. Поэтому дальше перечислены только верные способы попадания на территорию сапатистов.

Способ № 1. Праздники

У сапатистов два главных повода для праздника: годовщина восстания и годовщина самоуправления.

Восстание произошло в ночь с 31 декабря на 1 января 1994 года, поэтому его отмечают каждую новогоднюю ночь. Это ночь песен, плясок и ободряющих речей со сцены. Празднование проходит во всех «улитках», но больше всего гостей и, соответственно, самая разнообразная программа — в Овентике и Ля Реалидад. Овентик располагается всего в часе комфортной езды от Сан-Кристобаль де лас Касас (в миру Сан-Крис), самого туристического города штата Чьяпас, а Ля Реалидад, наоборот, находится дальше всего от Сан-Криса, но ближе всего к командованию САНО и очагу восстания, соответственно.

Если вы смогли добраться только до Сан Криса, не отчаивайтесь: празднуют и там, в Университете Земли, CIDECI.

Обычно к годовщине восстания приурочивают серьезные мероприятия. В последние недели года часто проходят открытые сапатистские конференции, конгрессы, школы. На них обычно нужно зарегистрироваться, отправив им письмо. Такие события не включают проживание в «улитках» или поселениях, но бывали и исключения, вроде школы «Свобода по-сапатистки».

Официальная дата открытия Хунт Хорошего правительства — 6 августа 2003 года. Каждый год

сапатисты придумывают к этой дате что-нибудь новенькое. Но то, что вы наверняка увидите каждый раз, — это долгие (и нудные) отчеты Хунты, муниципалитетов и деревень в течение дня и потом танцы ночь напролет. Так может продолжаться несколько дней. Местные жители удивительно легко переживают такой марафон без каких-либо стимуляторов и алкоголя — все это запрещено на сапатистской территории. Вы так точно не сможете. Поэтому часто организация мероприятия включает возможность переночевать — кинуть пенку в одном из зданий или поставить палатку на специально выделенной земле. Если ночевка предусмотрена, то вас и накормят заодно с местными жителями: два раза в день, бесплатно, просто и вкусно.

Сапатисты могут проводить публичные мероприятия и в другие даты. Все планы и подробности событий всегда анонсируются на сайте <http://enlacezapatista.ezln.org.mx/>.

Способ №2. Языковая школа

Ещё одна возможность пожить у сапатистов неделю — языковые курсы испанского или цоциля (майянский язык).

У курсов интересная система оплаты: неделя обучения стоит три дня минимальной зарплаты страны, из которой приехал ученик. В стоимость входит три часа занятий пять дней в неделю, трехразовое питание и проживание в течение этих пяти дней.

Пройти курс может любой, кто поддерживает сапатистские идеалы свободы, равенства и справедливости. Нужна только рекомендация от социальной, образовательной, культурной, политической или религиозной организации (группы). Самые базовые знания испанского и английского, наверняка, тоже не помешают.

Подробнее на сайте курсов: http://serazln-altos.org/celmraz_en.html (на английском).

Способ № 3.

Волонтер от некоммерческой организации (НКО)

Местная НКО FrayBa («Фрайба»), базирующаяся в Сан-Крисе, каждую неделю отправляет в сапатистские поселения новых волонтеров. Наблюдателей приглашают сами повстанцы в качестве самозащиты. Одно время мексиканское правительство даже депортировало наблюдателей под предлогом сотрудничества с экстремистами. И сейчас формально Мексика требует, чтобы наблюдатель получил государственное разрешение на пребывание в «зоне конфликта», но организации игнорируют это требование.

В некоторых деревнях уже встречаются волонтеры из разных организаций, не только из «Фрайбы», но она остается самой крупной. Для того, чтобы поехать от «Фрайбы», понадобится рекомендательное письмо из отправляющей организации, имеющей контакты с нею. Это необходимо для делегирования ответственности за вас, если что-то случится. К тому же предполагается, что в своей организации волонтер проходит курс подготовки и понимает, что такое права человека, нарушения которых и нужно фиксировать. С российскими организациями у «Фрайбы» контактов нет, поэтому подойдет письмо от любой организации, подтверждающее, что она сама будет звонить родственникам, «если что», и что волонтер подготовлен. Без рекомендательного письма проправиться так же сложно, как и без испанского.

Во «Фрайбе» волонтер выполняет свои задачи во время двухнедельного непрерывного проживания в общине. Проживание бесплатно, нередко в общине строят специальный домик для волонтеров и гостей, а вот питаться придется самостоятельно.

У других организаций могут быть свои условия и задачи. Например, есть агроэкологические организации, отправляющие волонтеров для помощи в уходе за посевами. Подробнее тут freetravels.livejournal.com/81554.html

Способ № 4 (ненадежный). Свой проект

Придумывайте и езжайте в выбранную «улитку» с презентацией.

Вероятно, больше всего шансов у творческих проектов. Так, например, аргентинская художница пожила с сапатистами в «улитке» четыре дня, пока рисовала мурал (https://vk.com/molotovcoop?w=wall-43843733_552, настенный рисунок — «Автоном»).

И многие другие муралы в «улитках» нарисованы приезжими.

Можно приезжать с проектами любой сложности. Главное, чтобы они были нужны и полезны для сапатистов. Когда-то к ним приезжали европейские промоутеры альтернативного образования и из смешения школ возникло свое, сапатистское, школьное образование. Европейцы, естественно, жили на территории сапатистов, пока делились знаниями. Также известно, что сапатисты приглашают врачей-специалистов, которых сложно найти в сельве. Тут важно, чтобы вы не только знали, что делаете, но и могли бы поделиться опытом, чтобы знание осталось с сапатистами после вашего отъезда.

В качестве завершения хотелось бы подчеркнуть необходимость подготовки к поездке. Учите испанский, ищите на нем и на английском информацию о текущем состоянии движения, попробуйте разобраться в том, что сапатисты публикуют у себя на сайте (это непросто!). В Мексике, если вы говорите на английском, то вы гринго. Лучше знать пять слов на испанском и с их помощью пытаться все объяснить, чем использовать английский. Проведите некоторое время в Сан Криси и окрестностях: познакомьтесь с приезжими, которые там осели, поговорите с коренными жителями на рынке, посетите хотя бы известные туристические деревни Чьяпаса, чтобы представлять, что вас ждет. Будьте скромны и тверды в своем намерении, и у вас обязательно все получится.

До недавнего времени «улиток» было 5, все они принимали гостей. Теперь их стало 12, и неизвестно, готовы ли к гостям во всех новых центрах.

Елена КОРЫХАЛОВА
кооператив «Молотов» (<https://cafe.zapatista.ru/>)

О МАССОВЫХ ПРОТЕСТАХ В ХАБАРОВСКЕ — ИЗ ХАБАРОВСКА

От редакции: текст был опубликован на Avtonom.org летом. Хабаровские протесты — одни из самых ярких в России 2020 года, так что мы публикуем текст о том, как они начинались.

ЯXADAD. Анархист из Хабаровского края и стрит-арт художник. Родился и вырос в деревне далеко от города. Все нулевые, более 10 лет, учился и работал в Комсомольске-на-Амуре, там у меня формировались политические взгляды. Специфика активизма в Комсомольске того времени была связана с участием в своего рода широкой окопальной оппозиции и перманентным противостоянием уличному криминалу: мне довелось повидать несколько разгромов центром «Э» лимоновцев и СКМ [Союз коммунистической молодежи — Автоном], посмотреть изнутри на местное отделение КПРФ и белоленточные протесты, заценить различные субкультурные панковские, хардкорные движухи. В том числе в крае мы пытались организовать ячейку Пиратской партии и прочее. Почти шесть лет назад я переехал в Хабаровск и теперь рисую здесь на стенах, стараясь в более лаконичной творческой форме выражать свои взгляды. Итак, что происходит в Хабаровске?

О ПРОТЕСТАХ 18 ИЮЛЯ

Хабаровск не ударил в грязь лицом. Людей было много, называют цифры от 10 до 80 тысяч, разброс совсем не даёт определиться. Митинг прошел без каких-то жестоких стычек. Из Комсомольска

и районов приехало на акцию около 80 машин, их по дороге в деревнях приветствовали с флагами и прочим. Люди с позором прогнали с площади министра здравоохранения, который вышел и стал рассказывать про коронавирус. Люди скандировали: «Хватит врать!». У чувака, который ездит на «Фургаломобиле», менты отобрали права, он пришел и пожаловался толпе, толпа пошла отбивать машину. Вроде ничего не добились, но потом он вернулся и сказал, что права ему вернули, всех благодарил. В общем, было массово, народ от антипутинских лозунгов не отказался, хотя и мало их юзал.

Очень мешала жара, просто адская, мы купили несколько стяжек воды и раздали её тем, кто шёл в колонне. Потом мы увидели, что так же делали другие: раздавали воду и даже мороженое.

Что будет дальше, сильно зависит от ситуации и поддержки в других регионах. Если везде будет тихо, то власти всё же могут решиться привезти сюда ОМОН с запада, и тогда ситуация может развернуться по-всякому. Но более вероятно, что они рассчитывают взять измором, надеются, что протест выдохнется. А пока не принимать решений.

Выдохнется ли протест, зависит от многих факторов. Люди, конечно, устают, это неизбежно, но пока что справляются. Пока разочарования нет, мораль — на высоком уровне. Во время протеста

люди общаются между собой, обмениваются своими историями и наболевшим, стараются оказать помощь друг другу и предотвратить какие-либо потенциально неблагоприятные ситуации.

Сегодня была поддержка края, [проехали] эти автомобилисты, прошли крупные акции в Комсомольске, в Ванино, в Заветах Ильича, в поселке Маяк, во Владивостоке — это всё хорошая поддержка. Все дружно и с отвращением относятся к высказываниям Соловьева, Киселева, Эрнста, местного мэра Кравчука. Последнего сегодня звали выйти к людям на площадь, так он сразу стал отказываться от своих слов, к людям не выходит, боится.

Сейчас заявили, что Фургала будут держать до сентября, это порядочный срок, нет прецедентов, чтобы люди устраивали такие ежедневные протесты полтора месяца. Люди устанут и перестанут этим заниматься. Помогло бы изменение формы протеста, но пока признаков этого нет, пока всё продолжается по примерно одной схеме. В любом случае край останется протестным как минимум в вопросах голосования. Через какое-то время назовут заместителя, временно исполняющего и вряд ли найдется такой, кого люди поддержат. Эти акции не только помогли людям справиться с шоком и восстановиться, но и добавили огромную долю солидарности и гордости за край и друг за друга.

О протестах

в предыдущую неделю

10 ИЮЛЯ

Ситуация вокруг ареста Фургала — это только формально дело о бандитских разборках («90-е» в Комсомольске-на-Амуре продолжались все 2000-е, так называемая путинская стабильность промелькнула там в 2007-08 годах, быстро сменившись новым периодом экономического кризиса). В первую же очередь этот арест — нападение на жителей Хабаровского края, посмеявших третий год подряд электорально успешно реализовывать тактику протестного голосования.

Давление на край началось ещё с первого года, с неожиданной победы Фургала, даже при том, что он выступал как довольно лояльный федеральному правительству политик. Все мы наблюдали как ещё единоросовская тогда дума саботировала чисто хозяйственные инициативы нового губернатора, стала сразу же ограничивать его полномочия. Тем же занимались единоросов-

ские чиновники в правительстве края и мэриях Хабаровска и Комсомольска. Тогда же, с первых дней, в СМИ началась откровенно очерняющая информационная кампания, продолжающаяся до сих пор. Перенос столицы Дальнего Востока во Владивосток (замечу, что эта попытка метрополии разобщить жителей Приморского и Хабаровского края — вместе голосовавших протестно — не дала ожидаемого результата), рейдерский захват завода «Амурсталь» и само это уголовное дело — всё выше перечисленное — звенья одной цепи, цель которой принудить жителей протестного края к полной иррациональной самоубийственной покорности.

Даже те, кто не голосовал за Фургала и ЛДПР, не поддерживал его открыто и вообще относился к нему скептически, критиковал, ощутили некоторое чувство гордости за обновление политической жизни края, с уважением отнеслись к тем, кто сделал такой выбор. У людей нет сомнений, что Фургал — это человек, за которого правда проголосовали, а не нарисовали ему результат. Более того, это первый губернатор, который всерьёз отнесся к возложенным на него полномочиям, воспринимал их именно как ответственность перед своими избирателями, как право хозяйствовать, делегированное снизу, а не как пожалованную сверху барскую вотчину. Поэтому даже они (люди, критически относящиеся к ЛДПР) ощущают сегодняшнюю ситуацию как попрание демократических прав жителей края.

Фургала посадят вне зависимости от степени его виновности или невиновности, и это не только унижение прав Хабаровского края, но и сигнал всем регионам в связи с предстоящими осенними выборами. Это публичная порка с целью запугать оппозиционных кандидатов по всей стране и деморализовать избирателей.

Что будет дальше? Выйдут ли жители на очевидно несанкционированный протест? ОМОН уже перебросили с других регионов? Будет ли винтилово и рандомные уголовные дела о стаканчиках и урнах?

14 ИЮЛЯ

Новость о задержании губернатора сразу широко разлетелась, тем же утром. Это было, с одной стороны, намеренно сделано силовиками, очень картинно опубликованными видео тут же после задержания. Намерение вызвать шок и оцепенение вылилось однако другой стороной — люди стали обзванивать друг друга, передавая новость, обсуждая, восстанавливая и налаживая социальные связи, атакуемые практикой властей запугивать и унижать.

В соцсетях начали генерироваться идеи, как выразить протест. Тут же воспроизвели сработавшую в прошлом году с Голуновым модель «Я/Мы!». За первые несколько часов петиция в поддержку Фургала набрала больше 10 тысяч голосов (через 3 дня там было уже 50 тысяч). Хэштеги #ямыфургал и #свободуфургалу разлетелись по сети. Не то чтобы кто-то верил в эффективность петиций и т.п. (этот формальный механизм коммуникации с властью давно ею же и дискредитирован, ведь петиции, собиравшие даже по несколько сот тысяч подтвержденных подписей на goi.ru, игнорировались и высмеивались), здесь скорее оказалась важной возможность солидаризироваться, прощупать наличие поддержки со стороны тех людей, с которыми не было прямого контакта.

Конечно, в стране куча разных требующих внимание проблем, куча более этически чистых поводов для протеста. Тема ареста Фургала же чисто технически оказалась очень удобным мобиливающим фактором. Усталость от сидения в карантине в сочетании с моментом, когда все уже к нему привыкли, когда он перестал сдерживать даже на официальном уровне, не помешав провести голосование о поправках. Нет ничего удивительного, что впоследствии попытка властей заблокировать площади под предлогом санобработки оказалась провальной, этот театр уже не воспринимался всерьёз. Об унижительном голосовании, конечно, тоже никто не забыл, оно было только что. Так что далее во время протестов, в кричалках на шествиях, в речах на митингах тема поправок будет регулярно возникать, как пик дискредитации механизма выборов, напрямую ассоциирующегося с нелегитимностью всей системы нахождения у власти президента и «Единой России», построенной на фальсификациях. Это кардинально отличается от отношения людей к губернатору Фургалу. Избранный в ходе протестного голосования и далее закрепленный протестным голосованием за ЛДПР в краевые и городские думы, он оказался абсолютно точно легитимен. А его арест оказался задевающим каждого избирателя или даже просто человека, уважающего демократический выбор края (чиновники, посаженные на своё место властью с помощью фальсифицированных выборов и этой же властью снятые, например, за коррупцию, не будут иметь и доли такой связи с гражданами, будут оставаться им безразличны).

Громкое, агрессивное задержание с увозом в Москву, похожее на похищение, информация о закрытости будущего судебного разбиратель-

ства, античеловечные методы правоохранительных органов (дело «Сети», построенное на пытках, громкие скандалы насчет пыток в системе ФСИН, практика фабрикации дел — тот же Голунов, дело «Нового величия» — непрекращающиеся репрессии против журналистов и активистов, убийства негодных политиков, блогеров за рубежом и представителей ЛГБТ) — всё это не добавляет доверия обвинению, построенному на показаниях человека, которого более полугодом держат в заключении в условиях информационной закрытости, не допускающей к нему даже близких родственников. Всё вышесказанное, накладываясь, делает в глазах жителей края обвинение Фургала в его бандитском прошлом не столь существенным по сравнению с имиджем остальной системы власти, ощущаемой как актуально преступной. В итоге поддержка Фургала строится не на оправдании его прошлого и убийств, а на полном неверии в способность власти провести справедливое разбирательство.

В первый же день в Комсомольске-на-Амуре была серия одиночных пикетов и небольшой стихийный сход протестующих, на второй день там же сход граждан повторился. В Николаевске-на-Амуре прошла акция автомобилистов. Всем было очевидно, что основной протест будет в субботу, и что он будет не согласован, так как система согласования митингов (превращенная из уведомительной — в разрешительную, а точнее, в условиях пандемии, в полностью запретительную) стала нежизнеспособной (даже без ситуации с COVID-19 законные сроки подачи уведомления требовали отодвинуть митинг

на целых 10 дней, то есть дальше ближайших выходных). Это отсутствие легальной возможности собрать митинг, закрывающее право существующих политических объединений стать его организаторами, поставило каждого отдельного гражданина в условия создания своего личного протеста и поиска относительно безопасных, юридически обтекаемых форм его проведения. Отсюда разнообразие методов протеста в городе, не имеющем долгого опыта крупных оппозиционных выступлений. Люди стали сами в полиграфиях делать себе наклейки на машины, печатать футболки, плакаты, листовки, раскупили флаги Хабаровского края в магазинах — кто что сообразил. Таким же образом стали использоваться свистки, фанатские шумелки, музыкальные инструменты (губные гармошки, гитары), магнитолы в машинах и, конечно же, автомобильные гудки, оказавшиеся максимально удобным инструментом крика. Сигналиющая машина — едет ли она в потоке других машин, медленно ползёт в колонне протестующих или просто стоит на перекрестке — становится существенной формой поддержки протеста.

Вечером в пятницу в Хабаровске прошла акция раздачи партии листовок и наклеек, собравшая несколько сот человек. А в Комсомольске прошла небольшая автомобильная акция.

Утром субботы площади Хабаровска (Комсомольская и Ленина), а также площадь Ленина в Комсомольске-на-Амуре оказались ограждены под предлогом дезинфекции: на площадях стояли цистерны, рабочие поливали брусчатку из шлангов, трактор с ковшем картинно наматывал круги, создавая видимость деятельности. Вокруг площади тусовались группками по 2-4 человека в штатском характерной правоохранительной наружности. За зданием правительства расположились несколько автозаков и автобусов с ОМОНОм.

Жители города стали потихоньку собираться и курсировать возле площади Ленина, обрывая с ограды листы с предупреждениями об эпидемии, часть ушла на Комсомольскую площадь, где ограждение было более жидким. Проезжающие мимо машины начали сигналить, высказывая возмущение блокированию площади. К 12 часам вокруг площади уже было несколько тысяч человек. Собираясь на возвышенности вокруг не огражденного памятника Ленину, они развернули плакаты и стали скандировать. Самым популярным был лозунг «Свободу!». Люди продолжали прибывать в большом количестве, делая крюк по дорожным переходам, так что вокруг памятника становилось уже тесно. Несколько пар-

ней перебежали дорогу и начали расшатывать ограду площади, за ними тут же ринулась часть толпы, ограду быстро расцепили и растащили. Народ хлынул на площадь, вновь приходящие уже напрямую шли туда, через какое-то время также убрали заграждение моста пешеходного перехода с другой стороны площади. Несколько сот людей с плакатами остались на памятнике, на площади было около 10 тысяч, и народ быстро прибывал.

Проносящиеся мимо машины продолжали гудеть. Полиция перегородила дорогу, поставив пару своих тачек на переходе, это освободило проезжую часть, на которую люди двинулись теперь уже с площади. С этого началось шествие. Обогнув площадь, колонна устремилась по улице Муравьева-Амурского к Комсомольской площади, где к этому времени уже собрались тысячи. Вся улица от площади до площади была заполнена людьми: в одну сторону колонна людей, в другую — стоящие сигналившие в поддержку протеста машины. Протестующих насчитывают 40 тысяч, но оценить сложно: колонна расходилась по разным улицам и сходилась, шли параллельно по Муравьева и по Уссурийскому, по Шевченко мимо здания управления МВД и по Тургенева. Поднялись на площадь Славы, прошли по улице Ленина до площади Блюхера и по Пушкина вернулись на площадь Ленина, где продолжала оставаться часть протестующих, никуда не уходивших. Часть колонны двинулась и сделала ещё один такой же круг, после снова примкнув к протесту на площади Ленина. Весь центр города оказался охвачен протестом, кипел, кричал лозунгами и сигналами машин.

«Свободу», «Свободу Фургалу», «Я/Мы Фургал», «Позор Москве», «Путин вор», «Верните Фургала», «Фургала домой», «Фургала в Хабаровский край», «Путина в отставку», «Долой царя», «Это наш выбор», «Мы здесь власть», «Пока мы едины, мы непобедимы», «Лучшая поправка — Путина отставка» — такие лозунги заряжались хаотично в толпе, их скандировали громко, бодро (без стеснения, присущего акциям протеста в прошлые годы). Когда одна часть скандирующих, устав, замолкала, лозунг подхватывала другая часть, и он не смолкал. Самым востребованным оказался лозунг «Свободу», понимаемый, конечно, не только узко как «Свободу Фургалу», но и расширительно, как универсальная ценность, как свобода каждому человеку или конкретным заключенным, как свобода от диктатуры и репрессий, как свобода краю и всей стране, как запрос на федерализацию, свобо-

ду слова, свободу выбора, как общий запрос на демократизацию.

Вернувшись на площадь Ленина, люди сдвинулись к зданию правительства, поднялись на ступени, подёргали дверь, но ломиться не стали — развернулись обратно к площади, образовав тем самым что-то вроде трибуны, удобной для размещения плакатов, продолжали скандировать. Группа полицейских поднялась туда же, встав между дверью и протестующими, но в двери никто не ломился, люди на ступенях обращались к людям на площади, никаких провокаций со стороны протеста или полиции. Конфликта ноль. Аналогично во время шествия полиция перекрывала дороги, освобождая от машин пути следования людей, как это делают во время парадов, впрочем следующий день показал — это было не обязательным: демонстрация из людей отлично соседствует с демонстрацией из машин, пропуская в случае надобности друг друга на перекрестках (и акция продолжается, и проехать можно). За отсутствие провокаций и невмешательство протестующие несколько раз заряжали «Спасибо» в благодарность полиции.

Через какое-то время из здания правительства вышли представители пресс-службы и аппарата губернатора с мегафонами. Понапрасну перепуганные тем, что протестующие могут начать штурмовать, они пытались уговорить людей разойтись, мотивируя это распространением вируса и необходимостью поддерживать губернатора исключительно в рамках закона — всё это тут же отвергалось людьми, отдельные фразы из мегафона напрочь заглушались ответными лозунгами с площади. В итоге пресс-служба предложила вынести столы, где собравшимся можно будет подписать петицию и разойтись. Ответ был в духе: «Что хотите то и делайте, а мы не уйдём». Столы и правда вынесли, петицию подписывали, но далеко не все: мало кому это было интересно, потому что в это время по рукам пошёл мегафон пресс-службы. И если ступеньки были превращены в трибуну, то мегафон дал возможность собравшимся говорить уже не отдельные лозунги, но целые речи. Высказывались все, кто хотел, толпа активно поддерживала требования: «Вернуть Фургала в Хабаровский край и проводить открытое расследование, открытый суд, с обеспечением прозрачности состояния свидетелей». Высказывалась критика федеральной власти, всего правительства, полпреда и президента, недовольство социальной и экономической политикой центра, коррупцией и фальсификаци-

ями, блокированием демократических и федералистских институтов.

Отдельные представители ЛДПР, присутствовавшие в толпе, не проявляли активности, не брали речь, понимая, что они будут лакомой целью для обвинения в организации митинга. Журналист Романов высказал свою гордость за хабаровчан, показавших пример другим регионам и всей стране. К середине митинга от местного штаба Навального выступил Алексей Ворсин, лозунг «Россия будет свободной» был подхвачен собравшимися. Кто-то вспомнил о ситуации вокруг художницы из Комсомольска Юлии Цветковой, которой шьют отвратительно абсурдные обвинения в порнографии. Большую же часть времени в мегафон высказывались люди заранее не политизированные, искренне выражавшие накопившееся недовольство и боль — как по лично сложным обстоятельствам, так и по вопросам, касающимся всех граждан.

Митинг продолжался примерно до 16:30 и мирно разошелся. За время проведения этой акции не было никаких намёков на беспорядки, ничего не разбили, не сломали, никто не пытался с кем-то подраться или просто неадекватить. Многие были поражены и восхищены уровнем сознательности (в том числе на контрасте картин из других стран и репортажей из СМИ, демонирующих всякий протест). Чувствовалось, что люди относятся к городу как к своему, хотят жить мирно и спокойно, в условиях свободы и благополучия, в условиях, когда их голос значим. Многотысячная стихийная акция, охватывающая целый город, может быть мирной и ненасильственной. Что для этого нужно? Сознательность граждан и отсутствие провокаций со стороны полиции.

Абсолютно аналогичная акция прошла в Комсомольске, где жители города также проигнорировали бутафорские работы по дезинфекции, заполнили площадь, прошлись по центральным улицам, митинговали у зданий правительства и на набережной, устраивали автомобильные пробеги. Кроме Хабаровска и Комсомольска, свои акции провели Амурск и Николаевск, Ванино и Совгавань, Охотск, даже совсем небольшие поселки: Горин, Хурба, Эльбан, Корфовское и другие.

Мирный характер был полностью присущ и воскресенью, что опять же доказывает, что протест — даже не согласованный и повсеместный — может оставаться абсолютно ненасильственным, протест — это не беспорядки. За день протестующие также намотали несколько

кругов по Хабаровским улицам и затем вечером, когда стемнело и стало прохладней, дали ещё пару кругов. На здании правительства штаб Навального несколько часов вёл трансляцию митинга. Такой концентрации народа, как в субботу, уже не было, колонна набирала около 5 тысяч, но в общем за день протест был не меньше, просто люди постоянно сменялись. Зато больше стало протестующих на автомобилях, пробеги прошли по разным районам, весь город ревел сигналами с обеда, центр города — до 12 ночи. За день полиция задержала четырех человек, но судя по всему характер их задержания не был связан с протестом: отдельные личности на эмоциях перебрали с алкоголем. Полиция, зашедшая утром с щитами в здание правительства, больше ими не светила, ОМОН просидел весь день в жарких автозаках и не показывался. Утром субботы в Комсомольске к парню, проводившему одиночный пикет, пожаловала полиция, на что тут же приехали журналисты местного ТВ — претензии полиции исчезли.

В понедельник вечером в Хабаровске, несмотря на усталость после двух длинных дней протеста и конец рабочего дня, на площади собралось за тысячу человек. Схема протеста была та же: шествие по улицам, скандирование у здания правительства, несколько десятков машин кружили с сигналами и флагами по городу (кажется, впервые появились флаг ЛДПР и красный советский флаг). Комсомольск также продолжал протестовать. Приезд полпреда Трутнева в Хабаровск сопровождался слухами, неизвестной степени достоверности, о прилете самолета с росгвардейцами, что не добавило уважения к центральной власти. В этот же день среди протестующих стали появляться первые очевидно засланные провокаторы, разжечь конфликт у них не получилось. Часть провокаторов была распознана протестующими, под давлением общего требования удалиться и пристальным надзором объективов камер они ретировались. Возможно, допущение существования мирного протеста не укладывается в чьи-то головы и ситуацию собираются изменить. Однако хабаровчане в очередной раз проявили выдержку и сознательность.

15 ИЮЛЯ

Лозунгов про «Сжечь Москву» я не слышал совсем, максимум — «Позор Москве» и прочие вполне общероссийские лозунги, густо встре-

чающиеся последние годы на митингах оппозиции.

Запрос на федерализацию, конечно, есть. Антимосковские настроения, понимаемые главным образом как антицентралистские в сферах политики и экономики, свойственны всем протестам в регионах, включая Московскую область. Прошлый год (опыт Шиеса и Ингушетии) показал, что власть центра может отступить в том случае, если протест длителен и настойчив (это раз), если такие протесты идут сразу в нескольких регионах (это два). Высоко мотивированных, жирно задобренных силовиков, которых можно прислать из других регионов, может не хватить сразу на несколько точек протеста. Хабаровский край в этом плане неудобен власти, десант везти придется уж слишком издалека, но с другой стороны — и народ тут не богат опытом длительного и серьезного противостояния (в случае силового разгона не очевидна его способность дать отпор). В этой ситуации протестующие Хабаровского края, продолжая свои акции, могут надеяться только на возникновение очагов протеста и массовую поддержку в других регионах — чего пока нет (одиночные пикеты, разовые акции солидарности и даже несколько рабочих погромов не достаточны). Понятно, что повестка протеста, узко связанная с персоной губернатора, во многом непонятна и чужда другим регионам, они смотрят на Хабаровский край как на протест, поднимающий общероссийские демократические, федералистские и антирепрессивные требования.

В эффективном протесте всегда есть требование близкое, быстрое в осуществлении, конкретное. Здесь это требования открытого суда, проведения расследования и суда на территории Хабаровского края или даже снятия обвинений. Это требования, касающиеся персонально губернатора. Такие требования становятся программой, конкретными уступками, на которые может пойти власть здесь и сейчас (скорее частично, чем в полной мере), признав победу протеста без сильного ущерба своему имиджу (или даже сохранив его, делая мину законности и непредвзятости), однако с сохранением впоследствии (когда протест стихнет) возможности отыграть назад.

Второй необходимой составляющей протеста, надеющегося победить, являются расширительные требования, в некотором смысле они санкционные по отношению к власти, не идущей на уступки в вопросе первых требований. Такие требования более абстрактны, они остаются на уровне лозунгов, на уровне мак-

симы, и по сути невозможны для выполнения центральной властью без признания поражения (это требования переустройства системы, больших реформ, прав, отставки центральных органов власти и т.п.). Но именно на эти требования смотрят и именно на них находится отклик у тех, кому недоступна узкая локальная повестка в силу удаленности и непричастности (требование свободы отдельного человека — например, Голунова — мало интересно заранее политически невовлеченному человеку, если оно не предполагает общего протеста против практики фабрикования дел, против репрессий вообще и в целом свободы слова).

И первый, и второй тип требований — необходимая часть успеха. Первые концентрируются в виде конкретных резолюций, вторые формируют ореол серьезности намерений. Исключение того или другого губительно. Это либо (если исключается первый узкий вид требований) распылит протест, сделает его не предметным, а при некоторых обстоятельствах движущимся в сторону насилия, либо (если исключаются широкие требования) резко снизит численность поддержки протеста, обескровит его, закроет механизмы солидарности.

Сейчас основные требования протестующих такие. Они оформились из самого

протеста и на нём озвучивались в виде лозунгов:

1. *Перенос судебного заседания из Москвы в Хабаровск;*
2. *Открытое судебное заседание;*
3. *Суд присяжных;*
4. *Владимир Жириновский оказывает юридическое подтверждение озвученных требований;*
5. *Сергей Фургал остаётся на должности губернатора до тех пор, пока не будет доказана его вина в суде.*

На житейском языке все знают поговорку «Хочешь получить 100 — проси 200», языком классики протеста: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!».

Представители местной ЛДПР уже включили «полицию лозунгов», и она постепенно распространяется в среде стихийного протеста, становится созвучной с запретительной (в плане проведения протестных акций) риторикой других чиновников и полиции. Это потенциально способно расколоть протестующих и погасить протест. Пока он поддается, но не стихает и не ведется на провокации.

Xadad
специально для Avtonom.org

АНТИJOB

Представляюсь. Я из команды проекта antijob.net, опустим подробности личности, и эта колонка будет посвящена проекту и перспективам. Авторская колонка на то и авторская, что излагаться будет все не в жанре мнения коллектива, а в качестве моего личного мнения участника коллектива.

Немного истории

Проект существует дольше чем некоторым из анархистам лет от роду, он стартовал в 2004 году, со скромными планами собирать отзывы о работе с молодежи, но совершенно внезапно вырос в нечто большее, гораздо большее.

Сегодня посещаемость проекта около 30–40 тысяч пользователей в сутки. В месяц приходит около 1,5 тысяч отзывов и каждые пару дней пишут люди которые смогли вернуть зарплаты или получить компенсации. Проект совершенно невероятным образом нашел нишу и плотно в ней осел.

С 2015 года проект явно нащупал потолок по посещаемости. Появились копии проекта, некоторые полностью копировали сайт (antijob.ru) другие только идею отзывов (orabote, otrude), но все они так или иначе оттягивали часть аудитории.

Проект никогда не скрывал политической основы. Мы не снимаем отзывы за деньги и наша идея пропаганды всего хорошего: прямого действия, самоорганизации, рабочего самоуправления — основная мотивация продолжения работы над ним.

Компромиссы с реальностью

Это участь которая ждёт, вероятно, все «большие» проекты. Когда в политике конфиденциальности riseup.net вы видите абзац про защиту авторского права, не стоит думать, что она была принята из за заботы об «авторах» (тем более, все

мы знаем, как оно работает в реалиях капитализма). Уходить от регуляции государства большим проектам попросту сложно.

Чаще всего крупный веб-проект это вопросы постоянной инфраструктуры в которой много переменных, на которые можно влиять государству: хостинговые компании, доменные регистраторы, сервисы маскирующие ip-сервера, платежные каналы для сбора донатов, рекламные сервисы. Все они требуют идентификации. На сегодняшний день существование большого проекта на анонимных данных почти невозможно.

Наш проект больше трех раз выгоняли с различных хостингов и доменных сервисов из-за жалоб или же судебных решений, иногда просто удаляя сайт целиком. Каждый переезд связан с огромным количеством работы и оттоком пользователей.

Регулятор не дремлет. Мы снимаем отзывы по требованию РосКомНаздора, зная, что после блокировки с нами останутся лишь 10 процентов пользователей (проверяли). Это значит, что наши доходы с рекламы, с которых мы оплачиваем сервисы, упадут в 10 раз, что очень быстро приведет к существенному ухудшению ситуации с проектом. Разумеется, и сама суть сервиса, который известен за счет индексации отзывов в поисковиках резко изменится, так как поисковики блокируют ссылки на сайт.

Так мы потеряли почти всех пользователей из Казахстана и Беларуси.

Наша попытка компенсировать эту вынужденную цензуру — честность, которой помогла бюрократия. Все удаляемые отзывы фиксируются

в решении судов, которые мы прикладываем при удалении. Это значит, прочесть отзыв, пусть и путем лишних усилий, но все таки возможно.

Реклама также стала нашим компромиссом. При всей посещаемости, аудитория сайта совсем не средний класс и наши пожертвования вкуче с не очень активным фандрайзингом крайне малы.

Сейчас мы занялись этим серьезнее, создали патреон и пытаемся продавать наш мерч. Все это будет еще долгое время соседствовать с рекламой, но чем больше доля фандрайзинга, тем меньше риска, ведь шанс, что нам обрежут рекламные каналы, всегда висит дамокловым мечом.

Второе дыхание появилось у проекта последние два года: мы проснулись, внимательно взглянули на сайт и статистику и поняли, что он устарел. Морально, эстетически, но не идейно. Последние два года наши цели: социальные сети, редизайн сайта, расширение функционала. Мы решили, что нам слишком мало быть просто «сервисом с духом анархизма», нам нужен полноценный портал, который будет освещать тему труда и доносить свой взгляд в её реалии.

Для этого мы возьмем все лучшее от того, что нас сделало успешным отзовиком, добавим медиа и постараемся приправить все это формированием комьюнити вокруг проекта. Получится ли? Узнаем.

Труд и развитие

Ирония в том, что в рамках работы над нашим проектом, мы, как и многие посещаемые сайты, сталкиваемся с целым потоком монотонной рутины, от модерации отзывов до попытки отбиться от очередной DDoS атаки. И эта рутина ест людей. Почти в прямом смысле.

Те, кто начинал проект, со временем покинули его, ушли те, кто писал код, модерировал соцсети, а те, кто остались, были вынуждены наскоро учить основы серверного администрирования, html-верстки и судорожно искать тех, кто готов за идею работать много. Как можете догадаться, задача нетривиальная. Взамен уже опытных кадров приходят неопытные, вся деятельность превратилась в круговорот обучения.

Перед проектом встает выбор: числом или усердием. Мы пытались числом, но найти тех, кто выполнял бы некоторые рутинные задачи регулярно, оказалось невозможно, тех же, кто готов бесплатно программировать или с нуля этому обучится, так же не густо. Не самое приятное после рабочих будней — тратить время на сервис. Это

не так интересно, как бегать с флагом, и не с ментами пиздиться, нет адреналина. Нас сравнивали с интернет-профсоюзом, и по части огромного числа скучной, но важной работы это так.

Рабочая этика

Мы пошли иначе и перевели на оплачиваемый труд часть провисающих задач, благодаря этому наши соцсети усиленно растут. Задачи, связанные администрированием сервера, мы также оплачиваем. Программой максимум сейчас является штатный разработчик, для которого у нас есть много работы и чье время мы могли бы компенсировать ожидая, что сайту будет уделяться не больше времени, чем «пара часов на выходных».

Другая проблема — идейные требования. Наш формат подразумевает включение людей в принятие решений: регулярно оплачивать труд, не включая в процесс нельзя, а включать людей, имеющих непонятные взгляды, в решения по будущему проекту — не самая лучшая идея.

За годы изменилось многое, но не суть организации. Разумеется, как и во всех проектах, мы имеем диспропорции ответственности. Они рождены именно характером труда участников. Фриланс даёт больше свободного времени, постоянная работа — значительно меньше, не совпадают рабочие графики. Решить это в рамках неоплачиваемого труда — задача непосильная. Сегодня наш коллектив — взрослые люди, кто-то с семьями и детьми, для них не очень свойственно проводить лишние 8 часов в неделю на собрании.

Однако все важные решения по-прежнему принимаются коллективно, именно поэтому приходится внимательно взвешивать новых участников: различие мнений внутри коллектива легко может тормозить процесс или саботировать развитие. Пока, несмотря на разные взгляды, справляемся. Не скажу, что все согласны со всем, кое-что решаем не консенсусом, но компромиссом.

Новый антиджоб

По мере сил и времени мы стараемся формулировать наши цели, которые нельзя назвать неизменными. Самые актуальные сейчас — это создание комьюнити связанного с темой труда.

Эта тема традиционно левая, а вот анархисты в ней представлены почти никак, несмотря на частую риторику про классовое сознание. У нас

непрерывно идут споры внутри коллектива о том, с кем нам стоит взаимодействовать, а с кем — нет. И ладно бы вопрос был лишь о внутри анархистских кругах, но наша деятельность (если мы хотим охвата) задевает и более «традиционных» левых, среди которых есть и троцкисты, и сталинисты, кроме того часть профсоюзов, которые изредка что-то делают, вполне могут состоять в том же ФНПР (кто не знает это провластная организация).

К мысли о том, что необходимо не только призывать к самоорганизации, пришла в результате пропаганды концепции «Сети солидарности», которая в российских реалиях наткнулась на почти идентичные проблемы у разных групп и регионов. Их деятельность часто сводилась к «Тимуровщине», то есть сами обманутые работники редко были инициативны, а после завершения кампании и вовсе терялись.

С другой стороны, наша попытка агитировать за всеобщую забастовку среди протестующих против пенсионной реформы. Многими рядовыми участниками протеста она была встречена на ура: 14 тысяч пользователей прошли опросы, среди

которых более 60% высказывались за эту идею. Однако независимые профсоюзы, с которыми вышли на связь, совсем не были готовы к таким мерам. И отчасти причина в недоверии, история взаимоотношений все-таки важна.

Если вкратце: на базе тех ресурсов, которые мы можем собрать как отзовик и в целом востребованный проект, мы планируем нести именно повестку основанную на критике наемного труда, иерархии в трудовых отношениях и неравенства. Для части команды (в том числе для меня) это является практическим и эффективным и перспективным способом пропаганды анархистских идей, для тех же, кто анархистами себя не считает, это ценно само по себе как способ освобождения людей труда.

Да будет классовая ненависть и дискриминация по отношению к богатым и тем, кто использует наемный труд.

М.А.

ИГРА В КОШКИ-МЫШКИ С ДРАКОНОМ

От редакции «Автонома»: этот текст — рецензия на книгу Евгения Когана «Мы придём ещё». Личная хроника «болотного дела». Книгу издал Common place в 2020 году.

ИНОГДА вспоминаю шестое мая 2012 года. Возле Болотной площади, сквера, набережной и моста через реку — самый разгар столкновений демонстрантов с полицией. Стенка на стенку. Стенка штатских, не вооружённых ничем, кроме флагов, молодых людей стойко сдерживает бронированную стенку, ошестинившуюся и огрызающуюся оружием; периодически в многотысячную толпу оппозиционеров со скрежетом и грохотом врываются полицейские клинья и, сбивая на землю, уволокаивают добычу назад. Но часто они получают отпор: полицейских тоже сбивают с ног, а отнятыми у них щитами и шлемами победно и горделиво увешивают деревце у реки, напоминая мне этим древние римские трофейные деревья в честь богини Победы. Туда-сюда порой летают камни и бутылки. В битве активно участвуют едва три-четыре тысячи людей, а ещё десятки тысяч сочувственно и пугливо наблюдают: с площади, из сквера и с другого берега реки, поддерживая демонстрантов ободряющими криками и стыдя и проклиная полицейских, поднявших бронированный кулак на москвичей. (Где-то на этом месте два с половиной века назад принародно отрубили голову Емельяну Пугачёву, вспоминаю я весьма кстати.)

Я останавливаюсь в сотне метров позади от «линии фронта» и эпицентра сражения. Рядом деловито устанавливают палатки. Есть среди них и одна наша, анархистская. Это, скорее, символ, заявление о намерениях — удержать за собой городское пространство против такой карательной машины почти невероятно.

И вдруг ко мне резко оборачивается какой-то бурно ликующий здоровенный парень в свитере и кепке.

Потому что «болотное дело» — это такая штука, от которой невозможно отгородиться, даже если очень хочется, даже если некоторым кажется, что им это удастся. — 7 октября 2013 года из книги «Мы придём ещё»

Он приплясывает и подпрыгивает в эйфорическом восторге. Его переполняют и распирают чувства, (в таких ситуациях люди быстро знакомятся). Он кричит: «Такого в Москве ещё никогда не бывало!». Время и место не совсем подходит для учёных лекций, но историк во мне никак не может промолчать: «Ошибаетесь, молодой человек. Подобное в нашем городе бывало — и неоднократно, и куда более масштабно. Общество уже не раз раньше давало отпор наглому государственному произволу». «Когда же это?» — с изумлением и недоверием вопрошает он. Что мне ему сказать? Не будешь же напоминать о Медном Бунте или о славном и страшном баррикадном Декабре 1905 года? «Ну, например, первого мая 1993 года возле памятника Гагарину на Ленинском проспекте случилось куда большее побоище между москвичами и ОМОНОм». «Ну, меня тогда ещё и на свете не было!», — досадливо отмахивается он, словно я рассказываю ему сценарий фантастического фильма об альтернативной и невозможной Вселенной.

И ещё одно воспоминание о том дне. Долгий и ясный майский свет меркнет в подступающих сумерках. Многие сотни людей уже схвачены полицией

и увезены в плен, сотни избиты и изувечены, сопротивление подавлено. Площадь, и набережная, и сквер, и мост остались за полицейским государством. Ничто и никто теперь не мешает инаугурировать Путина в оккупированной и настороженно молчащей столице, зачищенной полицейской дубинкой от жителей; народ не прошёл к Кремлю. Пустынно. Последние люди боязливо и угрюмо расходятся (пора и мне!), а цепи солдат и полицейских победно-уныло остаются возле моста, как и плотно (мышь не проскочит) сцепленные ряды сверхтяжёлых грузовиков, защитившие Москву от москвичей. К оцеплению быстро подходит девушка. Она замедляет шаг, идёт вдоль военных и останавливается возле каждого. Перед лицом каждого человека в форме она раз за разом на мгновение молча и сосредоточенно поднимает средний палец правой руки. Персонально каждому. Потом переходит к следующему. Она молчит, и они молчат. Всё и так слишком ясно. Не нужно слов, укоров, криков ярости и презрения. Словно череда коротких выстрелов в упор из пистолета — прицельных и лаконичных. Попала ли она в цель? Не знаю.

II

МЫ ЖИВЁМ в потоке суеты, в узком, удушливо тесном и эфемерном сегодня. Не помним о вчера и не прогнозируем завтра. И слишком быстро забываем. Сегодня что-то случается: взрывают самолёты и дома, власти сажают и пытаются прекрасных людей, развязывают от нашего имени войны, совершают политические убийства оппонентов, избивают целые города и стирают с лица земли целые деревни (вы ещё помните о башкирском Благовещенске, почти поголовно перепоротом разъярённым ОМОНОм, или о городе Советске под Выборгом, где войска и полиция стреляли в бастующих рабочих, захвативших свой завод, или о чеченской деревне Самашки, чьё население уничтожили каратели федералы, или о концлагере в Чернокозово?). Афганская авантюра (стоившая афганскому народу миллион жизней советская интервенция), Чернобыль, Беслан, агрессия на Украине... Сегодня что-то случается — вызывает слабую рефлекторную реакцию малокровной и привычной ко всему души — завтра уходит вдаль — послезавтра напрочь стирается из заботливо забывчивой памяти. Незакрытые коллективные травмы, непроговоренные злодеяния, невыученные и неосмысленные уроки, неотомщённые жертвы, вечно новенькие блестящие грабли. Не первые репрессии и, конечно, не последние на нашем веку. И вот эта книга: выделяет важное, останавливает внимание, наводит фокус.

*Когда-нибудь мы вспомним это
И не поверится самим...* (Булат Окуджава).

А вот этого не надо — надеяться на «когда-нибудь потом» и на «вспомним!» Это — крупнейший коллективный политический процесс в истории новейшей России — нужно не забывать сейчас. (Смотри выше — эпитафия).

Все здесь названы по именам: и судья Никишина (судья по «первой волне» болотного дела, по «делу двенадцати» (ставшего, после частичной амнистии «делом восьми»), а будет и «вторая волна» и даже «третья»), и омонцовцы, «потерпевшие» по делу, и те, совсем немногие из них, кто честно краснел в суде и отказывался от статуса «потерпевшего»... Как пел по сходному поводу Александр Галич: «Мы поимённо вспомним всех, кто поднял руку».

Шестого мая 2015 года автор записывает в своём дневнике: «Новый учебник истории ещё не написан. Всем всё равно — кто, как говорится, забыл, а кто не помнит. Сегодня — три года. «Болотное дело» продолжается.»

Да, проходит год, другой после 6 мая 2012 года. Начинается война с Украиной и вторжение в Сирию, пенсионный грабёж, демонстративное убийство Немцова и многие другие убийства, устроенные властью. А «Болотное дело» всё тянется. Всё новых людей хватают и бросают в его котёл — десятки, в устрашение тысячам. Потом проходит ещё год, другой: а «болотники» всё сидят и сидят. И так устроено наше суетливое услужливое интернетизированное внимание, неспособное задерживаться на чём-то, что об этих сидельцах не помнит почти никто, кроме пары сотен друзей и родственников.

Эта книга помогает сосредоточиться на важном, выйти из потока повседневности, склоняющего к малодушному предательству и растворению важного в неважном, порождающего короткую память и сумеречное самосознание. Она помогает не забывать о героях и жертвах Шестого Мая на Болотной. И не забывать о судьях и прокурорах. Надо помнить — и о героях, и о палачах.

III

ЭТА КНИГА ставит и фиксирует важные, вечно актуальные проблемы: о путях сопротивления общества государству, о противодействии полицейскому насилию, о праве общества на самооборону, о праве людей на протест, на свободу слова и собраний, осуществляемую явочным путём (у анархистов это называется «прямое действие» — действие, без посредников и санкций), о борьбе людей за публичное городское пространство и о возможностях сопротивления в тюрьмах и судах, о солидарности и товариществе, о трусости и рав-

нодушном забвении. Об отречении под предлогом беспамятства. Это не просто «памятник эпохе», но анатомия и фиксация того, как работает карательная машина государства — и в её пропагандистской, и в её «следственно-судебной и пенитенциарной» ипостасях, как устроены её гигантский кнут и крошечный пряник. Здесь немало материала для вопросов — а ответы давать читателям.

Вся эта книга — хроника. Но хроника чего? Только ли процесса по «Болотному делу»? Это ещё и хроника жизни страны, увиденной через зеркало этого процесса. Хроника разбивающихся месяц за месяцем наивных иллюзий автора дневника. Это история полицейского беспредела, государственного насилия и вранья, история репрессий, история позорной пассивности общества к судьбе случайно выхваченных из его среды людей, история массового безразличия и трусости, выученной беспомощности большинства и самоотверженности немногих. Но это и история попыток (не совсем безуспешных и совсем не бессмысленных) сопротивления, солидарности, товарищества, осознания и взросления (через избавление от иллюзий и опыт совместного противостояния). Это хроника российской жизни 2012-2015 годов в перспективе «Болотного дела» и хроника «Болотного дела» на фоне жизни России, где, по словам вечно актуального Саши Чёрного: «единственные новости — парад и мордобой».

Вот «фон», на котором разворачивается и через который высвечивается основной сюжет книги: вот дело Пусси Райот, вот преследования многострадальной энбэпэшицы Таисии Осиповой из Смоленска, нижегородское дело (местный центр «Э» сфабриковал организацию «Антифа Раш» — предвестие будущих дел «Сети» и «Нового величия», сфабрикованных карателями по тому же лекалу, но в БОльших масштабах). Вот появляются и исчезают подзабытые уже слова из той эпохи — «Оккупай СК», «Координационный совет оппозиции», «Комитет Шестого Мая», «марш миллионов», — а вот убийство Немцова, захват Крыма, нарастающее «победобесие» и милитаризация страны, черносотенный погром магазинов и овощной базы в Бирюлёво (погромщики как люди «классово близкие» режиму не понесли особой кары — то ли дело произвольно назначенные участники «массовых беспорядков» на Болотной!), помпезное открытие бюстов и музеев Сталина по всей стране, волна бесстыдного патриотизма, аресты и эмиграция общественных активистов — как недавно и как давно всё это было! И когда всё это закончится и станет только историей?!

Автор удачно соединяет в своём дневнике личные впечатления, переживания и наблюдения с документами: статьями, заявлениями, обращениями

по «болотному делу». «Новая газета», «Большой город», «Коммерсант», Лента-ру, ОВД-ИНФО, журналисты Светлана Рейтер и Дмитрий Бортко — герои и почти полноправные соавторы этой книги. Здесь мы видим взгляд человека информированного, искреннего, равнодушного, вовлечённого, фиксирующего всё по горячим следам событий, а не переписывающего былое «с высоты прожитых лет» и отчуждающей дистанции. Хроника явно преобладает над анализом и рефлексией, факты и наблюдения — над размышлениями и эмоциями. Хождение по судам и полицейским отделениям, сбор денег, переписка с арестованными, общение с журналистами, адвокатами и родственниками, пикеты, вечера солидарности, поездки на встречи с заключёнными — вся история репрессий и история помощи репрессированным разворачивается перед нами в режиме реального времени благодаря такому почтенному, но вымирающему ныне жанру, как личный дневник. Сама фрагментарность, сумбурность, мозаичность и отрывочность изложения и интерес к выразительным деталям и лицам соответствует аутентичному восприятию происходящего, когда автор — отчасти внимательный и честный свидетель и наблюдатель, отчасти заинтересованный участник событий — ещё не вполне знает, какой оборот примет дальше дело. Порой отстранённая документальность соседствует здесь с подчёркнутой субъективной вовлечённостью, создавая у нас эффект присутствия. Через эти эмоции и заметки мы оказываемся в самом потоке жизни, в самом центре драмы, разворачивающейся с лета 2012 по осень 2015 годов (хотя она и началась раньше и продолжилась позже — уже за рамками этого текста).

Обычно мы нечасто понимаем, что прямо сейчас, на наших глазах происходит нечто важное, и не даём себе труда это записать, запомнить. (Бывали редкие исключения, например, Эккерман, личный секретарь Гёте, который фиксировал для себя каждое слово гения, а потом опубликовал этот дневник и так вошёл в историю). Автор же хорошо осознавал масштаб и важность происходящего, скрупулёзно заносил в дневник — и факты, и фон, атмосферу происходящей драмы, и личные переживания.

IV

Я НЕ ЗНАКОМ с автором этой книги, но, как всякий личный дневник, она немало говорит о нём. «Я — человек литературоцентричный, много читающий», — констатирует он, и это, очевидно, так и есть.

Автор — близкий друг Степана Зими́на (анархиста, одного из «болотников»), очевидец, участник и хроникёр. Он не пишет, подобно Нестору-летописцу, «без гнева и пристрастия» — он и гневен

и пристрастен. Он человекен. Ещё полтора века назад, комментируя бессмертный завет Спинозы: «Не смеяться, не плакать, не отворачиваться — но понимать», Николай Константинович Михайловский резонно возразил: «Не смеяться над смешным — это именно что не понимать смешного». И не гневаться и не возмущаться подлым и позорным — значит не осознавать позора и подлости. Автор проявляет замечательную способность (утраченную слишком многими): ужасаться ужасному, изумляться абсурдному, стыдиться постыдного, негодовать на негодяев, за бездушной политикой видеть живых людей, фиксировать всё выразительное и важное. Он человек ангажированный, но не партийный, не просто свидетель событий, но и их участник — однако без предвзятости и фанатизма, с готовностью признающей свои ошибки.

Автор — живой и отзывчивый человек, исполненный живого сочувствия и деятельной солидарности к тем, кто попал под каток российского государства. Он не скрывает от нас (то есть от себя — ибо дневник ведь пишется исключительно для себя самого в интимном уединении) своих надежд, иллюзий и разочарований. В начале он восторгается «гениальным «Оккупай-Абаем»», полагает: «Казалось, российский протест растёт и крепнет». Он полон восторженности, либеральной наивной веры в правосудие и закон и, подобно болонскому юристу из стихотворения Николая Гумилёва, «он закона ищет в беззаконьи» и верит в силу мирного, разрешённого и узаконенного режимом протеста. А потом искренно признаётся: «Почему и как получилось, что я, убеждённый в возможности победы над злом, лишился надежды?». Ещё накануне оглашения приговора, 20 января 2014 года, он наивно и трогательно призывает и заклинает сам себя в дневнике: «Давайте, пожалуйста, думать о хорошем». Он верит в «законность» — как будто законы не являются всегда лишь эффективными и беспощадными инструментами карательной и бездушной машины государства. Однако постепенно у автора проходит доверие к судам и праву, вера в вождей оппозиции. Ведь, по известной анархической мудрости, которую я не раз вспоминал, читая книгу, «тому, кто любит колбасу и верит в законы, лучше не знать, как то и другое изготавливается». Многочасовые сидения в судах, стояния в пикетах, посылание писем через решётку тюремной цензуры и поездки с передачами для друзей отучивают автора от наивных иллюзий. Вера в мудрое право, в хорошие суды и гуманную полицию, в мудрых политиков и эффективность исключительно мирных и разрешённых акций не выдержала проверки «болотным делом» и поколебалась. Зато окрепла вера в человеческую эмпатию и стойкость. Поучителен извлечённый им урок: игра

с судьями и следователями, с чиновниками и полицией по их правилам и на их территории — безнадежная игра в карты с заведомыми шулерами.

Впрочем, взгляд автора книги — всё же взгляд на процесс со стороны сочувствующего, но не со стороны арестованных и сопротивляющихся. Это последовательно правозащитная позиция — в смысле защиты прав, а не фетишизации или оспаривания государственного права. Здесь даже не ставится естественный вопрос о выходе за рамки установленных властью флажков, о естественном и изначальном праве людей на сопротивление государственному насилию — но лишь вопрос об их «невиновности» или «вине» с точки зрения государства с его монополией на применение насилия и на установление правил-законов. Автор лишь свидетельствует об увиденном, не скрывая своих чувств; делать выводы — задача читателя. Впрочем, и автор хроники, судя по всему, сделал свои окончательные выводы из опыта пережитого: он уехал в эмиграцию в Израиль. Последуем за ним? Или, может быть, лучше пусть всё-таки уедут они — те, кто последовательно и безжалостно заставляет уезжать из родной страны нас? Вопрос остаётся принципиально открытым.

V

СЕЙЧАС, спустя восемь лет, всё более очевидным становится тот факт, что на «Болотном деле» власть впервые отработала некоторые приёмы и схемы репрессий против общества, которые в последующие годы стали для неё привычными и стандартными. И довольно эффективными, надо признать. (Подобно тому, как процесс над социалистами-революционерами 1922 года стал для большевистского государства прототипом всех последующих массовых судебных процессов и репрессивных кампаний). Укажу лишь на некоторые, наиболее очевидные приёмы и тенденции.

Первое. Создание (в юридическом и пропагандистском поле) «дела о массовых беспорядках» с участием «заграницы», которое позволяет бесконечно добавлять к числу задержанных и обвиняемых неограниченное число новых и новых жертв, развязывая властям свободу действий и держа под прицелом и в страхе всё общество. Принципиальна здесь неопределённость и «открытость» списка жертв государственных карателей: чтобы все боялись, чтобы можно было (у Сталина это называлось «тактикой салями», когда колбасу режут мелкими ломтиками) понемногу добавлять новых жертв политических репрессий; однократный арест множества людей мог бы спровоцировать взрыв общественного негодования и сопротивления, а растянувшаяся на годы ко-

медия правосудия с точечными ударами государства из-за угла по обществу одновременно и устрашает, и деморализует и парализует сопротивление. Группы риска одновременно и ощущают тревогу, и надеются: меня это не коснётся, может быть, если сидеть тихо, за мной не придут. Но придут — через пару лет. Ещё мудрый китайский легист Хань Фэй двадцать пять веков назад учил правителей быть непредсказуемыми и непостижимыми для своих подданных, тотально всех контролируемыми и манипулируемыми, но при этом бесконтрольными и непредсказуемыми.

Второе. Массовое содержание под стражей в пыточных условиях десятков людей до суда по полтора-два года с целью деморализации, изоляции и принуждения к содействию карателям. После чего они уже никак не могут быть оправданы нашими замечательными судами. (У нас же не держат по тюрьмам невиновных, и следователи с прокурорами не ошибаются?).

Третье. Иезуитское сочетание суровых, подчёркнуто хаотичных и немотивированных репрессий (огромного Кнута, хлещущего туда-сюда по обществу) с редкими — и тоже внешне не мотивированными — послаблениями (освобождение по УДО или амнистии) некоторых жертв, призванными подержать в обществе остатки доверия правосудию и веры в Доброго Царя, который «разберётся со злоупотреблениями» и, отняв у человека три года жизни, потом милостиво дарует ему год поблажки.

Четвёртое. Энергичные пропагандистские кампании в ТВ, подкрепляющие (и нередко — подло предваряющие) обвинения и расправу.

Пятое. Попытки (в духе якобинских процессов-«амальгам» эпохи Террора) разными путями — в том числе пытками и посулами или через внедрение провокаторов — склонить часть подсудимых к признанию своей «вины» (для придания хоть какого-то правдоподобия следствию) и рассмотрению дела в особом ускоренном порядке. После того, как прецедент осуждения человека (признавшего свою вину) создан, к нему легко пристягнуть ещё дюжину не признавших. А обещания, данные первому, вовсе не обязательно исполнять: мавр сделал своё позорное дело — мавр может ехать в колонию и на зону.

Полезно это понимать: что они делают с нами и намерены делать дальше. Но, пожалуй, ещё важнее понять (и книга эта заставляет об этом задуматься): а что делаем мы? И чего не делаем?

VI

ЧТО ДОЛЖНА делать мышка, попав в лапы и когти кошки? Признаться ей в любви, верности и лояльности? (То есть осуждать «провокации

и революции» и твёрдо настаивать на поддержке неуклонного соблюдения всех кошачьих законов?). Или вырываться, звать на помощь, протестовать и просить о пощаде голодного хищника? Или молчать, сохраняя достоинство в пасти кошки? Вопрос вечный и вечно актуальный в России. И что делать нам, тем, кто уже совершил мыслепреступление, но ещё не посажен на скамью подсудимых? Доказывать власти, что эти три десятка человек — невиновны перед ней? Или, напротив, заявить, что мы все — все полсотни тысяч человек, вышедших шестого мая на мост, — виновны в том же, в чём они: в нелояльности, непослушании, инакомыслии?

«Это же всё-таки не 37 год?!» — с сомнительным удовлетворением констатирует начитанный и хорошо знающий историю автор. Да, не тридцать седьмой. Сталинско-ленинские репрессии с десятками миллионов жертв (Голодомор, концлагеря, раскрестьянивание, Большой Террор) обескровили, обездушили, смертельно и навсегда опустошили страну. Теперь, конечно, не те времена: для устрашения общества достаточно арестовать не миллионы, а десятки, не расстреливать и не морить голодом целые губернии, а сажать «всего» на 3-5 лет, и можно даже дозволить адвокатов, пытающихся защитить подсудимых, и встречи, и передачи (хоть не всегда передаваемые), и письма (хоть и не всегда доходящие), и пикеты в их защиту, и какую-то поддержку, и солидарность. И всё же не надо иллюзий: это именно Репрессии, а не что-то иное. Это тоже Террор: расчётливый, точечный, с всегда открытым списком жертв и предсказуемо неотвратимым результатом. (На фоне которого все протесты — лишь акты личного экзистенциального выбора, но не расчётливой прагматики. Кто-то пошёл на сотрудничество с карателями — и сел; большинство отстаивало свою правоту — и все равно село.)

Не случайно автора дневника не покидает ощущение Абсурда. В происходящем Болотном деле можно выделить три слоя, три уровня смысла (бессмыслицы). Первый: видимое — соблюдается (далеко не всегда) видимость процедуры суда, исполняются внешние ритуалы, произносятся соответствующие случаю мантры. При этом всем очевидна произвольность (от слова произвол) всех репрессий: кого признать виновными, кого помиловать (амнистировать), кому сломать жизнь, кому лишь надломить. Сочетание формализма с беспределом и насилием. Второй этаж. Перефразируя известные слова Дэвида Юма, сказавшего, что мир — театр, подлинные пружины которого нам неведомы, этот политический процесс — театр, подлинные механизмы которого нам непонятны и неизвестны. Какие кабинеты, инстанции, лица, звонки всё решают здесь? Почему сажают и хватают вот именно

этих, а не тех? Тайна сия велика есть, и останется такой, как минимум, до будущей революции. Но вот на третьем, самом глубоком уровне — на уровне логики самосохранения Системы — логики запугивания общества выборочные репрессии, удары (иногда осмысленные, но чаще — методом случайного броска жребия) — здесь всё ясно и прозрачно. Так что, говоря словами Гамлета, всё это, конечно, безумие, подобное, например, террору Ивана Грозного, столь любимого нынешними правителями, но в нём прослеживается некоторая система и угадывается общий смысл.

И эта система проступает сквозь зловещую монотонность хроники этого дневника. Продление задержаний заключённых под арест, отклонение протестов и кассаций защиты, отклонение всех жалоб, новые аресты — для многих десятков человек это годы жизни. Слабые надежды и постоянные разочарования. Как в СССР: карательная психиатрия (случай с Михаилом Косенко, отправленным на придурительное лечение в психушку), резкое ухудшение состояния здоровья заключённых (самые яркие примеры: Андрей Барабанов и Владимир Акименков), героические голодовки протеста Сергея Кривога, избиения полицией арестантов... Игры в правосудие.

26 февраля 2013 года автор записывает в дневнике: «Мы все в группе риска». Да, это так. «Болотники»: мужчины и женщины, студенты, безработные, работающие, инвалиды, совсем юные и пожилые, политические активисты, «готовые» к репрессиям (насколько к ним можно быть готовыми) и «случайные» прохожие (стремительно осознающие всю не случайность обрушившейся на них Судьбы и из бессмысленных жертв становящиеся осознанными бойцами). Анархисты, либералы, националисты, социалисты-государственники и люди без особых убеждений.

Листаю страницы книги. Апелляции адвокатов — продления задержания арестованных, новые пикеты — новые аресты. Эта монотонность словно поступь безжалостной Судьбы в трагедиях эллинов. И фоном: запрет оппозиционных изданий, травля «иностранных агентов», новые шедевры запретительного законотворчества. За монотонностью и повторениями в этой хронике явственно проступает автоматизм карательной машины, бессмысленной и беспощадной. «Следствие», «суд», «прокуратура»: фабрикуют (дела), штампуют (приговоры), продлевают (пребывание под арестом), отклоняют (любые жалобы), лгут (при помощи сервильных и карательных органов телевидения). Но под пресом этой ржавой машины люди, которые случайно попали под этот каток, сопротивляются: голодают, протестуют, не признают своей вины, внося смысл

в бессмыслицу своего задержания и суда. Другие пассивно претерпевают, подчинившись стохольмскому синдрому, все бедствия и принимают все — заведомо неравные и жульнические — навязанные им властями правила этой игры в кошки-мышки. И их поддерживают немногие, наиболее неравоступные члены общества: пикетами, письмами, сбором средств, приходом в суды, митингами.

В шестви шестого мая 2012 года участвовали десятки тысяч человек; несколько тысяч активно сражались с полицейскими; около тысячи были в тот день задержаны; сотни человек пострадали (из них меньшинство полицейских (лучше обученных, безнаказанных и вооружённых до зубов) и большинство москвичей). Потом власти выхватили три десятка человек из этого числа (не тысячи же сажать?), отправили их на алтарь «правосудия» и демонстративно посадили — в устрашение другим. (А что эти другие? Куда они делись — вот главный вопрос, встающий перед читателем книги). И время от времени ещё кого-то выхватывают в качестве заложника и военнопленного (держа всех на прицеле и наблюдая за реакцией своих чересчур робких подданных). Через два-три года их тоже судили и посадили.

VII

НА СТРАНИЦАХ дневника — банальность зла. Вся изнанка судебной практики и вся правда тюремной жизни, о которой не рассказывают в сериалах. Всё буднично и лаконично: задержание, следствие, суд, этап, зона. Обыденная и упорядоченная государственно-репрессивная бесчеловечность и бесчеловечная обыденность, знакомые любому, кто хоть раз попадал в зал суда или в полицейский участок. Читая свидетельские показания автора (где вершится тихий и неумолимый суд истории — суд над судьями и палачами), ярко представляешь себе и «судью, её честь», и «молодцов-подсудимых» (которые «хорошо держатся»), и бубнящее невнятное обвинение, и судебных приставов (многие из которых «готовы вас убить»), и соучастников омонцовцев, среди которых изредка находятся даже честные люди, не признающие себя «потерпевшими» и просящие о смягчении приговора — но, конечно, нечасто. А вот Алексея Полиховича после суда конвойные избивают до потери сознания всего лишь за настойчивое требование выдать ему на руки положенную ему копию приговора. (Это можно назвать незапланированным «эксцессом исполнителя», но на деле всё не случайно: Система безошибочно распознаёт любые рудиментарные проявления человеческого достоинства и независимости и вытаптывает их на корню).

Унижение, изоляция, систематическая и организованная несвобода во всём, постоянные обыски. Зачем это? Затем, чтобы сломать арестованных, отпугнуть сочувствующих, разобщить и деморализовать общество. И важно отметить — как довольно случайно попавшие в беду люди начинают меняться и осмысливать ситуацию; немногие ломаются и начинают целовать бьющую их палку, большинство что-то главное понимает и сопротивляется. Вся жизнь вдруг сжимается до камеры, свобода — до чего-то неуловимого внутри тебя. Повсеместное насилие, ложь и несправедливость становятся более явными. Государство из красивой абстракции становится чем-то пугающе конкретным, как взгляд прокурора. Хотя, вроде бы, всюду жизнь (и даже в СИЗО, и в ИВС, и в колонии, и на зоне). Всюду люди (или не совсем люди), как и «на свободе». Перефразируя Альбера Камю (о чуме из одноимённого романа): «Что такое тюрьма? Та же самая жизнь, только и всего». Эта жизнь, предельно обнажённая и концентрированная, продолжается и за решёткой: случаются и там дни рождения, выходит замуж Александра Духанина, женится Алексей Гаскаров. В отличие от тридцатых, родные люди не отрекаются от попавших в беду, а трогательно и открыто демонстрируют им свою поддержку.

И автор дневника делает вывод в духе стоицизма (запись от 26 июля 2012 года): «Да, возможно, дальше будет только хуже, но мы-то всё равно остаёмся. И нам надо как-то жить, адаптироваться к новым условиям, стараясь сохранить в себе остаток человеческого». И позже, в конце процесса, 5 февраля 2014 года: «Это по-дурачки прозвучит, но я счастлив, что стал свидетелем всего этого, что все эти месяцы находился рядом с этими ребятами, что мы подмигиваем друг другу с теми, кто сидит в клетке, что мы почти ежедневно за руку здороваемся с Сашкой. Они настоящие, так получилось, — это очень важно». Да, это важнее всего.

На наших глазах из очень разных и собранных вместе по случайному принципу людей сложилась — спасибо родному Государству! — новая человеческая общность: «болотники». (Ассоциативный ряд широк: от болота — до Ивана Болотникова!). И что их не убивает, то, по Ницше, делает их сильнее, мудрее, отважнее. (Но и «убивает»: ломает здоровье, разбивает судьбы. Не дождавшись сына, умерла мать Михаила Косенко (и его не выпустили на похороны). Умерла бабушка Андрея Барабанова (и его не отпустили проститься).) Вырванные из толпы, собравшейся на Болотной шестого мая и возведённые «на эшафот», оказавшиеся в центре общественного внимания, эти люди не дрогнули. Они уже не просто случайные жертвы, попавшие под раздачу; они — всё более осознанно — участники сопротивления.

Они многое начали понимать, многому научились — и вот это уже совсем не случайно. Они многое не простят и многое не забудут. Борьба на воле: пикеты, митинги, заявления адвокатов, письма поддержки, вечера солидарности, статьи журналистов... Борьба в неволе: голодовки, полемика в суде, отказ части подсудимых соучаствовать в процессе.

Вожди оппозиции (за одним ярким исключением мужественного Сергея Удальцова, не раз державшего голодовки) остались на свободе. Посадили по «болотному делу» рядовых участников. Большинство из них, по словам автора книги, вели себя «молодцами». Впрочем, не все подсудимые вынесли этот процесс достойно. Кто-то (как и их друзья на воле) начал ссориться с товарищами из-за Крыма и войны с Украиной, кто-то, как Мария Баронова и Елена Кохтерёва, демонстративно перешёл в число лоялистов и верноподданных. Но большинство проявило мужество и сохранило человеческое достоинство в не слишком человеческой обстановке. И это один из немногих обнадеживающих уроков «Болотного дела».

VIII

ДА, ПОДСУДИМЫЕ, в основном, держались достойно, как и их немногочисленная группа поддержки, но в целом всё это «дело» — приговор как Власти (с которой всё ясно), так и обществу (с которым ясно не всё).

Страх, равнодушие, атомизация, жалкие попытки играть по правилам власти, беспамятство людей, ещё год назад резвившихся на разрешённых оппозиционных митингах, привели к тому, что, по констатации автора дневника, «остались родственники, «Комитет 6 мая» и ещё буквально несколько человек» (запись от 22 июня 2014 года). «Так называемые вожди так называемой оппозиции, да и сама так называемая оппозиция, мы все — мы слили этих ребят». (Там же). К этому шло с самого начала.

Мы все хорошо помним это «белоленточное движение»: с его безграничным самодовольством, инфантилизмом, вождизмом, гламурной праздничностью и неготовностью к будничной борьбе на улицах, с их «наблюдением» за фальсификациями выборов, как главным «орудием» сопротивления (как будто, если за бандитом наблюдают, он перестаёт творить насилие?), все эти рабские «прогулки протеста», все эти бесконечные холуйские заклинания про то, что «мы не хотим революций», пижонское хипстерское презрение к провинции и условному «Уралвагонзаводу», эту веру в исключительно дозволенные свыше акции и в «креативный средний класс», эти либерально-патриотические коалиции и, как итог и постскрипtum — Шестое Мая и «Окупай-Абай».

Чем ещё мог закончиться этот «бунт на коленях» в стиле восстания шварцевского героя: «Если нельзя восстать, то, может быть, хотя бы можно подискутировать?» Отказ от права общества на самозащиту от власти, отказ от явочного порядка воплощения права на митинги и собрания, готовность покорно идти «протестовать» в отведённые властью загончики под присмотр полиции, демонстративное «мы не хотим майдана!» и униженные просьбы: не бейте нас, не сажайте нас! Полная капитуляция. Принятие языка власти, правил власти, дискурса власти, системы ценностей и координат власти. Слепая вера в «законность» (как будто закон не инструмент карательного государства).

Сначала государство избило своих сограждан и сорвало мирную демонстрацию, потом похватило и начало судить их за сопротивление (куда более скромное, чем насилие со стороны полиции). И пугливые законопослушные либеральные оппозиционеры, заранее осуждающие революцию и готовые пойти на любые уступки властям, охотно объявили «провокаторами» любого, кто нашёл в себе отвагу оказать сопротивление полицейскому произволу. Полиция шестого мая — свидетельствую как участник протестов — не пустила многотысячное шествие на «согласованный» митинг в сквере, заблокировав колонну на мосту и создав давку. Так кто же тут «провокатор»?

Вера в «добротого царя», который разберётся, помилует, исправит «отдельные недостатки» правосудия — всё это глубоко сидит в нас, глубже, чем все эти выстраданные солженицыными и шаламовыми: «не верь, не бойся, не проси!»

18 января 2014 года автор книги записывал в свой дневник: «И это очень круто — восемь человек амнистированы. И многим кажется, что это уже победа и торжество справедливости — недавно один мой знакомый, услышав про «болотное дело», спросил: «А разве их ещё не выпустили?» Нет, их не выпустили».

Кошка, поймав пять мышей, потом съела четырёх, а одну — полупридушив, так и быть, отпустила. И все твердят с восторгом: кошка не чужда справедливости, ей знакомо милосердие!

Автор книги вновь и вновь горько свидетельствует нам против нас: «Я знаю только одно — на митинги, посвящённые «болотному делу» (которое лично мне кажется самым важным и самым позорным событием последних политических лет в нашей удивительной стране), приходила едва ли тысяча человек, а на суды и слушания, которые происходят уже больше года, ходит человек тридцать, и я там, честно говоря, редко вижу представителей КС оппозиции и прочих так называемых лидеров так называемого протеста» (19 июля 2013 года). Важная и честная констатация.

И это не о власти, а об обществе. Пикеты, сборы денег, поддержка товарищей — всё это легло на плечи горсти людей. А куда делись эти десятки тысяч с Болотной? Разочарование? Страх? Равнодушие? Необратимые последствия умирания страны, поражённой в XX веке «антропологической катастрофой» (по словам Мамардашвили)? Свидетельство того, что выборочные репрессии и доза патриотического безумия в связи с аннексией Крыма достигли цели? Неспособность людей к памяти, к солидарности, к отстаиванию своих прав и тотальная зависимость (в том числе психологическая) от государства?

Вот запись автора о шествии накануне оглашения приговора «болотникам», сделанная 2 февраля 2014 года: «Ну, короче, в пятнадцатимиллионной Москве тысяч шесть, как мне показалось, вышли на марш в поддержку узников «болотного дела» в частности и политзаключённых в целом. Некоторые непришедшие наверняка нашли какие-то причины, но подавляющему большинству просто плевать. Майдан, говорите? Это наш город? Пока мы едины?».

Эта ярость мне понятна и близка, и диагноз точен. С таким обществом государство может творить что угодно. Всё равно. Боимся. Нас не касается. Каждый за себя. (А эти заключённые — за всех нас?). А совесть? А солидарность?

«В наш атомный век, в наш каменный век на совесть цена — пятак». (Это Александр Галич, если кто не узнал).

IX

АХ, «МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ», говорите? Чтобы понять, что такое массовые беспорядки, посмотрите хоть на Гонконг. Из семи миллионов жителей на улицу выходит один миллион. Выходит и не уходит. Строит баррикады, захватывает аэропорт, даёт отпор полиции... И чего-то добивается.

И последняя запись — от 18 ноября 2013 года — которую я процитирую: «Теперь меня интересует только одно — когда к суду придёт миллион человек? Мне кажется, уже пора, давно пора».

Ах, простите! Но ведь мы с вами «не хотим так, как в Париже», правда? И не хотим так, как в Гонконге? Не хотим так, как на ужасном Майдане в Киеве? Не хотим так, как — страшно сказать и жутко вспомнить — как в России, столетие назад, в 1905-ом и в 1917-ом, когда власть боялась народа даже больше, чем народ боялся власти? Не хотим? Ну так и будем жить — так и там, как и где мы живём.

Павел Сентябрьский

SEATTLE, WA

POLICE
PRECINCT

Google

ВОЙТИ В ЗОНУ:

РЕПОРТАЖ ИЗ АВТОНОМНОЙ ЗОНЫ КЭПИТОЛ-ХИЛЛ В СИЭТЛЕ

Весной и летом 2020 в США развернулись массовые протесты против расизма и жестокости полиции. В ходе них в Сиэтле некоторое время существовала Автономная зона Капитолийского холма — неслыханный для Америки случай. Мы публикуем перевод интервью анархистского издания «It's going down» с жителем Сиэтла, который был на улицах во время беспорядков, приведших к её появлению.

Что вообще происходит в Сиэтле с тех пор, как в конце мая начались массовые беспорядки?

В Сиэтле всё началось в пятницу, 29 мая, а суббота стала самым активным днём с точки зрения беспорядков и грабежей. Следующие дни были похожи друг на друга, но, как правило, действие крутилось вокруг Восточного участка полиции Сиэтла в районе Кэпитол-Хилл. Именно здесь произошло большинство вечерних столкновений с полицией.

Каждый день массовые демонстрации проходили по всему городу, а инфраструктура протеста вдоль основных деловых коридоров Кэпитол-Хилл всё росла. Еда, музыка, медики, книжные столы и почитание памяти погибших — всё это появилось в течение недели.

На днях полиция объявила, что они собирают вещи и покидают свой участок. Что вы об этом думаете?

Честно говоря, мы не знаем, почему они это сделали. Есть много теорий о том, почему полицейские покинули участок. Некоторые считают, что у них закончились ресурсы, другие думают, что это был политический шаг со стороны мэра. С моей точки зрения, это был такой «хороший ход» со стороны администрации города. Пресса обрушилась на них за блокады со слезоточивым газом каждую ночь и за уличные столкновения, но толпы меньше не становились. Когда началась стрельба, люди бросились в этот район, чтобы оказать поддержку протестующим.

Риск, на который люди шли, противостоя полицейским каждую ночь, так и не стал сдерживающим фактором, на который, я полагаю, рассчитывала администрация города. После того, как они покинули участок — что, безусловно, стало ударом по власти — люди меньше внимания стали обращать на военизированную полицию, которая всё ещё рыскает в этом районе.

Они также развернули жесткую борьбу против «поджогов», используя панические посты в социальных сетях об «угрозах поджечь участок» и о том, что пожарные Сиэтла «наготове». С моей точки зрения, администрация решила на такой стратегический ход в этой игре, когда поняла, что то, что они защищают, — это в лучшем случае всего лишь символ. Но они не учли, насколько важна символика для восстания — хорошим примером тут является то, как по всему миру сейчас сносят статуи.

Район Кэпитол-Хилл, в котором собирались люди, часто описывают как «автономную зону». Можете рассказать об этом подробнее?

Автономия означает разное для разных людей. Это пространство, конечно, сейчас не контролируется администрацией. Но важно помнить, что из-за пандемии этот район и так был почти заброшен последние два месяца, и это сделало его подходящим местом для захвата. Кроме того, было легче почувствовать, что место действительно «наше».

Кэпитол-Хилл всегда был квир-районом, и во все времена здесь жили панки, музыканты и всякие чудики. Столкновения вокруг Фергюсона в 2014–2015 годах, «Оккупей» в 2011–2012 годах, антиполицейское движение 2010–2011 годов — большинство этих конфликтов происходило именно здесь. Это всегда был «наш» район — но, как и практически в любом другом городе США, быстрая джентрификация и демографические сдвиги выгнали всех наших и превратили месяц Прайда в корпоративное развлечение, а район — в технологический коридор. Сейчас улицы снова наши,

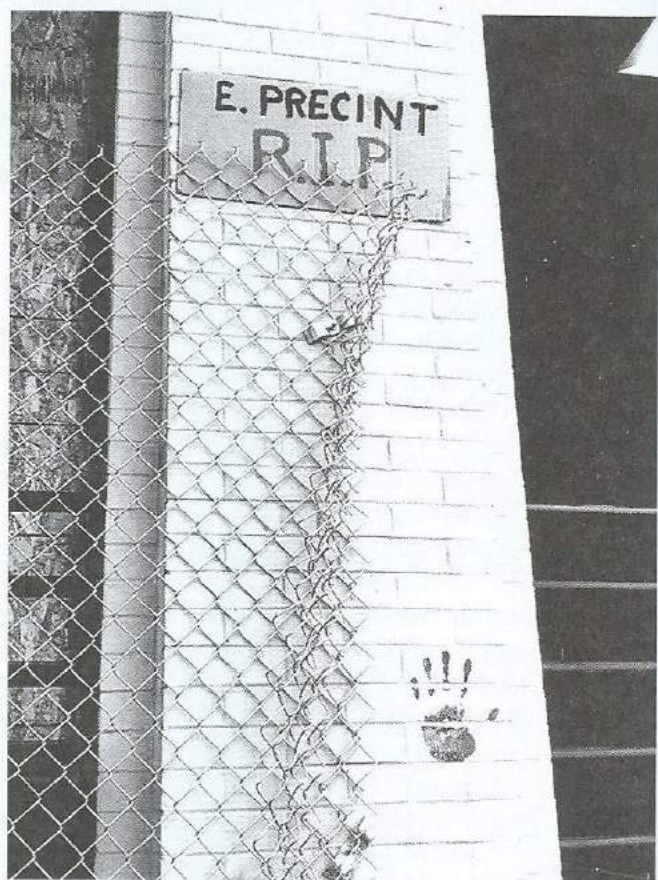
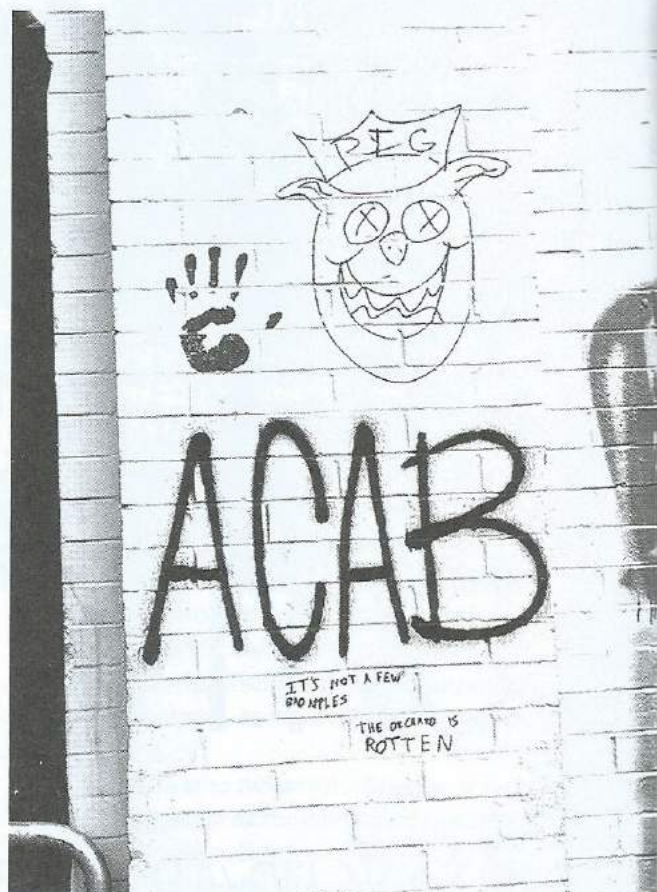

Фото с улицы Сиэтла, надпись гласит: *Покойся с миром, Восточный участок.*

и начинается следующая битва. Она начинается с вопроса о том, что значит быть автономным.

Что за люди приходят на мероприятия? Что делают в этом контексте бюрократические левые группы и Pease Police (группа миротворцев-добровольцев), и как к ним относятся протестующие?

После девяти дней беспорядков, грабежей, демонстраций, сидячих забастовок, столкновений и всего остального очень трудно разделить толпу на какие-то категории. Но в целом, особенно для тихоокеанского северо-запада Америки, это один из самых разнообразных, разновозрастных и общих бунтов, которые я когда-либо видел.

Улицы заполнены энергичными зумерами и закаленными на улице анархистами, «мирными протестующими» и теми, кто хочет напрямую противостоять полиции и капиталу. Тактически возникла идея, что защищать при помощи насилия допустимо всегда, а вот более агрессивные действия против полиции воспринимаются уже не так однозначно. Это привело к формированию очень влиятельного элемента Pease Police.

Несмотря на это, самые разные люди продолжали атаковать ряды полицейских, бросать в полицию всякое дерьмо (много всякого дерьма!) и вообще пытаться что-то делать, когда полицейские буквально лили слезоточивый газ людям в лицо. Сложные взаимоотношения расы и лидерства были очень заметны в этих столкновениях: например, белые мешали темнокожей молодежи совершать конфликтные действия, потому что, типа, «черное лидерство» и всё такое. Всё это затрудняло сплочение толпы, но не делало его невозможным. Черт, да несмотря на всю Pease Police, люди смогли отбить атаки Национальной гвардии, и заставили ментов покинуть свой любимый участок, так что в итоге не так уж они и влиятельны.

В целом, в этих кварталах ты прямо нутром чувствовал много эмоций. Было так много радости и гнева, ведь люди впервые за несколько месяцев собрались вместе физически из-за пандемии Covid-19. Каждую ночь эти музыканты, Marshall Law Band, играли вживую, а в соседнем квартале полиция распыляла слезоточивый газ и швыряла шумовые гранаты. Слово «сюрреалистический» очень подходит к этому опыту.

Теперь Национальная гвардия ушла. Это что-то меняет?

По крайней мере прошлой ночью (8 июня) Национальная гвардия всё еще была в Сиэтле. Их

видели на школьных парковках и в парках вокруг района. Но то, что они уже не стоят за спинами полицейских шеренг (да и те уже исчезли из района), явно делает атмосферу более спокойной. На Национальную гвардию обрушилось много гнева и ярости, когда они шли с полицией на протестующих. Кажется, люди всё ещё считают, что Национальная гвардия служит «американскому народу», так что все обзывали их предателями за то, что они играли роль в подавлении восстания. Школьное управление Сиэтла написало в твиттере, что они ищут способ убрать Национальную гвардию со своих парковок. Это обнадеживающее заявление для всех тех, кому приходилось их высматривать всю прошлую неделю.

Правоохранительные органы в Сиэтле и Портленде, кажется, пытаются взять измором людей на улицах: они снова и снова применяют слезоточивый газ. Можете ли вы что-нибудь сказать об их уличной стратегии в целом? Как на неё отвечали люди?

Полиция Сиэтла в последние дни явно пыталась исправить свой имидж, и это привело к тому, что они ушли из участка. Через динамики постоянно транслируются предупреждения о том, как важен мирный протест и что «вы, протестующие, двигаетесь на нас, а мы в вашу сторону не двигались». В конечном итоге эти предупреждения заканчиваются широким спектром тактик разгона толпы: слезоточивый газ, перцовые баллоны, перцовые шарики из пейнтбольных ружей, резиновые пули и шумовые гранаты, которые швыряют прямо в протестующих.

Меня очень вдохновляет способность людей сохранять спокойствие во время этих агрессивных маневров полиции. Бесчисленные видеоролики показывают, что толпа просто медленно отступает от наступающих полицейских шеренг, образуя оборонительные линии с щитами и зонтиками, иногда даже бросая газовые гранаты обратно в ментов. Именно в эти моменты некоторые люди пользуются возможностью бросать всякие штуки в полицейских, а это всё ещё не очень приветствуется на улицах, даже когда полиция активно нападает.

Прошлой ночью в Сиэтле какой-то гражданский въехал в толпу и открыл стрельбу, попал в одного человека. Часто ли появляются ультраправые и прочие «дружинники», является ли проблемой насилие с их стороны?

Пока что непонятно, кто вообще этот стрелок. Как считает большинство, он просто какой-то

обычный не-белый чувак из южной части Сиэтла, не принадлежащий ни к какой организации. Вместо того, чтобы думать о нём, мне кажется важным обсудить ответную реакцию на его нападение, поскольку тут никаких сомнений нет.

Когда он на большой скорости начал приближаться к толпе, люди без колебаний стали его останавливать. Люди вставали на пути, пытались вытащить его из машины, отодвигали других в безопасные места и в итоге физически остановили машину с помощью переделанных ментовских заграждений. Кто-то за эти усилия получил пулю. Это был ужасный и невероятный момент, он стал ярким примером того, как освободительный процесс будет подвергаться нападениям с разных сторон и придётся защищаться различными способами. Те, кто участвовал во всём этом, ясно поняли, что полиции наплевать на нашу безопасность, и что мы можем защитить себя от насилия реакционеров и без их помощи.

Импровизированные таблички гласят: Автономная зона Капиталийского холма. Вы покидаете территорию США

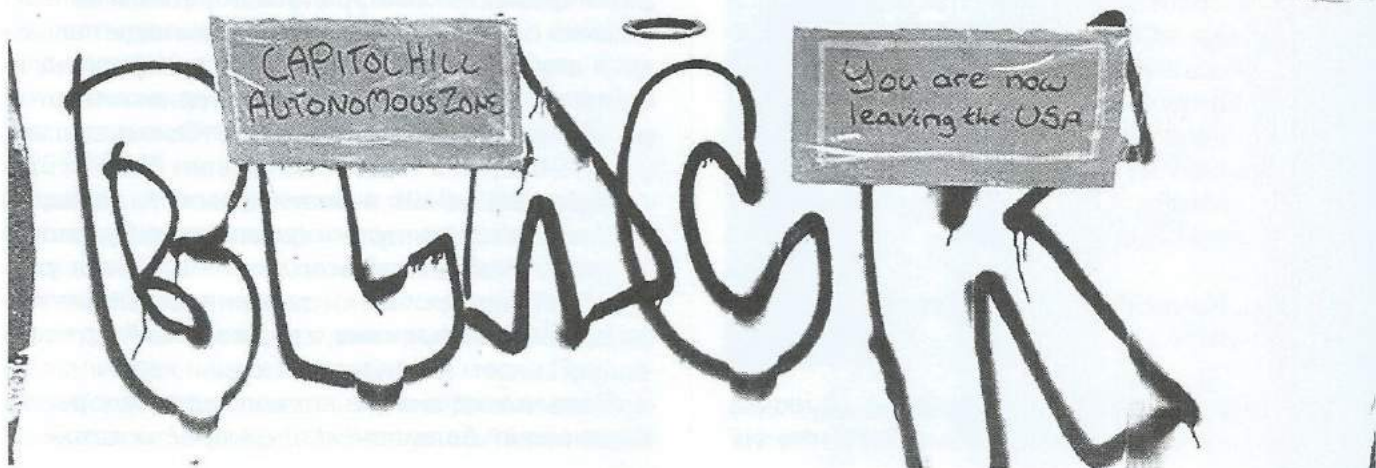
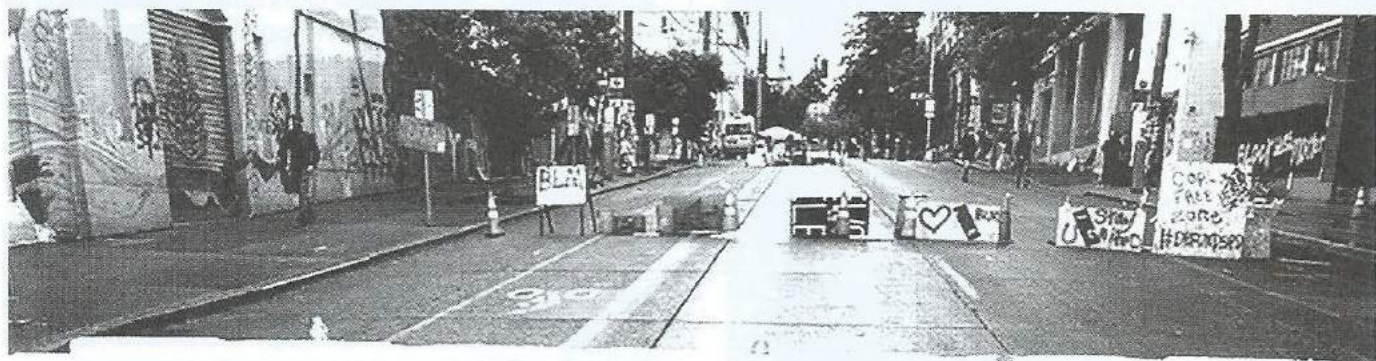
На самом деле, угроза насилия реакционеров очень реальна, и я боюсь, что мы скоро увидим, как этот бумеранг возвращается к нам. Но сейчас, похоже, большей угрозой является сам страх. Вот мы сейчас разговариваем, а сотни (если не больше) людей шлют сообщения, пишут в твиттере и рас-

пространяют ничем не обоснованные слухи о том, что якобы толпы разъяренных консерваторов уже на пути к Кэпитол-Хилл — в любой момент времени. Такое постоянное усиление сигнала полицейских каналов сильно затрудняет возможность организовать реальное сопротивление, когда (и если) правые действительно решат напасть на нас.

Упреки в «погромах», либеральная дезинформация, теории заговора — широкая левая сцена действительно показала, что ей не хватает общего анализа и понимания текущего момента. Интересно, как люди справляются с морем дезинформации и недобросовестных комментаторов?

В движении участвует так много людей, что очень сложно указать на какую-то единую реакцию на всё это. Это сильно зависит и от того, из какой среды вы сами. Мы видим, что те, кто позиционирует себя как «лидеры движения», — на самом деле просто ловят рыбку в мутной воде. А другие думают так же об анархистах.

В целом, наш ответ состоит в том, чтобы реально быть на месте, предоставлять доступ к литературе и информации, бороться ночь за ночью, противостоять Pease Police и помогать медикам убирать тела, вытаскивать людей из тюрем и начинать важные обсуждения. И самое главное: заключать союзы и создавать коллективы, которые будут необходимы, чтобы развить этот успех за пределы Восточного участка.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КАС

ПЁТР РЯБОВ

(Конфедерации анархо-синдикалистов 1989–1991)

Авторизованный краткий конспект лекции, посвящённой тридцатилетию создания КАС, прочитанной 28 июня 2019 года в лектории журнала «Автоном» в Сахаровском Центре в Москве.

Я ПРИВЫК начинать всё с какой-то историографии. Вокруг КАС очень много мифов возникло. Есть восторженные, идеализирующие — они связаны, в основном, с одним из создателей и теоретиков КАС. Это Александр Шубин, известный и плодовитый историк. Он в своих трудах безмерно идеализирует КАС. Если почитать его труды, это была могучая организация, которая открыла миру идеи либертарного социализма, возглавила массовую мирную революцию и спасла страну от сползания в кровавое месиво. Всё это весьма преувеличено, мягко говоря.

Литература о КАС совсем невелика. Есть две неплохие книги, одна довольно плохая книга и одна совершенно чудовищная книга. Ну, вот есть несколько книжек, которые можно почитать.

Сначала две неплохие книги. Александр Шубин. «Преданная демократия. СССР и неформалы. 1986–1989». М., 2006. Это подробный и более-менее правдивый рассказ о начале современного российского анархизма, изложенный одним из главных действующих лиц с привлечением как личных воспоминаний, так и различных интервью, документов. Из недостатков (помимо ужасного названия (за которое автор, насколько я знаю, не несёт ответственности)) и концептуальной апологетической тенденциозности (но не чрезмерной), важнейший — тот, что речь идёт только о Москве и только о самом начале описываемых событий (о клубе «Община»). И всё заканчивается как раз на создании КАС, на лето 1989 года.

Вторая полезная книга: сборник «Прямухинские чтения 2013 года». Это попытка подвести какие-то итоги под четвертьвековой историей новейшего российского анархизма, что-то критически

отрефлектировать, собрать какие-то воспоминания и свидетельства (конечно, неполные).

Ещё одна книга — вполне неудачная, но всё же, за неимением других, её можно, хоть и с осторожностью, читать. Это Дмитрий Бученков. «Анархисты в России в конце XX века». М., 2009. В ней куча ошибок, неточностей, всё сосредоточено на «официальной истории», формальных аспектах (съезды, резолюции) — и почти нет ни живых людей, ни событий, ни той специфической культуры, которая за всем этим стояла. Это не о живом анархическом движении, а лишь о схеме его мёртвого фасада. Книжка очень несовершенна, мягко говоря. Но откровенной лжи в ней почти нет.

И, наконец, совсем неприличная и жуткая по лживости книга. Александр Тарасов. «Революция не всерьёз». Это известный большевистский публицист, большой фантазёр и очень учёный, но догматичный и морально нечистоплотный человек. Книга абсолютно лживая; здесь о важных вещах не говорится, о неважных говорится очень много. Всё очень тенденциозно, очень натянуто, очень искажено в угоду авторским большевистским догмам.

Ещё несколько источников по теме. Николай Муравин. «Чёрный фронт». (С моим предисловием и составлением). М., 2016 Это публицистика, рассказы, листовки, плакаты одного из самых замечательных и трагически погибших анархистов.

Владимир Платоненко. «Ночь с 21-го на пятое». Это про события 1993 года и участие в них анархистов, причём автор и главный герой книги был активным участником событий, чудом выжившим в передражке; в книгу включены документы и воспоминания. Это по жанру «документальный роман»; он многократно переиздавался.

Владимир Скрашук. «Периодические издания анархистских изданий бывшего СССР». Иркутск, Книга хорошая, но редкая: всего 100 экземпляров. И, конечно, весьма неполная.

II

ДАВАЙТЕ вспомним, а что такое начало 1989 года для мира и для СССР? 4 июня 1989 — события на Тяньаньмэнь. Китайские танки задавили восстание сотен тысяч студентов, убив тысячи людей; эхо той трагедии дало отголоски по всему миру. 9 апреля 1989 — события в Тбилиси, разогнан оппозиционный митинг, сапёрными лопатками советских солдат внутренних войск, 12 девушек убито. «Огонёк», «Новый мир» в центре жизни общества. Ослабление цензуры, массовая жажда понять прошлое и настоящее. Печатают Оруэлл, Солженицына... «Аргументы и факты» заказали мне тогда небольшую статью об анархо-синди-

калистах, о возникшей КАС. И тираж этой газеты с моей статьёй был, трудно сейчас представить и поверить — 33 миллиона!

Взлёт неформального движения. Тогда «неформалами» называли политических активистов, оппозиционных власти. Активно выступает на сцену Общество «Память», заявляет о националистической позиции — курьёзное, чёрносотенное. Если бы кто-то сказал тогда, что из этой тусовки курьёзных мужиков с бородами и значками с Георгием-Победоносцем, что-то говорящих о масонах, разовьётся могучее фашистское движение и, во многом, станет мейнстримом для страны, мы бы не поверили.

Партия Демократический Союз, возникшая в мае 1988 года, занимает радикальную западническую позицию: они устраивают несанкционированные митинги, садятся за них на сутки... Возникают самые разные издания, кружки, клубы. На дискуссии собираются сотни. Газеты читают миллионы. Около «Московских новостей» возникает «Гайд-Парк», где постоянно политические активисты спорят о прошлом и будущем Советского Союза.

А молодёжь, которая вышла из более-менее терпимых властью, находящихся до того в «серой зоне» (не гонимых, но и не легальных) движений — коммунальская педагогика, культурно-охранные инициативы (вроде группы «Слобода» в Москве, борющейся против сноса палат Анны Монс, или группы «Спасение» в Ленинграде, защищающей от сноса «Англетер»), природоохранные группы, интербригады — клубы любителей революций в Южной Америке, фанаты какого-нибудь Че Гевары, который казался тем милее, что о нём мало что было известно...

III

И ВОТ, летом 1987 года из подобных групп возникла ФСОК — Федерация социалистических общественных клубов (отчасти под патронажем «прорабов перестройки», вроде Александра Яковлева). Горбачёв болтал тогда про «социалистический плюрализм мнений», и более-менее легально можно теперь было быть немножко разными «социалистами».

Группа «Община» (сначала «историко-политический клуб Община», а потом «историко-политическое объединение Община») — возникла 8 мая 1987 на базе Московского педагогического государственного института имени Ленина (преимущественно, на историческом и физическом факультетах). Она долго вызревала в подполье, примерно года четыре, прежде чем громко заявить о себе и конституироваться. «Община» вышла на общественную сцену

с критикой ленинизма, сталинизма и марксизма, с симпатиями к Бакунину и народникам, с хорошим знанием истории, с яркими лидерами, умеющими говорить, выступать и отстаивать свои позиции. В ту эпоху это была большая редкость.

Точки роста анархизма в России последних лет СССР — это не только Москва в то время. После 20-х годов и до середины 80-х никакого легального анархистского движения не было. Были несколько чудом выживших стариков-ветеранов анархизма; человек пять из многих тысяч. Ада Басевич из Питера, сёстры Гарасёвы из Рязани — они были знакомы с Солженицыным. Дедушка из движения анархо-мистиков Василий Налимов, всемирно известный учёный и философ. Было ещё несколько профессоров, симпатизировавших анархизму. Среди них выделялась Наталья Михайловна Пирумова — она издала славные и сочувственные книги о Бакунине, Кропоткине, Герцене, занималась историей земского движения. Она сделала невероятно многое для возрождения анархизма.

Но была не только история (хотя большинство из нас были историками), не только Пирумова, не только три-четыре столетних старичка. Был и революционный рок конца восьмидесятых, Егор Летов: «Убей в себе государство!», «Всё что не анархия, это фашизм»... Был ранний революционный Константин Кинчев, призывавший к бунту («Красное на чёрном»), а Юрий Шевчук в интервью анархической газете КАС «Воля» тоже тогда называл себя анархистом... из этих шатких и разрозненных кирпичиков начинает формироваться что-то такое.

IV

ИТАК, ТРИ города, где независимо друг от друга возникают центры формирования анархического движения в 1988 году.

Иркутск. Здесь действовал Игорь Подшивалов — старейший анархист в СССР новейшей эры, человек суровый, энергичный и упорный. С начала 80-х годов стал издавать самиздатский журнал «Свеча», пропагандировать идеи анархизма. Он подвергся гонениям, но не сел. Он не закончил филологический факультет, поскольку КГБ не дало ему закончить университет. Ему пришлось работать сторожем. С началом перестройки он создал в Иркутске Социалистический клуб и возобновил издание «Свечи» в пяти-шести экземплярах.

Ленинград. Там ещё в начале 80-х годов на истфаке существовал подпольный анархический кружок «Чёрный передел-два». Моше Гончарок оттуда: он эмигрировал в Израиль и стал историком еврей-

ского анархизма, написал несколько важных книг (правда, с сионистским уклоном). В Перестройку в Питере возникла АССА — расшифровывалась как Анархо-синдикалистская свободная ассоциация (и ассоциировалась с одноимённым культовым фильмом), издавали журнал «Февраль». Лидером питерских анархистов стал неукротимый Пётр Рауш — многолетний издатель питерского анархо-журнала «Новый Свет». Сейчас он живёт в Скандинавии, куда убежал от ФСБ.

И всё-таки главную роль в воссоздании анархического движения в СССР играла, конечно, Москва. Всё-таки мы империя, страна жесточайшей централизации.

Кружок «Община» не весь был анархистским по составу участников. Идеиная дифференциация и самоопределение активистов тогда только начинались. Это было время неопределённости, полуподполья, когда непонятно было: посадят — не посадят. Вот и собирались вместе люди разных взглядов. Просто активные неравнодушные люди. Среди членов «Общины» преобладали неонародники и анархисты, но были и демократы, державники умеренные, армянский националист... Многие из них, по мере трансформации «Общины» в КАС, отошли от нашей группы. Время было предельно динамичное и неопределённое. Было неясно, что уже можно и ненаказуемо, а что нельзя.

У нас был долгий период — почти весь 1988 год! — период, когда ты уже можешь симпатизировать Бакунину, увлекаться анархическими идеями; но, поймите: одно дело симпатизировать и увлекаться, другое дело: сказать «я — анархист». Это можно сравнить с камин-аутом у сексменьшинств. Взять и объявить самого себя анархистом! Словно марсианином назваться. Это претенциозно, рискованно, это ответственно, это нелепо, это опасно. Весной 1988 года была предпринята характерная для этого переходного времени попытка создать нечто переходное, транзитно-расплывчатое, а именно — ВОЛАНД (Всесоюзное общество любителей анархизма в неформальном движении). Впрочем, эта попытка провалилась, как и большинство тогдашних начинаний. И вот лидеры «Общины», о которых все уже знали, что это — анархисты, пытались скрыть сей секрет Полишинеля: «анархизм симпатичен мне, но назвать себя анархистом... нет, я любитель, я интересуюсь, я анарховед»...

Чем занималась «Община»? Мы организовывали такую штуку, как политтеатр. Мы приходили в школу (или клуб, или ещё куда-нибудь) и устраивали, например, дискуссию «Социализм

и демократия». Выходил ведущий и говорил: «Мы, конечно, все любим Ленина, мы все за КПСС, но надо же знать своих врагов. Ещё не все они, к сожалению, ленинцы. В социализме много течений. Вот перед вами представители 5 фракций: коммунисты Югославии, троцкисты, анархо-синдикалисты, социал-демократы и коммунисты КПСС. Не осуждайте их. Они же актёры, они знакомят нас с вражескими идеями». И под видом театра проносились смелые речи, от КПСС не оставалось камня на камне, публика заворожённо хохотала и аплодировала, наши ряды росли.

А с осени 1987 года выходит журнал «Община». И постепенно он становится едва ли не самым читаемым журналом эпохи перестройки. С весны 1988 года по лето 1990 года он выходил почти каждые две недели. Это была очень ценная информация, великолепные иллюстрации, теоретические статьи, шутки, история. Вначале пишущая машинка, потом ризографы, ксероксы, Прибалтика (откуда везли по всему Союзу вагонами самиздат). Сперва десятки экземпляров, потом сотни, потом он вышел на безумные тиражи — десятки тысяч, став, вероятно, самым массовым (одним из — прим. «Автонома») анархическим изданием в мире (до тридцати тысяч экземпляров). «Община» связала между собой различные группы ФСОК во многих городах, дала им некоторый набор ценностей и идей.

Ещё есть лекторий «Общины», есть дискуссии, есть кружки, есть внутренний теоретический семинар, есть журнал «Община». Появился и опыт демонстраций, в том числе, и несанкционированных. Первая демонстрация анархистов 28 мая 1988 года в Москве на улице Горького была очень хорошо подготовлена, власти не успели её разогнать. Всё впервые — постепенное вызревание, осознание необходимости перевести это на новый уровень осмысления. Всё больше людей в «Общине» приходило к анархистской идентичности. Кто-то отходил от неё и покидал группу.

Должны быть упомянуты здесь и SAC — шведские умеренные анархо-синдикалисты — они с нами связались в 1988 году. Это был выход на международный уровень из-за нашего Железного Занавеса. Возникло чувство причастности к традиции — во времени (через изучение истории анархизма) и в пространстве — через шведских товарищей.

V

ЧЕРЕЗ кружки, лектории, самиздат, первые демонстрации — и вот мы с вами подходим

к 1989 году, когда возникает первая всесоюзная анархистская организация. Летом 1988 практически прекратила существование Федерация социалистических общественных клубов, как кокон от бабочки, позволивший нам за год развиваться и вырасти. Как нам теперь назваться — тем, кто с «Общиной» и вокруг неё (а это была половина клубов ФСОК; другие шли за Борисом Кагарлицким и его «Социалистической инициативой» в сторону марксизма, троцкизма, социал-демократизма).

Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт. Первое название возникает — это Союз независимых социалистов, потом, через месяц — Альянс социалистов-федералистов (слово федерализм — очень дорогое нам, несущее идею децентрализации). Кто мы? Мы не хотим, как «Память», не хотим, как Демсоюз. (Демсоюз (ДС) мы считали организацией буржуазной, выступающей за рынок, частную собственность, капитализм). Но, конечно, мы не хотим и тоталитаризма. Для многих из нас путь к социализму начался через Бакунина, через его полемику с Марксом, через его пророчества. Мы хотим другого социализма, связанного с самоуправлением, с децентрализацией и свободой, в перспективе, — с анархией.

Январь 1989 года — рождается название. В Москве проходит конференция, на которой возникает идея назваться КАС — Конфедерация анархо-синдикалистов. Предложил это Андрей Исаев, бесспорный лидер «Общины» — тогда человек остроумный, творческий, постоянно генерирующий какие-то идеи, увлекающий нас за собой. Как он это объяснял: анархист — слово, которое ассоциируется у советского обывателя с бандитом. а анархо-синдикализм — это респектабельность, связь со шведами, ориентация на профсоюзы и конструктивную работу. Кто-то с ним не соглашался, тот же Шубин. Сказавший до сих пор загадочную для меня фразу: «Я анархист и синдикалист, но не анархо-синдикалист». Но подавляющим большинством участников было принято решение, что мы создаём Конфедерацию анархо-синдикалистов.

VI

1–2 МАЯ 1989 года в Москве состоялся первый съезд КАС. Первый съезд проходил полуподпольно, в одном Красном уголке в Малом Козихинском переулке. Пробирались мы туда маленькими группками от разных станций метро, потому что вполне могли арестовать. Лидерам было лет по 25, мне не было и двадцати. И большинству из нас было плюс-минус двадцать лет.

Была делегация из Питера во главе с колоритным и красноречивым Петром Раушем в папахе и в тельняшке, суровый Игорь Подшивалов из Иркутска тоже был в тельняшке и с бородой.

Первый съезд КАС принимает Оргдоговор (устав), часть Программы КАС, несколько резолюций, чёрно-красное знамя, символы КАС. Значки нам помогали делать шведы. Значки тогда носили все неформалы. По значкам мы узнавали своих во всех концах огромной страны. Приезжаешь в «Урюпинск», местные два с половиной касовца начинают бросаться на грудь, обнимают. Был у нас и свой девиз — девиз, признаться, довольно странный для анархистов. (Вообще, сейчас мне за многое стыдно и неловко из сделанного тогда — по юности, незрелости, неопытности, трусости). Девиз КАС, украшавший наши журналы, листовки и транспаранты: «Власть народам, а не партиям!» Конечно, забавно, что девиз огромной анархической организации призывал к власти для кого-то. Но в этом был всё же смысл: с одной стороны, это напоминает о кронштадтцах 1921 года («Власть Советам, а не партиям!»), с другой — содержит намёк, что мы против КПСС и ДС.

А в программе КАС (разработанной Андреем Исаевым, Сашей Шубиным при участии Вадима Дамье и ещё пары человек) были идеи постиндустриальные, экологические: долой атомную энергетику, долой атомное оружие! Даёшь вытеснение государства общественными федерациями и трудовыми коллективами, да — рыночному социализму, коллективной собственности трудовых кооперативов и мирной постепенной революции самоуправления! Причудливое соединение народничества и прудонизма с постиндустриалистскими идеями в духе Тоффлера какого-нибудь. Довольно идеальная программа — безгосударственное вольное общество. А вот тактика организации — в высшей степени реформистская: попытка договориться с властью, постепенно вытеснить государство, чтобы оно этого не заметило. Сочетание радикальной программы светлого будущего, которую Шубин через четверть века определил как «левый прудонизм» и — умеренной и робкой тактики. Вообще, набор идей был скуден. И, конечно, видное место среди них занимала идея рыночного социализма. Коммунизм подавляющему большинству анархистов СССР не нравился, даже анархо-коммунизм. Нет, мы, конечно за социализм, но за рыночный социализм! За кооперацию. Может быть, за более удачный вариант того, что было в Югославии, может быть, за кибуцы, толстовские коммуны, синдикаты в духе умеренного анархизма SAC и за левый прудонизм.

Одной из главных целей КАС был демонтаж государства, а на уровне тактики — всё было очень оппортунистически, в рамках дозволенного, разрешённого. Постоянные договоры-переговоры с комсомолом, партией. Мне это всегда не нравилось. Я был сторонником тактики Демократического Союза и всегда ходил на неразрешённые митинги ДС на Пушкинской площади, которые жёстко разгонялись милицией. Хотя я был таким радикалом внутри КАС, меня дразнили «моральным дээсовцем» за этот радикализм и заставляли снимать значок КАС, когда я участвовал в этих акциях. Что касается отношения к СССР, то мы считали этот режим, с его спецслужбами, партией, рабством поголовным, чем-то чудовищным и хотели его как-то демонтировать, желательно мирно. В КАС был написан в Оргдоговоре отказ от насилия как способа изменения общества. Отношение к СССР у меня не стало лучше за эти 30 лет. Трагедия не в том, что СССР распался, а трагедия в том, что он распался не из-за революции снизу, а из-за гнилости, дряхлости, интриг наверху. Это было пересаживание чиновников из одних кресел в другие. Крушение СССР было весьма имитационным и неполным, что и доказывает современный реваншизм.

С каких идей мы начинали тогда? Бакунин и Махно. Шубин, как историк, занимался движением махновцев, Исаев — Бакуниным. Мы, конечно, читали все Эльцбахера (знаменитую антологию текстов классического анархизма, составленную в начале XX века и выдержавшую десятки переизданий). Потом, уже в 1990–1991 годах для нас были важны открытия, связанные с шестидесятью годами, с «новыми левыми», «Красным маем», Франкфуртской школой, автономизмом. Какие-то новые пласты либертарной культуры постепенно входили в наше сознание и практику борьбы. В очень небольшой степени на нас влияли Лев Толстой и Пётр Кропоткин (за них в «Большой Тройке» лидеров «Общины» неформально отвечал Владимир Гурболиков, в прошлом толстовец, а в будущем — православный клерикал), — в намного меньшей степени, чем Бакунин и Махно. То, как Бакунин пророчески раскритиковал Маркса, а Махно противостоял и белым и красным, было весьма значимо для нас, воодушевляло, служило образцом, давало язык и идеи.

VII

ВСЕГО было шесть съездов КАС. Первый, учредительный, как я сказал, прошёл в Москве 1–2 мая 1990 года. И он собрал полсотни человек, включая делегацию шведских анархо-синдикалистов.

Второй съезд — в марте 1990 года — пройдёт в школе, в которой учителем работал тогда Андрей Исаев. На втором съезде (как мы знали из истории РСДРП-КПСС) всегда организациям полагается раскалываться. Вот мы и раскололись. Тогда треть анархистских организаций вышла из КАС.

Третий съезд, самый многочисленный, — в ноябре 1990 года — был в Питере. КАС продолжала расти и, одновременно, раскалываться под грузом нарастающих противоречий.

Четвёртый (и последний большой, с десятками участников) съезд — весна 1991 года, Самара. Там меня не было. На нём усилились тенденции к бюрократизации и централизации КАС, к её «синдикализации» и чистке от неорганизованных субкультурщиков (что тогда многим казалось панацеей от надвигающегося развала организации). На этом съезде были введены два поста: секретарь КАС — им стал Влад Тупикин, и международный секретарь КАС — Михаил Цовма, тоже и сегодня довольно активный анархист. Это были первые и последние секретари КАС. Но, конечно, это не спасло КАС от гибели. После этого началась затянувшаяся на три года агония.

Пятый съезд — где-то в 1992 году состоялся где-то в Сибири — не помню точно места и времени (там я тоже отсутствовал). Там почти не будет участников. Одни сибиряки из трёх-четырёх городов и Влад Тупикин.

Шестой же и последний съезд КАС — состоялся ещё через год-полтора на квартире у Коли Муравина в Москве, и число участников было меньше десяти человек. Скорее, это просто была скромная встреча «последних из могикан», оставшихся в КАС к 1993 году.

Помимо съездов, игравших важную роль в деле межгородской коммуникации, знакомства анархистов и выработки хоть какой-то стратегии, у КАС было ещё две больших конференции, обе, что характерно, исторические. (Печать «исторического реконструкторства» с самого начала была сильна в нашей деятельности, и этот исторический уклон до сих пор мне кажется одной из слабостей новейшего анархизма в СНГ). Первая конференция прошла осенью 1989 года в Запорожье, и была приурочена к столетию Махно. Если в Москве осенью 1989 года бушевала перестройка, то в Украине ещё сидел Щербицкий. Никогда не забуду, как кбшники хватили участников конференции, и как мы оказывались перед закрытыми залами. Как мы конспиративно заседали в театре, как проводили заседания, плавая по Днепру, а вдоль берега мчались чекистские машины.

Итак, было две больших исторических конференции. Вторая состоялась в начале 1991 года

в Москве и была посвящена семидесятилетию Кронштадтского восстания. На ней присутствовала испанская анархо-феминистка из «Мюхерес Либрес». Меня познакомили с ней, как единственного тогда феминиста среди российских анархистов, и она подарила мне значок «Мюхерес Либрес».

Помимо шести съездов и двух исторических конференций были у КАС ещё разные большие совещания, Советы КАС (один состоялся прямо накануне августовского путча 1991 года, и приехавший в Москву на совет Игорь Подшивалов в итоге возглавил анархическую баррикаду у Белого Дома), совещания редакторов анархических изданий. Но всё же основная активность протекала у нас на уровне городов и регионов.

VIII

ТЕПЕРЬ давайте поговорим о том, кто же объединился в КАС, кто были эти люди: социальный состав, города, организации, местности

Я думаю, мы никогда не узнаем, сколько было членов КАС. Можно говорить только очень приблизительно. На пике было, как минимум, 400–500 активистов. Я думаю, все здесь понимают, что это очень много. В «Автономном Действии» в 2000–2014 годах, например, никогда не было более 130–150 активистов в тридцати городах. А ведь это была самая масштабная и, пока, единственная после КАС успешная попытка создания организации анархистов в масштабах нескольких стран СНГ. 400–500 активистов в 50 городах — это, действительно, очень много! Это огромная сила. И КАС в 1989–1991 году была известна по всему Союзу, во многом участвовала, на многое повлияла (хотя и не так сильно, как сочиняет Шубин). И это реальные активисты, а не «электорат» и не «мёртвые души»-плательщики взносов. Взносов у нас не было.

В Москве весной-летом 1990 года, в высшей точке движения, в организации КАС было почти 70 человек. Вторым центром КАС был Харьков — там до 30–40 человек было. Ещё существовали большие группы по 10–15 человек в Ленинграде, в Горьком, в Запорожье, в Хабаровске, в Иркутске, в Твери. Они играли роль региональных центров КАС. Поменьше, человек по пять, были группы в Саратове, в Волгодонске, в Калуге, в Туле, в Томске, ещё в двух-трёх городах. Я думаю, в полусотне городов СССР были анархисты-члены КАС. В Сибири они группировались вокруг Иркутска, там проходили региональные конференции; их издание — «Дело труда». В Белоруссии центром КАС с конца 1990 года стал Гомель, их газета «Анархия», потом вокруг них возникла ФАБ (Федерация анархистов Беларуси). Итак, география КАС: Беларусь,

Украина, Сибирь, Центральная Россия, прежде всего Москва. Единичные члены КАС были в Молдавии и в Прибалтике (синдикалист Эвальдас Бальчунас в Литве, например).

Состав был, прежде всего, молодёжный: преобладали люди до 20 лет, студенты, школьники, лидерам было по 25. Девушки составляли, думаю, почти до четверти активистов КАС, хотя среди лидеров их было всего две-три (например, Ольга Пицунова из Саратова). Однако, интересно, что было несколько городских групп, где ядро активистов составляли взрослые рабочие, лет по тридцать-сорок — это Запорожье, Тверь, Томск. В этих городах был состав групп нетипичный для КАС. Это не студенты, не историки, не контр(суб)культурщики, не школьники, а люди за 30–40 лет, вполне взрослые и часто очень это были рабочие.

Пришло время назвать некоторые имена. Ведь организация — это живые люди, личности, а не анонимные функции.

Игорь Подшивалов (я уже упоминал о нём, как о старейшем современном анархисте в России) — в перестройку в Иркутске стал лидером местной организации КАС, был активным журналистом и неплохим оратором.

Пётр Петрович Сиуда — активный участник и потом летописец новочеркасского восстания 2 июня 1962 года. 10 лет отсидел, едва не был расстрелян, в перестройку стал активистом рабочего движения. Ему было уже больше 50 лет, он развил бешеную активность. 5 мая 1990 года в Новочеркасске он был убит кзгэбешниками.

Голубенко, рабочего лидера волгодонской группы КАС, сожгли в сторожке (он работал сторожем), причём припёрли снаружи, чтобы он не смог выбраться.

Лидерами КАС (неформальными, но вполне реальными) были Андрей Исаев, Владимир Гурболиков и Александр Шубин (историки из Москвы, выпускники МГПИ), Пётр Рауш из Питера, Игорь Подшивалов из Иркутска, Андрей Рассоха из Харькова. Они, преимущественно, определяли программу и стратегию движения.

Вот примерно таков был социальный состав КАС.

IX

ТЕПЕРЬ расскажу немного о том, собственно говоря, чем мы занимались. Основной акцент был на местной деятельности. За что я сегодня ругаю КАС: идейная незрелость, интриганство, вождизм, оппортунизм, рыночный социализм. Но в чём можно и сегодня подражать КАС и учиться у неё, так это то, как Конфедерация была организована. Да, у нас были общие организационные начинания: изда-

ния, демонстрации, собрания, лектории, семинары, однако две трети деятельности активистов КАС проходило вовне — иницируя и стимулируя различные общественные инициативы, внося в них дух свободы, самоуправления и сопротивления власти. Я всегда повторяю: анархизмом нельзя заниматься, можно быть анархистом! И вот мы идём вовне, во внешний мир, с нашими идеями, ценностями и практиками. Мы участвуем в создании рабочего, студенческого, экологического, градоохранного движения. Основная деятельность шла вовне организации. Её участники успешно пытались участвовать в разнообразных инициативах: создавали студенческие профсоюзы, экологические организации, рабочие синдикаты...

Одно из немногих начинаний, что вполне удавалось анархистам в России и тогда и теперь — это обширная издательская деятельность. Конечно, у анархистов не может быть «центрального» органа. Но на деле такую роль играла «Община». В девятнадцатом веке её бы по жанру назвали «социально-революционным обозрением». Полугазета-полужурнал, оперативная «Хроника общественного движения», блестящие исторические и теоретические статьи. У неё был потрясающий художник, который скрывался за псевдонимом «Лысов», Сейчас, наверное, его можно назвать: его звали Николай Соболев. И вот он украшал журнал замечательными по выразительности и остроумию карикатурными рисунками. Например, советский сталинист-бюрократ во френче любезно предлагает капиталисту поделить одной ногой рабочего, надев на неё кандалы, а тот читает газету «Правда». Или какой-то восторженно-робкий зайчик стоит с плакатом: «Да здравствует многопартийность!», а за его спиной облизываются тигр и лев. И — всё ясно, не нужно ничего объяснять о вреде партийности. И вот, журнал «Община». Начиналось это так — в виде чистого самиздата, в 1987 году машинка берёт 7 копий, а заканчивалось так: 1991 год, номер о Толстом (кажется, номер 47), это уже тиражи в тридцать тысяч!

В Москве у КАС, кроме этого, выходила плакат-газета «Здравый смысл» (выходили спецвыпуски о пацифизме, синдикализме и анархизме), выходила газета «Воля», которую ещё лет 7 назад издавал Влад Тупикин (уже не как орган КАС-Москва, конечно).

В Харькове выходила газета «Набат», тоже около трёх тысяч тиражом.

В Твери был «Бунтарь» (немного безумная газета с неприличными анекдотами), в Нижнем Новгороде (тогда — Горьком) газета «Солнце», в Сибири — «Дело Труда». Выходили периодические издания

КАС и в Гомеле, Запорожье, Волгодонске, Туле... Всего было два-три десятка изданий КАС, но «Община» была самым важным и многотиражным. Были и внутрикасовские бюллетени («КАС-Контакт» и другие).

Помимо периодики, выходили и брошюры, например, переведённая со шведского и изданная на средства SAC брошюра «Что такое синдикализм?» Деятели SAC нам помогали: сделали значки, дали два ксерокса — тогда это было бесценное сокровище! — даже обещали подарить компьютер, но так и не дали.

Кроме того, мы переиздавали (на ксероксе и на машинках) различные анархические книжки и статьи восьмидесятилетней давности. Мы шли в историчку (Историческая библиотека в Москве — «Автоном»), делали рефераты и выписки, ксерокопии и конспекты и — печатали брошюры и рассылали по городам.

Часто и по самым разным поводам мы выпускали листовки (тоже на папиросной бумаге печатали на пяти пишущих машинках сотни штук).

Создавали мы и внутренние теоретические семинары для членов КАС и внешние лектории для всех, кто пожелает прийти. Я с весны 1988 года и до 1991 года заведовал в Москве лекторием КАС; он работал то в одном Красном уголке на «Профсоюзной», то в Музее истории комсомола на Большой Грузинской. Там читались лекции на самые разные темы, преимущественно, по истории социалистического и революционного движения. Через эти лектории и дискуссии «на выезде» (в школах, НИИ, клубах) прошли тысячи людей, десятки из которых присоединялись к нашей Конфедерации.

С 1989–1990 годов мы начали работать в Прямухино на родине Бакунина. Там устраивались конференции, велась работа в парке; а позднее — в 1995 году начались (по инициативе бывших касовцев Михаила Цовмы, Николая Муравина и меня) — Прямухинские Вольные Артели, продолжавшиеся, с перерывами, каждое лето до 2002 года.

Ну, конечно, очень важное направление деятельности активистов КАС — это рабочее движение. Мы очень гордились тем, что летом 1989 года тверская, тогда ещё калининская, организация КАС организовала забастовку, на день парализовав работу железнодорожной станции Калинина.

А запорожские рабочие, активисты КАС (Дмитрий Дундич и другие) создали позднее целое издательство «Дикое поле» — первое в СССР издательство анархистов, в котором издали книги Махно, Голованова (о махновщине) и Аршинова (правда, случилось это уже через несколько лет).

Вернусь к теме участия КАС в рабочем движении. Образцом для нас тогда была польская «Солидарность» образца 1980–1981 годов, мо-

гучий синдикалистский профсоюз, пошатнувший тоталитарную систему (фильм Анджея Вайды о «Солидарности» «Человек из железа» мы смотрели тогда минимум по три раза в год). Но, прежде чем появилась «Солидарность», которая нас всех вдохновляла как великий профсоюз, соединившая в себе социальные лозунги и почти либертарные политические идеи, полякам понадобилась четверть века борьбы и постепенное соединение политического диссидентства интеллигентов с социальными выступлениями и экономическими стачками рабочих. Важным этапом на этом пути синтеза были КОС-КОРы (Комитеты защиты рабочих), создаваемые интеллигентами в конце семидесятых.

И вот с 1990 года у нас возникает КАС-КОР (название сразу намекает и на КАС, и на поляков): Центр по рабочему движению, призванный собирать информацию о новых протестных рабочих инициативах и координировать их. Значительная часть активистов КАС постепенно концентрировалась на этом направлении (включая Андрея Исаева, Кирилла Букетова, Александра Шершукова и добрую половину актива московской организации КАС). Как потом оказалось, этот выбор стал роковым для нас.

Замечу при этом: хотя в названии КАС присутствовал анархо-синдикализм, но синдикализм понимался нами очень широко, как различные формы союзов трудящихся, организованных на принципах самоуправления (федерализм, делегирование, императивные мандаты — это были три наши «священные коровы» в 1987–1990 годах) и вытесняющих государство из жизни общества. Так что в это понимание входили, например, студенческие, школьные, экологические и прочие группы. Но некоторые наши товарищи понимали синдикализм в более узком, «рабочистско-профсоюзном» смысле.

Как я уже упомянул, рабочие-анархисты из КАС устроили забастовку на железнодорожной станции Калинин (Тверь) — это был пример акта классово-борьбы, который парализовал на 1 день работу областного центра. Школьники из группы «Альянс», входившие в КАС, борясь за свои права, устроили часовую (!) забастовку в одной из московских школ в 1988 году (чем устроили жуткий переполох среди бюрократов от образования). Запорожские рабочие делали газету с замечательным и характерным названием «Чёрная суббота». Довольно активно и успешно действовали гомельские рабочие во главе с анархистом Юрием Глушаковым. Я забыл сказать, что в Литве и Латвии в КАС были настоящие синдикалисты образца столетней давности, которые занимались рабочими движениями, стачками в Вильнюсе и Риге. Поэтому нельзя сказать, что КАС — было исключительно молодёжным дви-

жением студентов, школьников и субкультурщиков. Всё же рабочий элемент был представлен, хоть и не очень сильно (где-то на треть) в нашей организации. (Вспомним и Петра Сиуду, раздававшего листовки на проходных Новочеркасских заводов и боровшегося против влияния сталинистов в рабочем движении, и активную рабочую группу касовцев в Волгодонске, и рабочих КАС из Томска и других сибирских городов, создавших Сибирскую Конфедерацию Труда).

Но главным и систематическим направлением работы с рабочим движением в КАС стала деятельность КАС-КОРа. Начиная с лета 1989 года в СССР начинается массовое шахтёрское движение с забастовками (последний его всхлип — это 1998 год, знаменитая «рельсовая война» с перекрытием шахтёрами железных дорог по России). И вот лидеры московского КАС занялись сбором информации о новых рабочих инициативах. По этим материалам выпускался бюллетень «КАС-КОР», готовились еженедельные передачи о рабочих выступлениях на радио «Свобода» (!) и радио «Россия» (!). Эта работа была серьёзной, но вела к серьёзной трансформации и деформации, стремительному отходу от анархизма многих лидеров КАС, занявшихся этим делом. Касовцы увидели неприятную тенденцию, а именно: что рабочие лидеры очень легко коррумпируются, многие на корню скупались американским профсоюзом АФТ, другие воровали деньги и сбегали, а некоторые бастующие рабочие вообще выдвигали в ходе стачек жуткие и самоубийственные лозунги — о приватизации шахт!

И тогда, разочаровавшись в анархизме и революции, не веря в возможности новых рабочих инициатив, харизматический лидер КАС Андрей Исаев (и многие следующие в его фарватере касовцы) решили, что, поскольку новое рабочее движение в СССР — это ужас, то уж лучше мы пойдём в ВЦСПС (старые дряхлые тоталитарные и жёлтые профсоюзы совкового образца), где они вскоре и оказались. И это политиканство, интриганство и попытка, предав идеалы, играть в «реал политик», были причинами, которые привели Андрея Исаева, Владимира Гурболикова, Александра Шершукова и их компанию из КАС-КОРа в объятия официоза. Летом 1991 года московские профсоюзники из ФНПР гостеприимно пригласили эту компанию возглавить дышавшую на ладан газету МФП «Солидарность». Многим из нас тогда наивно казалось, что анархисты, совсем в духе любимого троцкистами «энтризма», захватывают большую газету жёлтых официальных профсоюзов. Но оказалось, что всё ровно наоборот: это старые жёлтые официозные профсоюзы, обновляя свои кадры новой свежей кровью, захватили себе кучку бывших анар-

хистов (что привело к моральной катастрофе этих людей и КАС в целом, и в итоге вознесло Исаева на вершины нынешнего чиновничества (сделав его депутатом Госдумы и одним из вождей «Единой России»), а Шершукова сделало видным профсоюзным бюрократам). История не новая, но оттого не менее катастрофическая и позорная. Интриганство и оппортунизм всегда имели место в истории КАС, но этот финал превзошёл всё! Он морально раздавил и обессилил тех людей, кто остался верен анархизму, отбросив назад наше движение.

Ради справедливости, необходимо признать, что не все касовцы ушли во власть; многие синдикалисты остались верны своему знамени ещё на десятилетия. И я должен почтить память недавно умершего Василия Старостина — это один из лидеров КАС, один из сибиряков, создателей Сибирской конфедерации труда, почти 30 лет участвовавший в синдикалистском рабочем движении. И он был не единственным касовцем, оставшимся верным анархо-синдикализму не на словах, а на деле. Но я немного забежал вперёд.

Вернусь к краткой характеристике деятельности КАС. Помимо рабочего движения или движения школьников, кто-то участвовал в экологических инициативах, например, (как Александр Шубин и Вадим Дамье) — в создании Партии Зелёных. Экологическое движение в СССР с самого начала имело серьёзный анархический уклон и анархическое крыло. Помимо Партии Зелёных и Социально-экологического союза (в создании и деятельности которых участвовали многие члены КАС), в начале девяностых из КАС вышло анархо-экологическое движение «Хранители Радуги», прославившееся своими эколагерями — и его лидеры, включая последователя Букчина Сергея Фомичёва, издававшего в Нижнем Новгороде журнал «Третий Путь», были бывшими членами КАС.

Я, например, (помимо заведования лекторием, статей в «Общину», участия в дискуссиях и демонстрациях), активно участвовал в таком направлении деятельности, как студенческое движение. Скажу о нём пару слов. Мы весной-летом 1988 года создали ОК СУМ (Оргкомитет Союза учащейся молодёжи). По нашему замыслу, он должен был вырасти в синдикалистский профсоюз студентов, школьников и аспирантов. Он действовал с весны 1988 по конец 1990 года. Среди дюжины его активистов все были синдикалистами, но не все были анархистами и членами КАС. Однако трое были, включая меня и неформального лидера ОК СУМ Марию Ворожейкину.

Самое большое наше достижение приходится на начало 1989 года. Тогда была общая

актуальная проблема для студентов всего СССР: мальчиков-студентов тогда брали в армию. При этом во всех вузах студентов (и мальчиков и девочек) много лет мучили «гражданской обороной». Представьте: ребят берут в армию везде, потом их опять заставляют разбирать автомат на военных кафедрах, учить факторы ядерного взрыва, под-вергают муштре! И девочек тоже, которые у нас не военнообязанные. И это занимает годы обучения! Вызывая возмущение и протесты студентов вузов во всей стране. Студенты всё громче требовали отменить вот этот военный идиотизм в вузах, этот оголтелый и тупой милитаризм. То в Сибири, то в Прибалтике происходили студенческие волнения по этому поводу. И мы в СУМе сосредоточились на этой деятельности. После неудачи «мирных» форм протеста: сбор подписей, хождение по министерствам и так далее, мы решились организовать стачку. Студенческую забастовку в своём вузе, МГПИ мы начали с началом нового семестра в февралю 1989 года. Когда мы начинали, это была чистая авантюра: у нас в активе было человек семь-восемь с трёх факультетов (а в вузе у нас 20 тысяч студентов и полтора десятка факультетов, разбросанных по всей Москве!). Но мы начали выпускать листовки, два раза в неделю издавали информационный листок на пишущих машинках (этим занимался я), создали стачком, ставили пикеты, вешали плакаты, боролись со штейкбрехерами, выступали перед курсами, прорывались в СМИ... И факультет за факультетом стали выходить на забастовки. Вскоре бастовали десять факультетов, пара тысяч студентов — в течение трёх недель. Мы запугали начальство, оно начало дёргаться, прибежали люди из Министерства Обороны. Забастовка окончилась полной победой: обязательная «гражданская оборона» была отменена. Потом подобные стачки прошли в двух других московских вузах, и мы помогли им советами.

Мы занимались не только этой забастовкой: мы боролись за отмену всяких «научных атеизмов», «научных коммунизмов» и «историй КПСС», против принудительной посылки студентов на картошку. Ещё нас волновали события в Китае: мы устроили целый ряд акций к годовщине событий на Тяньаньмэнь — 13–14 мая 1990 года возле МГУ на Воробьёвых горах был разбит студенческий лагерь солидарности, в котором участвовали несколько сотен человек. Была символическая суточная голодовка солидарности с китайскими студентами в годовщину начала забастовки на Тяньаньмэнь китайских студентов, проходили дискуссии о развитии свободного студенческого движения в СССР. А 4 июня 1990 года — в годовщину кровавого введе-

ния танков в Пекин — мы надели на головы белые повязки и сели со свечами в руках на брусчатке Красной площади, нас было человек семьдесят — нас тут же забрали в милицию, но ещё человек сто вышли к Историческому музею и потребовали нас освободить, и нас отпустили.

Времена тогда были странные: люди были менее равнодушные, менее запуганные, более активные. Их волновали убийства, совершённые китайским государством в Пекине, или люди, убитые Советской армией в Тбилиси или Вильнюсе: сразу собирались протестующие площади. Это не стоит идеализировать и преувеличивать. И манипуляции со стороны власти общественным движением оставались, да и масштабы наших сил были скромными. Так наш студенческий профсоюз и оставался Оргкомитетом, не сумев за два года перерасти за границы дюжины активистов в трёх вузах. Вышло несколько (пять-шесть) номеров газеты ОК СУМ «Кенгуру», тиражами по три тысячи экземпляров. Вот последний номер — это плакат-газета против принудительной посылки на картошку, вышедший в 1990 году. И всё-таки забастовка победоносная, охватившая 10 факультетов педвуза, давшая опыт самоорганизации и сопротивления тысячам студентов, тоже была, и это тоже некоторое достижение.

Интересно, каковы были взгляды членов КАС? Как вы уже поняли, изначально КАС объединила самые разные либертарные инициативы и людей (что и привело к недолговечности Конфедерации). Социологических исследований мы почти не проводили. Но вот на Третьем съезде КАС, в ноябре 1990 года в Питере были розданы с полсотни анкет для участников. У меня сохранились пара анкет. Можно очень примерно сказать, что, например, в Питере в анархическом движении всегда преобладали люди, которых мы бы сейчас назвали либертарианцами, ну, или не совсем либертарианцами, но либеральными анархистами: у них был популярен Бенджамин Таккер. Любители таких идей, вообще, не социалистические течения в анархизме, в России не очень приживались, к счастью, до 2010-х годов. Так что, в основном, это были анархические социалисты и коммунисты, более подробно не скажу.

Что касается анархического антифашизма, к счастью, до середины девяностых и начала двухтысячных годов он не был слишком актуальным. Первая анархическая антифашистская акция в Москве произошла в 1993 году (тогда главными фашистами были РНЕшники), но лишь в начале нового века массовый фашизм вышел на улицу — и вот тогда сформировался антифашизм (с сильным

участием анархистов). «Память» была довольно карикатурной, никто не думал, что у неё будет так много идейных наследников. Была организация ОФТ (Объединённый фронт трудящихся) — сталинисты, с ними боролись.

КАС постепенно обретала свою идентичность как крайне левый фланг перестройки, левое крыло общедемократического движения, направленного против КПСС и СССР. У нас всегда были сложные отношения с другими группами социалистическими, вышедшими из ФСОК, особенно, с Борисом Кагарлицким — одним из лидеров ФСОК. Его драматические и запутанные отношения с Исаевым и Шубиным строились как у Оруэлла у Океании с Евразией и Остзией: сегодня воюем, завтра дружим.

КАС немного участвовала и в движении коммунаров. В Калуге, насколько я помню в перестройку был центр какой-то организации, координирующей коммунаские инициативы («Движение за коммуны»), и в этом движении участвовали несколько членов КАС. Был такой Александр Серебряков на Северном Кавказе, горячий сторонник коммун и участник коммунитарных экспериментов. Но это, скорее, на уровне инициативы отдельных людей. (Замечу, что анархистские коммуны существовали и в девяностые-двухтысячные (самая известная из них, конечно, коммуна АТШИ, был скромный опыт их создания. И до сих пор существует небольшая анархическая коммуна Сквошино на Псковщине, ещё одна — в Адыгее.) Но активного участия в создании коммун КАС всё же не принимала было.

Интересен неоднократно упоминавшийся мной вопрос об оппортунизме Конфедерации анархосиндикалистов, попытке встроиться во власть, договориться с партией и комсомолом, интриговать и торговаться, избегать насилия и даже вообще «незаконных» действий, пользоваться риторикой официоза. Лидеры КАС, конечно, говорили, что мы — против верховной власти, против центральных органов, При этом предпринимались лукавые попытки участвовать в выборах депутатов на уровне городов-миллионников (что, конечно, не назовёшь местным самоуправлением, скорее, парламентами больших европейских стран). Иногда они были частично удачные, иногда неудачными. Тот же Андрей Исаев пытался в 1990 году пройти депутатом в Моссовет (при поддержке активистов КАС; и я, грешен, соучаствовал в этом позорище), успешно вышел во второй тур, обойдя десяток противников. Против него был милиционер

по фамилии Архипкин, Милиционер победил с небольшим отрывом. Игорь Подшивалов с большим успехом в Иркутске выступал на выборах, пропагандировал программу КАС и тоже едва не победил. А были у КАС даже некоторые депутаты в городских Советах (например, кажется, в Томске Борис Былин). Так что это интересный феномен — участие в местных городских выборах. У Исаева и Подшивалова не получилось, а в Томске члены КАС были депутатами на уровне городских Советов. И всё-таки главными направлениями нашей деятельности были участие в рабочем, студенческом, зелёном движениях, просвещение, демонстрации, лектории, листовки, издательская активность. В общем, сделано было немало.

И вот, я перечислил самые разные направления деятельности. Это, конечно, неполно, неточно, но ведь и лекция у нас совсем обзорная, а не академическая. Всё очень неравномерно, очень по-разному развивалось. Было много позорных провалов, прожектов, неудач, но были и отдельные точки прорыва, победы, накопление опыта. Но за час я не могу рассказать всё подробно.

Буду двигаться немножко к завершению. Расскажу вам, во-первых, о событиях двух московских путчей 1991 и 1993 годов и участии в них КАС, и, во-вторых, о распаде, агонии и гибели КАС и о её наследии. События были очень спрессованы. Месяц шёл за год. Всё менялось стремительно. Я был тогда молодой, мог практически не спать, и непонятно, когда я учился в институте. Потому что я занимался и «Общиной», и лекторием, и профсоюзом (СУМ). Сегодня начинается бархатная революция в Праге, а завтра революция с бойней в Румынии. И ты бежишь к румынскому посольству и кричишь: «секуритате — убийцы». А послезавтра разгон митинга ДС на Пушкинской. А потом публичная дискуссия.

Х

НО ВОТ наступает 1991 год. Внутри КАС зревают противоречия. В 1989 году внутри КАС объединились почти все анархисты СССР. И одним из них кажется, что слишком много у нас в программе риторики и идей социализма. Почему у нас социализм на плакатах, почему у нас красный цвет занимает половину флага, рядом с чёрным? Почему москвичи командуют всей организацией? Где здесь анархия? И вот, пожалуйста, первый раскол на Втором съезде КАС в марте 1990 года: значительная часть местных групп выходит под лозунгом: больше плюрализма в идеях, долой диктат

центра, КАС не партия, не хотим идейной гомогенности! Группы, которые бунтовали против централизации (весьма мягкой и условной), летом 1990 года создают АДА — Ассоциацию движений анархистов. Это широкая сеть групп, которые раз в году созывали свои съезды, принимали свои резолюции — им не нравилась в КАС определённость, структурированность.

С другой стороны, были немногочисленные анархо-коммунисты (вроде Дамье или Жвани), которым не нравилось, что у нас в программе — рыночный социализм. Кроме того, назрели противоречия и в Московской организации КАС: между «синдикалистами» из КАС-КОРА и молодыми любителями 1968 года, контркультуры из лектория Беспартшколы. В итоге несколько молодых активистов под надуманным предлогом были изгнаны из МО КАС. И в начале 1991 года возникает ИРЕАН (Инициатива революционных анархистов), из которой позже возникла группа КРАС-МПСТ (Конфедерация революционных анархо-синдикалистов-Межпрофессиональный союз трудящихся), которая стала российской секцией анархо-синдикалистского Интернационала. С другой стороны, приходят новые молодые люди. Мы узнали про 1968 год, про феминизм, про Франкфуртскую школу, про Красный май, — и всё это решительно не нравится старым вождям, которые начинают считать, что нам надо заниматься только «синдикализмом», нарастают противоречия стилистические и идейные внутри анархистов Москвы. Так возникают новые структуры за рамками КАС.

И тут наступает ещё такое важное событие (о котором я уже упоминал выше): СССР агонизирует, и нашего лидера Андрея Исаева приглашают в вымирающие профсоюзные структуры ВЦСПС. Его приглашают возглавить и гальванизировать московскую официальную газету «Солидарность». Так официальные профсоюзы захватили некоторое количество анархистов, переварили их и успешно их использовали.

Август 1991 года. Путч, опереточный и мутноватый. Конечно, нам не нравятся все: и Ельцин, и Горбачёв, и путчисты. Но, к сожалению, значительная часть анархистов и, увы, ваш покорный слуга всё же пошли к Дому Советов. Две баррикады возле здания СЭВ являются анархистскими. Мы поднимаем чёрные флаги, избираем командиром баррикады Игоря Подшивалова, заявляем, что мы против хунты, но, что не подчиняемся Ельцину, вооружаемся арматурой и коктейлями Молотова. Мы три дня и три ночи провели на этих баррикадах.

Ну вот, распадается СССР и с ним распадается КАС. Начинается чудовищная инфляция, чудовищная приватизация предприятий по Чубайсу, либерализация цен по Гайдару. Совершенно новая реальность, «дивный новый мир».

Все старые неформальные движения начинают рассыпаться, — это касается и КАС. Многие активисты уходят в частную жизнь, кто-то в совершенно другие, к сожалению места. Как у Галича, помните: «Уходят, уходят, уходят друзья. Одни в никуда, а другие в князья!»? Пётр Петрович Сиуда был убит КГБ, Голубенко из Волгодонска — погиб при подозрительных обстоятельствах (был сожжён). Дмитрий Жвания из Питера — он был в НБП, и в конце концов становится троцкистом, как и Дубровский из Днепропетровска. Некоторые уходят в ЛДПР (Вячеслав Хазов, лидер тверской организации КАС). Некоторые, как лидер тульских касовцев Судаченков, вообще, становятся фашистами, некоторые склоняются к интеграции в официоз, во главе с Исаевым. Хуже всех кончил Исаев, предав всё то, за что боролся, и всех тех, кто ему верил.

Организации часто умирают прежде, чем это сознают. Какие-то группы КАС просуществовали ещё многие годы, особенно в Иркутске. Иркутск вплоть до начала двухтысячных издавал (в лице Подшивалова) бюллетень КАС-Контакт, на котором всё ещё стояла надпись, что это КАС. Московская группа КАС, ужавшись до пяти человек, ещё в 1992–1994 годах издала пару номеров «Общины», листовки к путчу 1993 года, постепенно рассыпаясь. Но, конечно, КАС уже никакого нет, есть только отдельные люди, которые продолжают себя таковыми считать. А КАС как организация постепенно сходит со сцены. В каких-то городах ещё есть люди, которые так себя называют, проходят по инерции последние съезды, ещё выходит, угасая, журнал «Община» (но уже не по 30 тысяч, а по тысяче, по восемьсот экземпляров), умирает организация.

Начинают возникать на руинах КАС новые организации: карликовые, совершенно небольшие: КРАС-МПСТ (а до того ИРЕАН). «Хранители радуги», АДА; в Украине возникают свои анархо-синдикалисты (ФАД — Федерация анархистов Донбасса, потом переименованная в РКАС (Революционная конфедерация анархо-синдикалистов) и дожившая до 2014 года, когда эта могучая и амбициозная организация позорно исчезла, не оставив и следа); в Белоруссии — ФАБ, в Сибири возникает Сибирская конфедерация труда. Всё это, в основном, выходцы из КАС.

Наступает новая, совсем другая эпоха, и это отдельный разговор. Девяностые, двухтысячные — совершенно другое время, другие поколения, другое анархическое движение, хоть и выросшее из КАС, но мало знающее и помнящее об этом.

Начиная с середины девяностых годов в анархистское движение приходят юные люди, в основном, из хиппи и панков. А в перестройку в КАС было очень мало людей, которые бы настроены контркультурно. Многие анархисты образца перестройки были историками, и это понятно. Вдруг открываешь ты для себя, что Бакунин был прав в споре с Марксом, что Махно не был бандитом, — ох, как здорово, надо всем сообщить! Очень много было историков. На мой взгляд, это недостаток анархистского движения до сих пор непреодоленный, и немного превращающий его в музей или в движение реконструкторов. Но всё равно всё было очень по-разному. В КАС были не только молодёжь, но были такие люди, как Сиуда (за 50 лет), хотя это — совсем исключение, но были люди сильно за 30: рабочие, не молодёжь, очень по-разному.

Куда все уходят? Прошло время бурное, всё устоялось. В последующие годы анархистское движение становится очень молодёжное, старых людей почти не остаётся. Его приметы: молодёжность, субкультурность, отрицание идей и организаций. Пришёл, побунтовал, и ушёл: работать, семью создавать... Как я уже сказал, интересно, как бывших касовцев раскидала ироничная судьба! Многие лидеры КАС оказались и в ЛПДР и в троцкистах и в фашистах и в НБП, и во власти. Одна из членов КАС Женя Диллендорф долгие годы была пресс-секретарём Явлинского. Куда только многих судьба не забросила! Всё очень индивидуально, трудно обобщать. Кто-то сказал: «мы хотим АДА», кто-то сказал «нет, мы анархо-коммунисты», для кого-то слишком много социализма, для кого-то слишком мало социализма. Но интересно другое: из КАС вышли люди, которые десятки лет участвовали в анархическом движении: Рауш эмигрировал, Подшивалов погиб, Сиуда погиб, Муравин погиб. Кто-то сидит в Думе и возглавляет «Единую Россию», как Исаев, кто-то стал профсоюзным чиновником, как Шершуков, кто-то пишет десятки неплохих исторических книжек, как Шубин, кто-то издаёт православный журнал «Фома», как Гурболиков, а кто-то всё ещё упрямо и вопреки всему продолжает считать себя анархистом и что-то делать. Я упомянул Влада Тупикина, Вадима Дамье и Михаила Цовму, который тогда ещё был школьником, а сейчас занимается восстановлением Прямухина и организовал анархическое издательство «Чёрный квадрат».

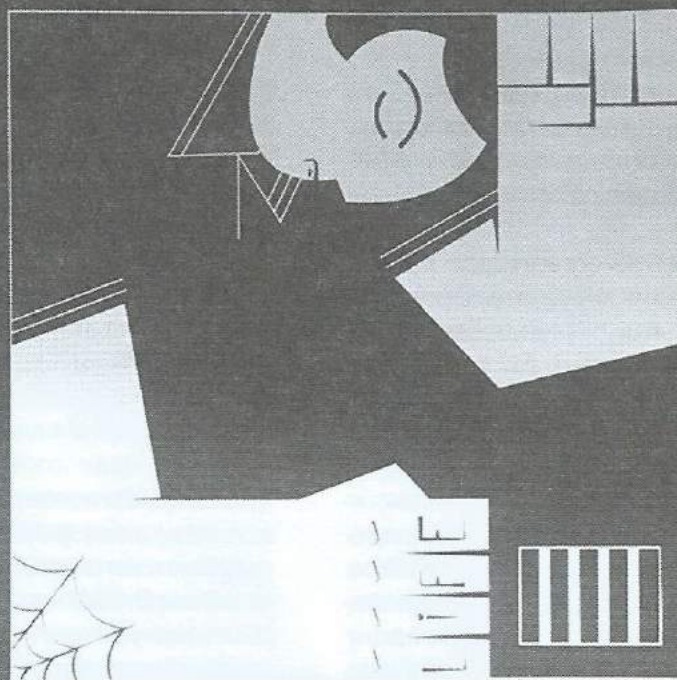
Да, напоследок я ещё хотел показать вам пару фотографий: вот демонстрация КАС в Москве в декабре 1989 года, лозунги: «Долой всеобщую воинскую повинность!», «Долой паспортный режим!» В вот демонстрация 1 мая 1990 года, когда сотня касовцев, выйдя на Красную площадь, участвовала в сгоне с трибун Мавзолея вождей страны: транспарант «Коммунисты, когда ваше государство начнёт отмирать?» А вот демонстрация колонны КАС в Харькове в 1989 году с надписью из Бакунина: «Социализм без свободы — это рабство и скотство!»

Завершая повторю, что при всей своей недолговечности и позорных провалах, для последующего анархистского движения в СНГ КАС — это точка отсчёта. О КАС стоит знать: о негативном опыте, об оппортунизме, о рыночном социализме, но и о достижениях тоже. В девяностые годы, с началом дикого капитализма, многие анархисты в СНГ стали тяготеть к анархо-коммунизму в теории и к большему радикализму в тактике. События, которые способствовали изменению анархистской тактики в сторону радикализма: знаменитое дело анархо-панков из Москвы Родионова и Кузнецова. Два анархо-панка с очень неприличными прозвищами шли по подземному переходу в начале 1991 года, на них напали два человека в штатском и стали избивать. Они достали нож и бритву и слегка порезали тех, кто оказался милиционерами. Им дали три года заключения. Причём уже после Пutschа 1991 года. Сразу после приговора анархисты перекрыли Тверскую улицу возле Моссовета. Были голодовки, митинги протеста. Я сам участвовал в блокаде Генпрокуратуры. И что интересно: решения были отменены, ребят отпустили. Нас тогда это поразило: СССР уже нет, но людей всё ещё сажают за самооборону от милицейского насилия! (Если бы мы знали, что будет здесь через четверть века!).

КАС была левым крылом антитоталитарного фронта против советского строя тоталитарного. КАС была организация известная, слово «анархизм» перестало быть ругательством, начинается какое-то накопление опыта, пусть и негативного. Здесь я не буду делать заключения, поставлю многоточие, поблагодарив вас за то, что вы пришли, несмотря на погоду и вообще лето. Интересно, что десять лет назад я рассказывал эту лекцию об истории КАС в Минске перед анархическими юношами и девушками, которые, — я осознал внезапно, — родились уже после тех событий, о которых я рассказывал. И для них это — седая история, вроде Парижской Коммуны. Но забывать об этом не следует.

СОКРАТ
ДИАЛОГИ О ТЮРЬМЕ

ТЮРЕМНЫЕ МОНОЛОГИ

Сутуги

От редакции «Автонома»: Наш товарищ Алексей Сутуга дважды оказывался за решеткой: с 2012 по 2013 и с 2014 по 2017 годы, в обоих случаях — за драки с ультраправыми. Сутуга сталкивался с неоднократными попытками его сломать и завербовать, тюремщики действовали по указке оперов МВД и ФСБ. Незадолго до смерти Сутуга опубликовал книгу «Диалоги о тюрьме», где описал свой опыт жизни в несвободе. На самом деле, это не диалоги, а его большой монолог. Представляем отрывки из него.

***

Видеореги­страторы есть в некоторых камерах, в общих камерах стоят, на спецу. На Бутырке все сломали, оставили только в образцово-показательных, сейчас не знаю, как там дела с этим обстоят. На Иркутске стоят в общих хатах, их не тронешь, если тронешь, отправят на перевоспитание к козлам на спецпродол, которые сделают за видеореги­стратор с тобой такие вещи, что ты захочешь, чтобы вокруг одни видеореги­страторы были. В Иркутске, где я сидел с козлами, было два видеореги­стратора, там хата, которая на две комнаты делится. На московских продолгах есть видеореги­страторы в некоторых хатах, когда я заехал, не было. Может, денег не было, может, сломали.

***

Раньше охраной лагерей и тюрем занимались ВОХР, сейчас фсиновцы. Отношения с продольными разные, зависит от того, как они себя поведут. На Бутырке при мне никто не жестил из продольных. По понятиям если ты видишь, что мусора пиздят зека, неважно кого, даже петуха, то можешь кровь пролить свою. В Сибири это делают, это солидарность, это делают из практических побуждений: сегодня петуха или порядочного бьют, а завтра будут всех зеков пиздить, не надо этого допускать. Но кровь не вода, попусту ее проливать нельзя. Если ты слышишь какие-то крики на продоле, что кого-то пиздят, выясняй сначала, кого пиздят, это может быть провокацией козлов, мусоров, а ты кровь пролил попусту зековскую. Выяснить это можно, крикнув, что случилось, что сейчас вскроюсь. По разному. Все тонко всегда, надо относиться к этому очень осторожно. Когда ты видишь, когда хуячат зека, попытайся остановить. Просто тупо молчать, смотреть, как пиздят зека другого, это пиздец, к тебе будут вопросы потом. В тюрьме все порядочные должны жить общим, если что-то на одном скажется, скажется на всех: если будут пиздить одного, будут пиздить всех. Если будет один прогибаться, то и другие прогнутся. Все должны друг другу помогать, чтобы этого не произошло. Потому что ничего нет кроме солидарности, оружие одно. Хотя есть и личный героизм, такой, что ты сам должен понимать, что есть твоя совесть арестантская, и ты от нее двигаешься. Но эта совесть приводит к общему. Искренне живет так малый процент, но они тянут всех остальных. Можно их назвать блатными (блатные не любят, когда их называют

блатными, их можно назвать бродяги, братва), люди, которые все это понимают, которые понимают, что нужно тянуть всех остальных к этому, иначе никто ничего иметь не будет. Если на лагере начинаешь Жить и призываешь всех к этому, могут начать мотать тебя по ШИЗО, давать по 15 суток, потом еще 15, потом еще 15, лишить тебя вещей, которые позволены обычному зеку, потом могут дать полгода ПКТ (все по закону — ты нарушаешь внутренний распорядок), изолировать тебя от арестантской массы, чтобы ты не влиял на остальных осужденных. И вот ты уже живешь под «крышей». Но есть солидарность арестантская, когда зеки с лагеря поддерживают «крышу». Они знают, что там сидит десять человек, например, им дали ПКТ полгода, мы всех их знаем, мы должны их дальше поддерживать, помогать, они не должны зависеть полностью от режима, от системы. Мы должны общаться с ними, малявами, еще как-то, ведь они за нас страдают. Когда ломают лагерь, перекрашивают в красный, перво-наперво всегда под «крышу» приходят, потому что если под «крышей» по режиму живут, идут слухи, приезжают те, которые по пять суток отсидели, возвращаются и говорят, там доклады по утрам, там никто не спит, там общения нет между арестантами, нас там пиздели, они молчали. Слухи идут, и у всех падает боевой дух, падает дух арестантский. Если так происходит, «крышу» перекрасили, будут лагерь перекрашивать. Сначала буйных самых ломают. Нас тоже под «крышей» пытались. Это история про общее, а не про то, что ты в одиночестве можешь что-то сделать. Если у тебя совесть такая, что ты на первое место ставишь свою безопасность, чтобы у тебя баланда была, передачи были (могут тупо рубить твои передачи, причина — человек в ШИЗО, ему передачи не положены, или пакости делать мусорские). Ты же понимаешь, что если будешь себя нормально вести, у тебя будут привилегии, даже под «крышей». Они постоянно на этом играют. Или наоборот — хуево делать, дают указание инспекторам-продольным, чтобы они тебя постоянно кошмарили, а могут не делать. У меня всегда было выигрышное положение, потому что я «политический», на воле имею знакомства с правозащитниками, у меня есть родственники, друзья, адвокат, общественная поддержка, и легавые это понимают, они знают, если что, я подниму вой. И не от себя лично, придут просто пацаны скажут, братан, давай скажем правозащитникам, и мы им такое сейчас расскажем. Всегда есть, на что жаловаться зекам на администрацию. Благодаря этой теме душ сделали нормальный под «крышей»

в Ангарске. Душа не было, была струя и нагревающий бак на 10 литров на 20 человек. Поставили второй бак, сделали ремонт, но потом дали мне 15 суток, спиздили у меня шерстяные носки при обыске, мелкая такая месть. Я пользовался тем, что постоянно кошмарил мусоров правозащитниками. Смотрящий за «крышей» говорит, я сейчас пойду общаться с БиОРОм, давай я им скажу, если какая-то хуйня будет, ты начнешь звать правозащитников, писать заявления, чтобы они дальше проталкивали это в прокуратуру. БиОРу это вообще не надо, он общее пропускал, мне лично приносил письма и газеты. Все угорали: о, твой почтальон пришел.

Облавы на дороги не делали сразу по всему централу. Зависит от времени, бывают, что они устраивают пиздец, бывает, что отъезжаются от этой дороги и не трогают ее вообще. Просто режут сами дороги, сверху, снизу, могут даже не сами резать, а козлов заставляя это делать, врываются в хаты. Можно на распор ставить хату, чтобы не было незваных гостей. На Бутырке не было у нас таких случаев, а там, где я сидел потом (на ПКТ, на ЕПКТ) постоянно врвались. Там редко когда дают жить спокойно, выматывают психологически. Постоянные обыски, шмоны, личные досмотры, перевод из одной хаты в другую каждый день. Инспекторам, которые работают под «крышей», тоже неохота всем этим заниматься, они бы сидели бы у себя в кабинетике, радио слушали бы и телевизор смотрели, им тоже неохота особо участвовать в этих мероприятиях.

Видеорегистраторы они включают, когда проводят действия с заключенными. Включают регистратор, говорят время, ФИО, открывают хату. Там робот стоит, он состоит из двух частей: общей и решетчатой, между ними можно домино и ложку вставить, получается клин, они ключ не могут повернуть почему-то. На спечах робот один, нет решетчатой двери, второй, там вбивается домино вверх или вбок, надо туда грамотно вбить, чтобы они не смогли открыть ее. Это делается, чтобы они не открыли, пока достаешь, запреты поднимаешь, курок делаешь. Если знают, что мусора могут ворваться на дорогу, а у тебя там груза идут, важные малявы. Терять неохота, потому что тебя спросят за это, поэтому лучше поставить на распорку, он долго будут открывать эту дверь, ты успеешь за это время все убрать, отправить дальше, убрать дорогу. Дорогу чуть дергаешь, и этот простой, но хитрый узел, один раз дернул, он отвязался, и дорогу забрали соседи, но бывает, что они сразу в две-три хаты врываются, тогда надо хитрить: топить, убирать, съедать, бывает, я ел малявы, рвал сопроводы и курсовые. Они

следят, что идет какой-то груз, они знают, что груз идет особый, контроль, контрольный груз. Например, когда я на ЕПКТ сидел, там распорку почему-то нельзя поставить, не знаю почему, или мы криворукие были, в итоге просто сделали из простыней дорогу, просто привязывали, там тоже решетчатая дверь и обычный робот. Простыню привязывали к роботу, не помню, был какой-то крюк, пока они все развязывали, мы успевали все сделать. В ЕПКТ они постоянно врвались, с ножичком бегали, резали, у них еще собака была, огромный кавказец, обученная ловить груза, малявы. Идет груз, она сразу бежит и ест его, давила крыс под окнами, огромная псина, хитрая, прямо под окнами ловит этот груз, держит в зубах, а там сало или конфеты какие-нибудь идут или сгущенка, и на тебя смотрит, и ты ее уговариваешь, нормально все, отпусти типа, или нет, малявы какие-то идут, ты ей говоришь, малявы просто, нет ничего пожрать. Она на тебя смотрит, держит это в зубах, карман это да, ты думаешь, бля, отпустит — не отпустит, иногда отпустила, но обычно просто рвала, смотрит на тебя, секунд пять подразнит тебя и рвет.

Некоторые в одной части корпуса на ЕПКТ отвлекали эту собаку, кормили, звали ее, она под окнами стояла, а другая часть как раз тянула, откатывались сигареты, еще что-то. На ЕПКТ дорога — это пиздец всегда запаха. В БУР были кабуры: дырки в стенах прямо пробиваются, через них все передается. На новом продоле некоторые стены были железобетонными, мы даже уголками из шконок выломанных не могли их пробить. Пластмассовая кружка давалась, ты вырезаешь дно, получается пяточок, кабуры были сделаны как раз под этот пяточок, его ставишь, мылом под цвет стены замазываешь и все. Видно, что там дыра, но нормально все, на проверках не обращают внимание, а если комиссия — просто прикрываешь.

***

Есть [Ильдар] Дадин — просто герой-одиночка, который нашел в себе силы не сломаться и донести до общественности свою ситуацию с пытками, если бы не это, у него бы вряд ли бы все получилось. Есть отработанная тема (в результате сотрудничества с ОНК), опять же отрицательно и лагерное понятие: если ты слышишь, что пытаются зека и ты точно знаешь, что это не провокация мусорская, что не какой-то козел орет, что его пытаются, а на самом деле его нифига не пытаются, он просто провоцирует массы, ты

видишь или слышишь, что пытаются, ты должен заступиться за этого зека, потому что, если мы будем друг за друга заступаться, будет нормально все у зеков, мусора не будут так жестить, а если мы будем попустительством заниматься, начнут всех пиздить, вымогать деньги. Это общее людское понятие, ты должен заступиться вплоть до того, чтобы вскрыться, вскрыть вены, чтобы остановить насилие. Если ты этого не сделаешь, и об этом узнает братва, другие зеки, тебе скажут, ты что охуел так поступать, ты поступил как непорядочный, каждый порядочный должен заступиться за другого зека, даже если он петух, даже если он красный. За другого зека ты должен заступиться, остановить насилие.

***

Когда я сидел с этими тремя козлами, один из них постоянно куда-то ходил, я потом уже понял, что к операм ходил, вот он пошел, потом говорит, ходил я к своему адвокату и мне сказали, что есть фотки, где ты с мужиком целуешься.

Я говорю, и где фотки-то? Говорю, ты же понимаешь, что это хуйня полная, что твой адвокат сказал. Он: смотри, если мы будем с тобой за одним столом есть, ты под вопросом, понял, пиши маляву смотряге централа. Я говорю, ты же мне сам говорил, что положенец централа — это гражданин начальник. Он, ну у нас есть такой-то такой-то, пиши маляву. Я говорю, ладно похуй, написал маляву, что у меня по жизни все норм.

Потом меня переводят с этим козлом на общую хату, у меня книжки мусора забрали. Думаю, какая-то хуйня происходит. Оказывается, этот козел — смотрящий хаты, красный директор, все мусорам сдает, его мусора ставят смотрягой в хате. Еще один был такой же, сидел по хуйне, с наркотиками связанной. Я говорю, давай хату всю соберем, че за хуйня, где фотографии, никаких фоток они не принесли. Там нас 14 человек сидело, они не могли понять, что за хуйня происходит, они про меня ничего не знали, но видели, что ко мне письма приходят, передачи мне делают, на счету у меня бабки были, адвокат и правозащитники ко мне ходили.

Я говорю, раз вы пытаетесь подвести меня под какую-то хуйню, объявляю голодовку. Не то, что вы со мной есть не хотите за одним столом, я вообще есть не буду, раз такая хуйня. Написал заявление на начальника тюрьмы, что объявляю голодовку, потому что ко мне не приходит адвокат, у меня забрали десять книг и не предоставили квиток о том, что изъяли у меня книги, просто

спиздели, пока я ходил на свиданку с дядей, не говорят, куда у меня этап, я непонятно что вообще делаю на их центральной. Они ж меня хотели там оставить, со мной фсбшники общались, сказали, мы из отдела по борьбе с организованной преступностью и экстремизму в рядах заключенных во ФСИН. Не знаю, существует он или нет.

Со мной сначала зам.начальника поговорил, я ему сказал, есть претензии к вам. Он говорит, ладно, но ты же понимаешь, мы можем договориться с тобой, но если ты не пойдешь на наши уступки, объявишь голодовку, мы тебя будем насильно кормить, я говорю, ну как хотите. А этот козел говорит с другой стороны, что тебя выебут, если будешь себя так вести. А я говорю давай-давай, посмотрим, меня твое мнение вообще не интересует, я могу только людей слушать.

Там были мужики обычные, один мне молодой там говорит, что поделать, видишь, такой режим, такая хуйня. Я вот, говорит, вообще анархист. Я — ему: в смысле? Он: я не занимаюсь политикой, как у вас, я не за черных, не за красных. Я говорю, ясно.

***

В итоге я голодал дней пять, в эти пять дней еще одного голодающего привели. Один раз был осмотр врачей, говорили, все нормально, один раз кровь у меня брали, смотрели, есть ли какие-то изменения в организме из-за голодовки. Три дня воду не пил, на четвертый день начал пить, потому что хуево стало. Если врачи увидят изменения в крови, начинают тебя насильно кормить, пристегивают наручниками и трубку засовывают.

***

Целые спектакли обыгрываются через продол, они же тоже слушают, и видеокamer в некоторых камерах нет, в некоторых хатах. Мы же обыгрывали тоже сценки с моим сокамерником чеченцем. Нас посадили с игиловцем в БУР, на четверке (ИК-14). Мы сидим, врубались, почему нас посадили вместе: друг другу нервы помотать, я анархист, он игиловец, типа сейчас друг друга сожрем. Он отказывался брать с воровского что-то, типа разгоны брать, потому что добыто нечестным путем воровским, ему нельзя есть по шариату, он не пил, не курил, не чифирил.

Мы с ним сжились нормально, в общей сложности просидели месяцев пять-шесть вдвоем, нормально себя чувствовали, я даже курить

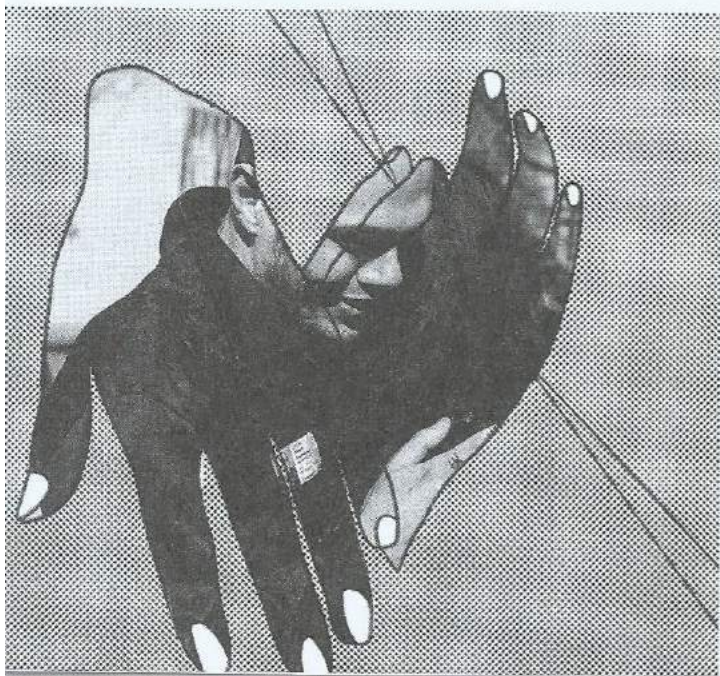

бросил, не курил уже, сигарет нам не надо особо-то, «Новую газету» постоянно читал. Думали, сейчас раскидают нас, неохота так раскидываться, в любой момент могут же раскидать по разным хатам, и мы начали делать вид, что ругаемся с ним по утрам, за всякую хуйню, за бытовуху, типа орем друг на друга, мы знаем, что они слушают, они докладывают биору, что типа мы ругаемся.

Приезжал фсбшник, говорил, я в курсе, что вы с ним вместе не сживаетесь, приезжал поговорить перед моим выходом приезжал насчет того, как мне сидится с игиловцем, что я буду делать, когда освобожусь, расскажи, как он сидит со мной, что рассказывает. Ему 2,5 года дали по 30-й 58, у него незавершенное, попытка, он не доехал до Сирии, его собственный дядя сдал центру «Э» в Грозном, его пытали током тоже, в спортзале привязали каком-то в Грозном. И мы такие сценки им устраивали, даже переругивались на проверках утром, типа стоим на продоле, за зубную щетку ругались что ли. Они стоят, а мы потом с ним ржали без палева. Нас потом все равно раскидали, когда фейс понял, что мы какую-то хуйню устраиваем.

***

Тебя сковывает всего и психологически, и физически. Думаешь о воле постоянно, теряешь связь с реальностью, начинаешь тупить, косячить. Помогает переписка. Люди, у которых нет поддержки, между собой общаются. Мне очень сильно помогало общение с воли, а со стороны других была, конечно, такая особая тюремная зависть, что мне пишет столько людей. В тюрьме пассивная агрессия везде проявляется, ты жи-

вешь ею, она рулит отношениями между зеками, надо стараться контролировать ее, взаимовыручка важнее, чем твоя агрессия, которая приводит к непониманию и к открытой агрессии, но она, конечно, рулит в тюрьме, в закрытом помещении, когда люди постоянно друг с другом.

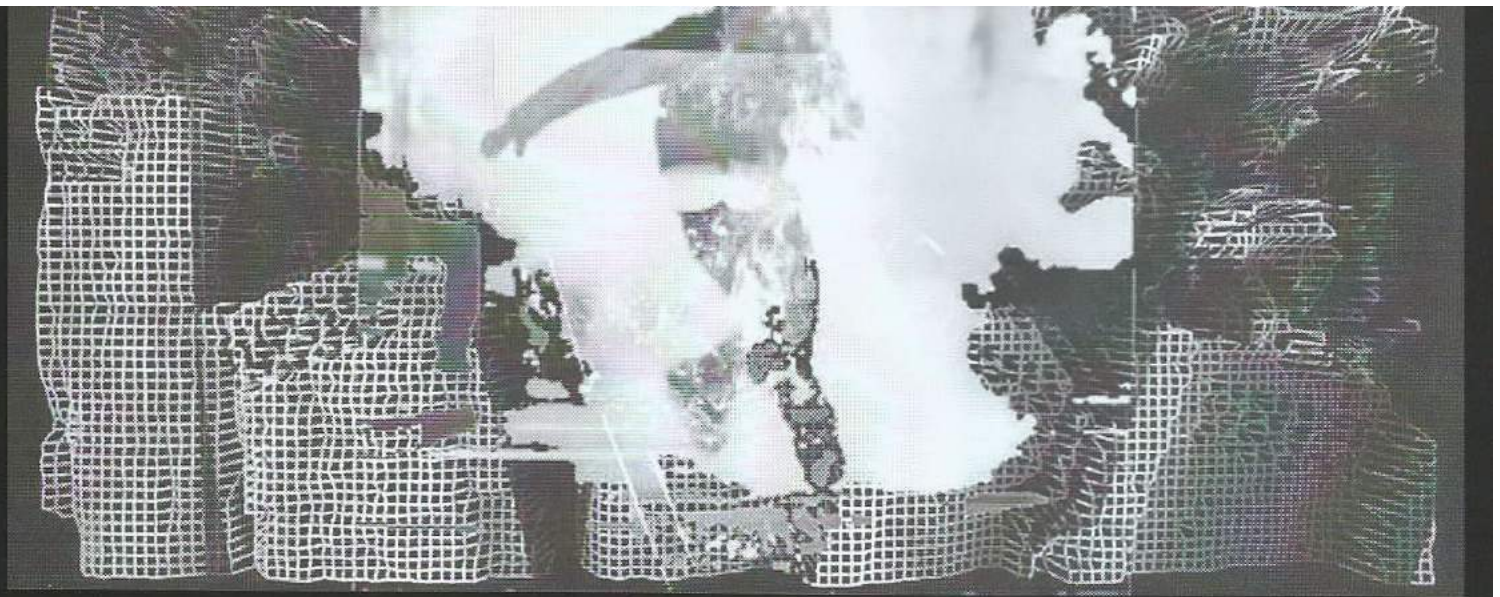
Поэтому тут и сложились годами накопленные понятия общежития и отношений между людьми. Что там еще делать? Только про себя рассказывать, про то, что делал на воле, как жил, постоянно об этом говоришь. В тюрьме приходится приспосабливаться к условиям, адаптироваться, я тоже тупил, не знал, как действовать с мусорами, как вести себя с зеками, какие-то косяки мелкие, но которые нельзя допускать, так как все сказывается на людях, живущих рядом с тобой. Ты постоянно разговариваешь об этом с другими зеками, которые знают, как себя вести, они тебе обязаны рассказать. К маленьким косякам поэтому и относятся по-человечески, потому что понимают, что человеку неоткуда больше это узнать. Тебе сто раз скажут, как надо делать, ты сто раз споткнешься, тебя сто раз поднимут. Например, когда сидишь под «крышей», не спалиться с чаем, запретом.

Расклацываются тормоза перед мусорами, а ты стоишь с кружкой, из которой пар поднимается, — палево. Или с запретом идиотским спалишься, ты должен его спрятать, думать каждую секунду о том, что может быть шмон. Или разговариваешь с ними, всегда нужно разговаривать с мусорами, чтобы они тебя уважали, немного боялись, понимали, что ты серьезный человек, а не какой-то дурак, что хуй спалишься, даже как-то определенно доверяли каким-то вещам, не начинать с ними сюсюкаться, шутки шутить. Можешь шутить с ними, когда тебе выгодно, но просто так — нет, или ляпнуть при них то, что они не должны знать (это уже косяк).

Физический страх надо контролировать. Тебе страшно, но ты должен контролировать этот страх. Ты попал в эту ситуацию, ты понимаешь, что надо выжить. Выжить, но не упасть достоинством арестантским, теряешь достоинство — теряешь человеческий облик. Выбор очень сильно влияет на твою дальнейшую судьбу, иногда выбора нет.

Опытный человек сразу видит, что человек не врубается, как он живет, в хате с ним сидишь, ты ему сразу доводишь, вот братан, ты так и так делаешь, а так не надо делать, ты правильно тут сделал, а тут неправильно, все это может к тому-то тому-то привести, повлияет на всю хату, на всю «крышу». Все действия, которые ты делаешь в тюрьме, влияют не только на тебя, но и на тех, с кем ты вместе в хате сидишь, а, может, и вообще на весь лагерь влияют.

КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ДЕД МОРОЗ ПРОТИВ ПУТИНА

мутирует в

ПИР ПОСЛЕ ЧУМЫ

11–14 ИЮНЯ

Пройдёт, по-прежнему,
в ХЕЛЬСИНКИ/
ФИНЛЯНДИЯ

Фестиваль организуют местные активисты, а также участниками из различных горизонтальных инициатив, либертарных, левоориентированных и анархистских сообществ России и постсоветского пространства.

Активные участники: активист_ки, художни_ки, представител_и транс/квир/лгбт сообществ, феминистских инициатив интерсекционального/кибер/ксено/left фем/деколониальных направлений, независимые СМИ, представители правозащитных организаций и НКО. Также — экологи, философы, социологи, политологи, практики и теоретики современного искусства, критической теории, чей контур интересов, в партисипаторных(вовлекающих) проектах и альянсах.

Программа фестиваля предлагает разнообразные формы соучастия: открытые дискуссии/доклады/обсуждения, воркшопы, презентации, видеопроекты, перформансы, нетворкинг и нежную рефлексию.

Завершением фестиваля станет крипторейв при участии современной электронной сцены, экспериментальной музыки и хакерской культуры. Информация о всех мероприятиях фестиваля будет в открытом доступе.

Здесь, на политически-нейтральной территории, мы вместе (организатор_ы/участни_ки/гости) создаём временную автономную зону, свободную от иерархических форм взаимодействия и дискриминации. Мы собираемся для сотворчества, установления новых проектных связей, производства ситуативных и знаний и для обмена опытом между активист_ами, художни_цами и трансдисциплинарными исследовател_ями из разных регионов и стран.

Завершением фестиваля станет крипторейв при участии современной электронной сцены, экспериментальной музыки и хакерской культуры.

Информация о всех мероприятиях фестиваля будет в открытом доступе.

feastafterplague.com

